РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

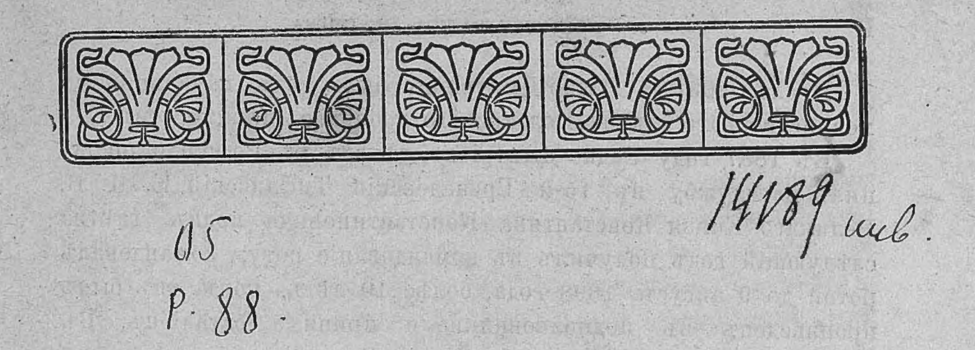
Годъ XLV-й. ОКТЯБРЬ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портретъ Радко-Дмитріева.

БЕРЕГИТЕ КНИГИ!

Не перегибайте книгу во время чтенія.
Не загибайте угловъ.
Не дѣлайте надписей на книгѣ.
Не смачивайте пальцевъ слюною, перелистывая книгу.
Завертывайте книгу въ бумагу.

Къ портрету Радко-Дмитріева.

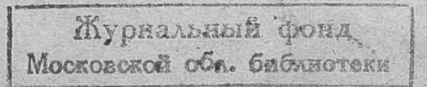
За послѣдніе два съ половиной мѣсяца восторженная любовь нашихъ войскъ къ начальнику назвала своего выдающагося героя генерала Радко-Дмитріева.

Радко Дмитріевичъ Дмитріевъ, болгаринъ по происхожденію, уроженецъ Сливненскаго округа и Котленскаго уѣзда, родился 24 сентября 1859 года. Окончивъ курсъ въ Котленскомъ реальномъ училищѣ, онъ во время нашей русско-турецкой войны поступилъ добровольцемъ проводникомъ Л. Гв въ Уланскій Его Величества полкъ и съ этимъ полкомъ совершилъ весь походъ 1877—78 г., отличаясь личной храбростью и особыми военными дарованіями.

Послѣ войны Радко-Дмитріевъ поступилъ въ Софійское военное училище, и, окончивъ тамъ военное образованіе, вышелъ въ 1879 году прапорщикомъ въ Румелійскія войска, гдѣ, уже въ чинѣ подпоручика, получилъ роту въ 1-й Филиппопольской пѣхотной дружинѣ.

Въ 1880 онъ былъ командированъ въ Петербургъ и прослушалъ тамъ лекціи въ 2-мъ военномъ Константиновскомъ училищѣ, черезъ годъ поступилъ въ Николаевскую Академію генеральнаго штаба, окончивъ тамъ полный курсъ, былъ откомандированъ въ 1-ю Филиппопольскую пѣхотную дружину. Затѣмъ онъ служилъ въ Болгарскомъ генеральномъ штабѣ и занималъ должность адъютанта, начальника штаба Ямбольскаго отряда и Восточнаго корпуса.

Во время войны 1885 года Радко-Дмитріевъ, занимая должности помощника начальника штаба и начальника штаба корпуса особенно отличился при атакѣ Драгоманскаго прохода, при атакѣ гор. Пирота и Планицы.

Послѣ войны, Радко-Дмитріевъ былъ годъ начальникомъ хозяйственнаго отдѣла Болгарскаго военнаго министерства [1]).

Въ 1887 году Радко-Дмитріевъ уѣхалъ въ Россію и поступилъ на службу въ 15-й Гренадерскій Тифлисскій Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича полкъ, гдѣ на слѣдующій годъ получилъ въ командованіе роту; командовалъ ротой до 9 августа 1898 года, болѣе 10 лѣтъ, когда онъ былъ произведенъ въ подполковники и принялъ баталіонъ. Въ 1898 году онъ отправился опять въ Болгарію, поступилъ на военную службу и достигъ тамъ до высшихъ назначеній.

Во время пребыванія въ Россіи Радко-Дмитріевъ женился на русской. Супруга его, Ольга Николаевна воспитанница Екатерининскаго Института.

Передъ отправленіемъ подполковника Радко-Дмитріева въ Болгарію спросили мнѣнія одного нашего начальника о возможности откомандированія Радко-Дмитріева и еще другого Болгарскаго офицера N, и онъ отвѣтилъ такъ: „будетъ ли N откомандированъ или нѣтъ—это не будетъ имѣть никакого значенія для русской и болгарской арміи, что же касается до подполковника Радко-Дмитріева, то не слѣдуетъ лишать болгарскую армію такого офицера, которому предстоитъ блестящая боевая будущность".

Предсказаніе это исполнилось, и въ войну 1912—1913 года Радко-Дмитріевъ былъ ужъ въ чинѣ генерала, командующимъ 3 болгарской арміей, гдѣ подъ Лозенградомъ, Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ дѣйствовалъ противъ турокъ блестяще, по-наполеоновски, сдѣлался любимцемъ болгарскихъ войскъ и болгарскимъ народнымъ героемъ; храбрость его была также изумительна и при появленіи во время боя въ рядахъ войскъ, Радко-Дмитріевъ былъ привѣтствуемъ восторженными ура и офицеровъ и солдатъ.

Въ началѣ 1913 года Радко-Дмитріевъ былъ временно командированъ въ Петербургъ и здѣсь испросилъ себѣ разрѣшеніе поступить, въ случаѣ войны, въ ряды русской арміи, чтобы имѣть возможность исполнить завѣтную мечту его жизни отблагодарить Россію за все то, что Россія сдѣлала для болгарскаго народа и для него лично.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Радко-Дмитріеву передавали, что въ одной русской семьѣ, передъ взятіемъ Адріанополя, одна умирающая видѣла отчетливо видѣніе, какъ на-

---

[1]) „Русскій Инвалидъ" 5 сентября с. г.

ступающія и облегающія турецкую крѣпость славянскія войска ее взяли. Радко-Дмитріевъ былъ пораженъ тѣмъ, что русской женщинѣ такъ были близки къ сердцу славянскія дѣла. Послѣ этого было рѣшено въ этой семьѣ благословить Радко Дмитріева фамильнымъ образомъ. По странной случайности образъ оказался иконой Спаса Нерукотворнаго, совершенно схожимъ съ тѣмъ образомъ, который былъ съ Суворовымъ во всѣхъ походахъ, сохранялся прежде въ Новомъ Іерусалимѣ и находится нынѣ въ Суворовской церкви. Разница была въ томъ, что суворовскій образъ поврежденъ пулей.

Этотъ образъ сопутствуетъ Радко-Дмитріеву и въ настоящей войнѣ.

Послѣ турецкой войны Радко-Дмитріевъ былъ назначенъ болгарскимъ посломъ въ Россію.

Началась русско-нѣмецкая война, и генералъ Радко-Дмитріевъ, исполняя свою завѣтную мечту, вступить въ ряды русскихъ войскъ, послалъ болгарскому правительству прошеніе объ отставкѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Принимая во вниманіе, что Болгарія остается нейтральной, я прошу освободить меня отъ занимаемаго мною поста посланника и уволить съ военной службы. Какъ болгаринъ, я не могу въ эту историческую минуту остаться въ сторонѣ и считаю своимъ святымъ долгомъ отдать свои силы Россіи, которой Болгарія обязана своимъ національнымъ существованіемъ“ [1]).

Получивъ изъ Болгаріи разрѣшеніе, и будучи принятъ на русскую службу Радко-Дмитріевъ уѣхалъ въ армію, дѣйствующую противъ австрійцевъ.

Корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, изъ Галиційскаго фронта, преисполнены въ теченіе сентября описаніемъ боевыхъ дѣяній Радко-Дмитріева, которыя мы приведемъ въ подлинникахъ.

Одинъ генералъ [2]), находящійся на передовыхъ позиціяхъ въ Австріи, пишетъ:

„Войска Радко-Дмитріева не участвовали во взятіи Львова. Они подошли ко Львову въ тотъ моментъ, когда австрійскія войска, подкрѣпленныя германскими, пытались сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе, чтобы прорвать нашу линію и взять обратно Львовъ. Противъ этихъ австро-германскихъ силъ были

---

[1]) „Новое Время“ отъ 26 іюля с. г.

[2]) „Вел.-Отеч. Война“. 9 сентября с. г. № 39.

двинуты войска Радко-Дмитріева, который и принялъ на себя весь ударъ остервенѣвшихъ враговъ.

Радко-Дмитріевъ въ теченіе трехъ дней выдерживалъ натискъ врага, превосходившаго силы его корпуса въ 4—5 разъ. Трое сутокъ русскія войска дрались безпрерывно день и ночь. Ни разу, ни одна часть за эти трое сутокъ не отдыхала. Въ концѣ концовъ утомленіе было такъ велико, что нѣкоторые солдаты засыпали тутъ же во время боя съ оружіемъ въ рукахъ

Благодаря крайнему напряженію и мужеству, войска Радко-Дмитріева отразили всѣ атаки австро-германцевъ и продержались до того времени, когда къ мѣсту битвы подошли свѣжія наши войска. Австро-германцы были опрокинуты и отступили въ безпорядкѣ.

Какъ извѣстно, за этотъ подвигъ Радко-Дмитріевъ былъ награжденъ Георгіемъ 4-й степени".

Раненый подъ Львовомъ подполковникъ С. такъ разсказываетъ [1]) о Радко-Дмитріевѣ:

„Безъ помпы, безъ позы, просто и скромно дѣлаетъ свое дѣло любимецъ арміи. Повсюду, гдѣ опасность, гдѣ нуженъ его совѣтъ и указаніе,—можно видѣть его грузную фигуру въ простомъ походномъ мундирѣ. Его выносливость невѣроятна. Подъ Львовомъ послѣ 20-часовой работы онъ спалъ только три часа, чтобы снова сѣсть на коня на нѣсколько сутокъ. Солдаты съ восторгомъ и умиленіемъ говорятъ о немъ.

Херсонскій депутатъ Государственной Думы М. П. Дмитріевъ, пріѣхавшій въ Одессу и все время состоявшій при генер. Радко-Дмитріевѣ, такъ характеризуетъ [2]) этого героя:

„Невѣроятный по своей силѣ бой у Городка въ результатѣ далъ намъ торжествовать все время побѣду. Что это былъ за бой, трудно себѣ представить. Никто изъ насъ во все время боя не отдохнулъ ни одной минуты. Правда, въ этой битвѣ намъ пришлось приложить много энергіи и силъ. Противъ насъ дѣйствовали три корпуса противъ одного! Но наши войска показали чудеса храбрости. Радко-Дмитріевъ не можетъ нахвалиться русскимъ солдатомъ. Это, говоритъ онъ, титаны. Съ такими войсками я рѣшусь пойти на самаго страшнаго врага. Болгары, говоритъ онъ, это только ученики русскихъ. Какъ офицеръ, состоявшій все время при немъ, я могу подтвердить, что ген. Дмитріевъ пользуется сказочной популярностью среди

---

[1]) „Искры" 14 сент. с. г. № 36.

[2]) „Новое Время" сентябрь.

войскъ. Солдаты, офицеры только о немъ и говорятъ. И дѣйствительно, это рѣдкій командиръ. Онъ постоянно впереди, рядомъ съ солдатомъ. Часто случалось, что онъ выходилъ за цѣпь и велъ впередъ войска. Его „впередъ"! электризуетъ войска. Онъ любитъ солдата и заботится о немъ. Онъ часто на собственномъ автомобилѣ доставляетъ раненыхъ на перевязочный пунктъ. Подъ М. ген. Радко такъ велъ бой, что наши потери не только были ничтожны, но войска ничуть не утомились. Это сдѣлали его блестящіе маневры и умѣлое руководство артиллеріей. Въ походѣ ген. Радко ведетъ жизнь простого солдата. Подъ Городкомъ ему приходилось все время спать на мокрой соломѣ. Обозъ былъ далеко. Питаться приходилось Богъ знаетъ чѣмъ. Намъ удалось за четыре дня разъ съ трудомъ раздобыть молоко для ген. Радко-Дмитріева.

Прибывшій изъ дѣйствующей арміи уполномоченный Краснаго Креста Д. Д. Даньшичъ передаетъ[1]) о Р. Д. нижеслѣдующее:

„Кому суждена слава народнаго героя, такъ это Радко-Дмитріеву. Во всѣхъ нашихъ арміяхъ, дѣйствующихъ противъ австрійцевъ, солдаты всѣ до одного обожаютъ своего „Радку". Въ войскахъ о немъ сложились уже цѣлыя легенды, хотя я долженъ сказать, что выдуманнаго въ этихъ легендахъ очень мало.

Радко-Дмитріевъ всегда впереди со своими полками, всегда самъ ведетъ солдатъ въ наступленіе, всегда въ самомъ опасномъ мѣстѣ, примѣромъ своимъ вдохновляя воиновъ.

Его лозунгъ—„впередъ". Когда пробуютъ его увѣрить, что лучше бы подождать, онъ спокойно и увѣренно повторяетъ: „Впередъ". Ему продолжаютъ доказывать, что надо подождать подкрѣпленія или обоза. Не мѣняя тона, Радко-Дмитріевъ говоритъ: „Энергично впередъ".

— Да, это—генералъ, это, дѣйствительно, начальникъ, герой, что и говорить,—только и слышишь отъ солдатъ. Офицеры безъ ума отъ него не меньше солдатъ. Мнѣ многіе офицеры съ восторгомъ передавали со всѣми подробностями о подвигахъ Радко-Дмитріева. Австрійцы боятся его и ненавидятъ, какъ самаго лютаго врага".

Ред.

---

[1]) „Биржевыя Вѣдомости" отъ 9 сент. с. г.

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Вильгельмъ II-й на Лейпцигскихъ торжествахъ въ 1913 году.

Во все время Лейпцигскихъ торжествъ въ 1913 году императоръ Вильгельмъ II усиленно подчеркивалъ свое необычайное вниманіе къ наслѣднику австрійскаго престола, покойному эрцъ-герцогу Францу Фердинанду. Онъ постоянно съ нимъ говорилъ чрезвычайно любезно, постоянно сидѣлъ съ нимъ и въ то же самое время обнаружилъ свое совершенное равнодушіе къ другимъ Августѣйшимъ гостямъ Саксонскаго Короля въ Лейпцигѣ. Когда австрійцы совершенно неожиданно для оберъ-гофмаршала Саксонскаго Короля, управлявшаго всѣми церемоніями, заявили о необходимости поѣхать со всѣми Августѣйшими гостями послѣ открытія нѣмецкаго памятника, на могилу австрійскаго фельдмаршала кн. Шварценберга, то оказалось, что у императора Вильгельма уже былъ готовъ роскошный вѣнокъ, который Вильгельмъ II и возложилъ на могилу кн. Шварценберга. У нѣмецкаго кейзера не хватило достаточнаго политическаго такта возложить вѣнокъ на могилы русскихъ, павшихъ подъ Лейпцигомъ за освобожденіе Германіи, и въ особенности на могилу генерала Шевича, которому оторвало голову, когда онъ шелъ во главѣ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи въ атаку на французскихъ кирасиръ, несшихся къ холму трехъ монарховъ, гдѣ находился также прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III.

Въ теченіе всего 1913 года Вильгельмъ II ничего не упоминалъ о историческихъ дѣяніяхъ русскихъ въ Германіи въ 1813 году, и лишь глазъ на глазъ съ предсѣдателемъ русскаго Лейпцигскаго комитета по сооруженію храма памятника сказалъ ему одному, что онъ пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 1-й степени въ память совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій русскихъ и пруссаковъ въ 1913 году.

Вильгельмъ II-й на Нарвскихъ маневрахъ въ Россіи въ 1890 г.

Во время нарвскихъ маневровъ въ 1890 г. Вильгельмъ II-й прибылъ въ Ревель моремъ, а оттуда въ Нарву по желѣзной дорогѣ. Ко времени его прибытія на особой платформѣ въ Нарвѣ находились Особы Императорской Фамиліи,—почетный караулъ отъ л.-гв. Преображенскаго полка и высшія начальствующія лица. Передъ остановкой поѣзда германскій императоръ обнаружилъ необычайную нервность и желаніе возможно скорѣе попасть на платформу — онъ вышелъ на переднюю площадку вагона, и, не дождавшись остановки поѣзда, хотѣлъ выскочить на платформу, но сорвался съ площадки и очутился между платформой и вагономъ, успѣвъ, однако, здоровой рукой ухватиться за стойку площадки вагона. Стоявшій позади германскаго императора дюжій генералъ-адъютантъ мгновенно схватилъ правой рукой подъ мышки своего императора и вытащилъ его на площадку.

Вскорѣ Вильгельмъ II-й опять выскочилъ на платформу и второй разъ удачно.

Вообще неоперившійся еще нѣмецкій кейзеръ подобострастно велъ себя въ отношеніи Державнаго Вождя Русской арміи.

У насъ была фотографія, снятая штабсъ-капитаномъ Асѣевымъ на холмѣ позиціи Ополье: особенно величественна была фигура Россійскаго монарха и особенно подобострастна была поза Вильгельма II-го.

Эта фотографія была передана впослѣдствіи начальнику штаба Петербургскаго округа Г. Р. Васмунду.

Къ великому сожалѣнію, генералъ Васмундъ ее затерялъ, и послѣ смерти фотографію нигдѣ не могли найти.

Міровоззрѣніе германцевъ на историческія событія 1813—1814 г.г.

Цѣлью германскихъ историковъ за послѣднее столѣтіе было искоренить въ сознаніи нѣмцевъ все то, что, къ несчастію, сдѣлала Россія къ спасенію и возсозданію Пруссіи и Германіи въ 1807, 1813, 1814, 1866, 1870—1871 гг.

5-го октября 1913 г., передъ открытіемъ въ Лейпцигѣ германскаго памятника народовъ, камеральный совѣтникъ Тиме, говорившій 40 минутъ рѣчь о событіяхъ войны 1813 - 1814 гг., между прочимъ сказалъ о Россіи, что она въ 1812 г. выгнала Наполеона изъ предѣловъ Россіи, и больше ничего. На самомъ нѣмецкомъ памятникѣ битвы народовъ, какъ и вообще на всѣхъ нѣмецкихъ памятникахъ о войнѣ 1813 г., ничего объ участіи Россіи не упоминалось.

Въ виду этого ярко выраженнаго забвенія историческаго хода событій, комитетъ по устройству храма памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія вырѣзалъ на камнѣ передъ храмомъ надпись и по-русски и по-нѣмецки: „Памяти 22.000 русскихъ воиновъ, павшихъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 г. за освобожденіе Германіи".

Намъ удавалось слышать слова простого нѣмецкаго народа послѣ прочтенія этой надписи:

Вотъ выдумали, говорили нѣмцы, прочитавъ эту надпись: это мы, нѣмцы, освободили Германію, это мы, нѣмцы, разбили Наполеона, это мы, нѣмцы, пришли въ Парижъ, при чемъ же тутъ русскіе.

П. Вороновъ.

Радко Димитриевъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

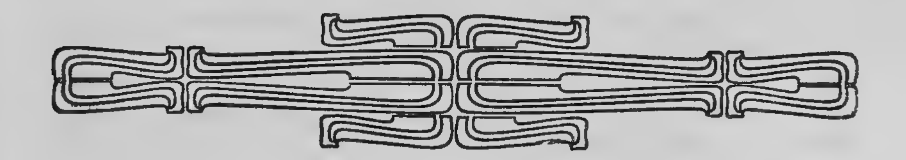
1914.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.

Къ столѣтію со дня рожденія М. Ю. Лермонтова.

2 октября 1814 г.—2 октября 1914 г.

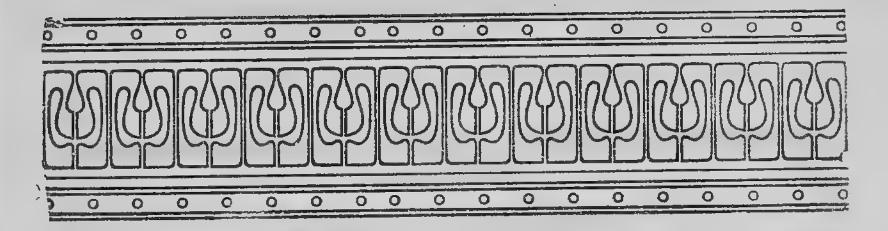
Русское общество не будетъ имѣть возможности вспомнить день рожденія своего великаго поэта съ подобающею ему честью. Глубоко національное движеніе, охватившее нашу страну противъ дерзкаго и вдобавокъ оказавшагося безчестнымъ врага, отниметъ часть нашего воодушевленія при мысли о прошломъ,—мы захвачены настоящимъ и будущимъ. Но будущее и за великими представителями нашего самосознанія, и въ частности за Лермонтовымъ. Объ этомъ и хочется сказать нѣсколько словъ.—Развитіе русской литературы всегда вели отъ Пушкина и Гоголя, мѣсто Лермонтова, которому не отказывали ни въ любви, ни въ уваженіи, было однако какъ бы внѣ этого поступательнаго движенія, онъ оказался и здѣсь „вѣчнымъ странникомъ", не нашедшимъ себѣ постояннаго пристанища среди равныхъ и подобныхъ. Теперь мы знаемъ, что это не такъ. Мысль о вліяніи лермонтовской стихіи на послѣдующую нашу литературу, возникшая въ недавнее время, представляется въ высшей степени плодотворной; отсюда можно ждать богатыхъ выводовъ, которые могутъ привести къ иному пониманію поэта, столь любимаго въ школьномъ возрастѣ и забываемаго позднѣе. Сила его еще не измѣрена, цѣнность его еще не указана. Во всякомъ случаѣ предстоитъ переоцѣнка. Народность поэта во многомъ была заподозрѣна, хотя почему-то наши крупные мудрые писатели съ народническою складкою (Ап. Григорьевъ, Достоевскій, Ключевскій) обращались съ особо сочувственною мыслью къ этому „западнику". Намъ кажется умѣстнымъ вспомнить здѣсь слова Достоевскаго, который въ своемъ „Дневникѣ Писателя" (за 1877 г.), говоря

о томъ, что поэтъ „навѣрно-бъ кончилъ тѣмъ, что отыскалъ исходъ, какъ и Пушкинъ, въ преклоненіи передъ народной правдой“, добавляетъ, что „чуть лишь онъ коснется народа, тутъ онъ свѣтелъ и ясенъ. Онъ любитъ русскаго солдата, казака, онъ чтитъ народъ... Остался-бы Лермонтовъ жить и мы-бы имѣли великаго поэта, тоже признавшаго правду народную, а, можетъ быть, и истиннаго „печальника горя народнаго“...

И вотъ, когда, установивъ связь Лермонтова съ послѣдующими нашими великими поэтами и мудрецами и, подмѣтивъ въ его стихіи черты подлинно народнаго духа, вольютъ это въ сознаніе нашего общества, тогда настанетъ для поэта будущее, котораго онъ заслуживаетъ и которое уяснитъ намъ многое и въ другихъ писателяхъ, до тѣхъ поръ остававшееся или незамѣченнымъ или непонятымъ.

В.

Сборникъ дипломатическихъ документовъ.

Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ.

№ 1.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Бѣлградъ, 10 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Австрійскій Посланникъ только-что въ 6 часовъ вечера передалъ, заступающему Пашича, Министру Финансовъ Пачу ультимативную ноту своего Правительства, дающую 48-часовой срокъ для принятія заключающихся въ ней требованій. Гизль добавилъ на словахъ, что, въ случаѣ непринятія ея цѣликомъ, въ 48-часовой срокъ, ему предписано выѣхать изъ Бѣлграда съ составомъ Миссіи. Пашичъ и прочіе Министры, уѣхавшіе на агитацію по выборамъ, вызваны и ожидаются въ Бѣлградъ завтра, въ пятницу, въ 10 часовъ утра. Пачу, сообщивъ мнѣ содержаніе ноты, проситъ защиты Россіи и говоритъ, что ни одно Сербское Правительство не можетъ согласиться на предложенія Австріи.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 2.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Бѣлградъ, 10 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Переводъ ноты, переданной сегодня Австро-Венгерскимъ Посланникомъ Сербскому Правительству:

18 (31) марта 1909 г. Сербскій Посланникъ въ Вѣнѣ сдѣлалъ по приказанію своего Правительства Императорскому и Королевскому Правительству слѣдующее заявленіе:

„Сербія признаетъ, что права ея не были затронуты совершившимся фактомъ, созданнымъ въ Босніи и Герцеговинѣ, и что, слѣдовательно, она будетъ сообразоваться съ тѣми рѣшеніями, которыя будутъ приняты державами по отношенію къ ст. 25 Берлинскаго трактата.

Подчиняясь совѣтамъ великихъ державъ, Сербія обязуется впредь отказаться отъ того положенія протеста и оппозиціи по вопросу объ аннексіи, которую она занимала съ прошлой осени и обязуется кромѣ того измѣнить курсъ своей настоящей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, чтобы впредь поддерживать съ названной державой добрососѣдскія отношенія.

Между тѣмъ исторія послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15 іюля доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи.

Движеніе это, зародившееся на глазахъ у сербскаго правительства, въ концѣ концовъ дошло до того, что стало проявляться за предѣлами территоріи королевства въ актахъ терроризма, въ серіи покушеній и въ убійствахъ. Королевское сербское правительство не только не выполнило формальныхъ обязательствъ, заключающихся въ деклараціи 18 (31) марта 1909 г., но даже не приняло никакихъ мѣръ, чтобы подавить это движеніе.

Оно допускало преступную дѣятельность различныхъ обществъ и организацій, направленную противъ монархіи, распущенный тонъ въ печати, прославленіе виновниковъ покушенія, участіе офицеровъ и чиновниковъ въ революціонныхъ выступленіяхъ, вредную пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, оно допускаетъ всѣ манифестаціи, которыя могли

возбудить въ сербскомъ населенiи ненависть къ монархiи и презрѣнiе къ ея установленiямъ.

Эта преступная терпимость королевскаго сербскаго правительства не прекратилась даже въ моментъ, когда событiя 15 прошлаго iюня показали всему мiру ея прискорбныя послѣдствiя. Изъ показанiй и признанiй виновниковъ преступнаго покушенiя 15 iюня явствуетъ, что сараевское убiйство было подготовлено въ Бѣлградѣ, что оружiе и взрывчатыя вещества, которыми были снабжены убiйцы, были доставлены имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ народной одбраны, и что, наконецъ, переѣздъ преступниковъ съ оружiемъ въ Боснiю былъ организованъ и осуществленъ начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты разслѣдованiя не позволяютъ австро-венгерскому правительству сохранять долѣе то выжидательное и терпѣливое положенiе, которое оно занимало въ теченiе ряда лѣтъ по отношенiю къ дѣйствiямъ, намѣчавшимся въ Бѣлградѣ и пропагандировавшимся оттуда въ предѣлахъ территорiи монархiи.

Эти результаты, напротивъ, возлагаютъ на него обязанность положить конецъ пропагандѣ, являющейся постоянной угрозой для спокойствiя монархiи. Для достиженiя этой цѣли австро-венгерское правительство находится вынужденнымъ просить сербское правительство оффицiально заявить, что оно осуждаетъ пропаганду, направленную противъ австро-венгерской монархiи, то-есть всю совокупность тенденцiй, входящихъ въ составъ этой пропаганды, и что оно обязуется принять всѣ мѣры для подавленiя этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характеръ этому обязательству, королевское сербское правительство опубликуетъ на первой страницѣ оффицiальнаго органа отъ $^{26}/_{13}$ iюля нижеслѣдующее заявленiе:

„Королевское сербское правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгрiи, то-есть совокупность тенденцiй, имѣющихъ конечной цѣлью отторженiе отъ австро-венгерской монархiи частей ея территорiи, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствiяхъ этихъ преступныхъ дѣйствiй.

Королевское правительство сожалѣетъ, что сербскiе офицеры и чиновники сербскiе участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ и скомпрометтировали такимъ образомъ тѣ добрососѣдскiя отношенiя, поддерживать которыя королевское правитель-

ство торжественно обязалось въ своей декларацiи, отъ 18 (31) марта 1909 года.

Королевское правительство, порицая также дѣйствiя населенiя нѣкоторой части Австро-Венгрiи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ и чиновниковъ и все населенiе королевства, что отнынѣ оно будетъ принимать самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствiяхъ, которыя правительство всѣми силами будетъ предупреждать и подавлять".

Это заявленiе будетъ немедленно объявлено войскамъ приказомъ Его Величества Короля по армiи и будетъ опубликовано въ оффицiальномъ военномъ органѣ.

Королевское правительство, кромѣ того, обязуется:

1) Не допускать никакiя публикацiи, возбуждающiя ненависть и презрѣнiе къ монархiи и проникнутыя общей тенденцiей, направленной противъ ея территорiальной неприкосновенности.

2) Немедленно закрыть общество, называемое „Народная Одбрана", конфисковать всѣ средства пропаганды этого общества и принять тѣ же мѣры противъ другихъ обществъ и учрежденiй въ Сербiи, занимающихся пропагандой противъ австро-венгерской монархiи. Королевское правительство приметъ необходимыя мѣры, чтобы воспрепятствовать образованiю вновь такихъ обществъ.

3) Незамедлительно исключить изъ дѣйствующихъ въ Сербiи программъ учебныхъ заведенiй, какъ въ отношенiи личнаго состава учащихъ, такъ и въ отношенiи способовъ обученiя, все то, что служитъ или могло бы служить къ распространенiю пропаганды противъ Австро-Венгрiи.

4) Удалить съ военной и административной службы вообще всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ по отношенiю къ австро-венгерской монархiи, имена которыхъ австро-венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству, вмѣстѣ съ указанiемъ совершенныхъ ими дѣянiй.

5) Допустить сотрудничество въ Сербiи австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленiя революцiоннаго движенiя, направленнаго противъ территорiальной неприкосновенности монархiи.

6) Произвести судебное разслѣдованiе противъ участниковъ заговора 15 iюня, находящихся на сербской территорiи, причемъ лица, командированныя австро-венгерскимъ правительствомъ, примутъ участiе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разслѣдованiемъ.

7) Срочно арестовать коменданта Воя Танкесича и нѣкоего Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометтированнаго результатами сараевскаго разслѣдованія.

8) Принять дѣйствительныя мѣры къ воспрепятствованію оказанія содѣйствія сербскими властями въ незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу и уволить и подвергнуть также суровому наказанію чиновъ пограничной службы въ Шабацѣ и Лозницѣ, виновныхъ въ томъ, что оказали содѣйствіе руководителямъ сараевскаго покушенія, облегчивъ имъ переѣздъ черезъ границу.

9) Дать австро-венгерскому правительству объясненіе по поводу совершенно не могущихъ быть оправданными заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ какъ въ Сербіи, такъ и за границей, которые, несмотря на занимаемое ими оффиціальное положеніе, позволили себѣ послѣ покушенія 15 іюня высказываться въ интервью во враждебномъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи тонѣ.

10) Безъ замедленія увѣдомить австро-венгерское правительство объ осуществленіи указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣръ.

Австро-венгерское правительство ожидаетъ отвѣта королевскаго правительства до 6 час. вечера въ субботу 12/25 текущаго мѣсяца.

(Подп.). *Штрандтманъ.*

№ 3.

Письменное сообщеніе, врученное лично Австро-Венгерскимъ Посломъ въ С.-Петербургѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ 11 іюля 1914 г. въ 10 часовъ утра.

(Переводъ).

Императорское и Королевское Правительство было поставлено въ необходимость вручить въ четвергъ 10/23 сего мѣсяца, черезъ Императорскаго и Королевскаго Посланника въ Бѣлградѣ, слѣдующую ноту Королевскому Сербскому Правительству:

(слѣдуетъ текстъ ноты)

см. документъ № 2.

№ 4.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Австро-Венгріи.

С.-Петербургъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Благоволите передать Австро-Венгерскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ нижеслѣдующее:

Обращеніе Австро-Венгріи къ Державамъ черезъ полъ-сутокъ по предъявленіи ею ультиматума въ Бѣлградѣ лишаетъ Державы возможности предпринять въ остающійся короткій срокъ что-либо полезное въ видахъ улаженія возникшихъ осложненій. Поэтому, для предотвращенія неисчислимыхъ и для всѣхъ одинаково нежелательныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ повести образъ дѣйствій Австріи, мы считали бы необходимымъ, чтобы послѣдняя прежде всего продлила поставленный ею Сербіи для отвѣта срокъ. Выразивъ готовность предоставить Державамъ ознакомиться съ данными слѣдствія, на которыхъ она основываетъ свои обвиненія, Австрія должна бы дать Державамъ возможность составить себѣ сужденіе о дѣлѣ. Въ случаѣ, если бы Державы при этомъ убѣдились въ справедливости нѣкоторыхъ Австрійскихъ требованій, онѣ могли бы преподать Сербіи соотвѣтствующіе совѣты. Отказъ Австріи отъ предлагаемой нами постановки дѣла явно противорѣчилъ бы международной этикѣ и лишилъ бы сдѣланное ею сегодня намъ заявленіе смысла.

Сообщается въ Лондонъ, Берлинъ, Римъ, Парижъ, Бѣлградъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 5.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Императорскимъ Представителямъ въ Англіи, Германіи, Италіи и Франціи.

С.-Петербургъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на переданную Вамъ телеграмму Кудашеву отъ сего числа; мы надѣемся, что Правительство, при коемъ вы

аккредитованы, согласится съ нашимъ взглядомъ и срочно предпишетъ своему Представителю въ Вѣнѣ высказаться въ этомъ же смыслѣ.

Сообщается въ Бѣлградъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 6.

Телеграмма Его Королевскаго Высочества Королевича Регента Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Бѣлградъ, 11 іюля 1914 г.

Вчера вечеромъ Австро-Венгерское Правительство передало Сербскому Правительству ноту относительно покушенія въ Сараевѣ. Сербія въ сознаніи своихъ международныхъ обязательствъ заявила съ первыхъ дней ужаснаго преступленія, что она осуждаетъ это злодѣяніе и готова открыть слѣдствіе на своей территоріи въ томъ случаѣ, если слѣдствіе, которое ведется Австро-Венгерскими властями, докажетъ соучастіе нѣкоторыхъ его подданныхъ. Но требованія, заключенныя въ нотѣ Австро-Венгерскаго Правительства, не совмѣстимы съ достоинствомъ Сербіи, какъ независимаго Государства, и излишнимъ образомъ для нея унизительны. Требуется между прочимъ, въ категорической формѣ, отъ насъ декларація Правительства въ оффиціальной газетѣ, приказъ Короля по арміи, въ которомъ мы осуждали бы враждебный духъ противъ Австріи и вмѣстѣ съ тѣмъ мы высказывали бы себѣ самимъ упреки за преступное попустительство по отношенію къ нашимъ будто бы коварнымъ проискамъ; далѣе намъ ставятъ условіемъ присутствіе Австро-Венгерскихъ чиновниковъ въ Сербіи какъ для совмѣстнаго участія съ нашими въ слѣдствіи, такъ и для наблюденія за остальными мѣропріятіями, указанными въ нотѣ. Намъ даютъ 48-ми часовой срокъ для принятія всего, въ противномъ случаѣ Австро-Венгерская Миссія выѣдетъ изъ Бѣлграда. Мы готовы принять тѣ требованія Австро-Венгріи, которыя совмѣстимы съ положеніемъ независимаго Государства, а также и тѣ, кои Ваше Величество намъ посовѣтуетъ принять, мы строго накажемъ всѣхъ тѣхъ, участіе коихъ въ покушеніи будетъ доказано. Среди требованій находятся и такія, которыя вызы-

ваютъ и перемѣны въ нашемъ законодательствѣ и для сего намъ необходимо время. Срокъ назначенъ слишкомъ короткій. Австро-Венгерская армія сосредоточивается около нашей границы и можетъ насъ атаковать по истеченіи срока. Мы не можемъ защищаться. Посему молимъ Ваше Величество оказать намъ помощь возможно скорѣе. Ваше Величество дало намъ столько доказательствъ Своего драгоцѣннаго благоволенія, что мы твердо надѣемся, что этотъ призывъ найдетъ откликъ въ Его Славянскомъ и Благородномъ сердцѣ. Я являюсь выразителемъ чувствъ Сербскаго народа, который въ эти трудныя времена молитъ Ваше Величество принять участіе въ судьбахъ Сербіи.

(Подп.) *Александръ.*

№ 7.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Всѣ утреннія газеты, даже и тѣ немногія, которыя признаютъ непріемлемость для Сербіи поставленныхъ ей условій, относятся весьма сочувственно къ рѣшительному тону, принятому Австріей. Особенно рѣзокъ—оффиціозный „Локаль-Анцейгеръ“, который говоритъ, что обращенія Сербіи въ Петербургъ, Парижъ, Аѳины и Букарестъ излишни, и заканчиваетъ, что нѣмецкій народъ вздохнетъ свободно, узнавъ, что, наконецъ, станетъ яснымъ положеніе на Балканскомъ полуостровѣ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 8.

Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Копія оффиціально переданной въ Бѣлградѣ ноты была сообщена Австрійскимъ Посломъ Французскому Правительству.

Впослѣдствіи Министра посѣтилъ Германскій Посолъ и прочиталъ ему сообщеніе, въ коемъ воспроизводились австрійскіе доводы и затѣмъ указывалось, что, въ случаѣ отказа Сербіи, Австрія вынуждена будетъ прибѣгнуть къ давленію, а въ случаѣ надобности и къ военнымъ мѣрамъ; въ заключеніе говорилось, что Германія считаетъ, что этотъ вопросъ подлежитъ непосредственному разрѣшенію между Австріей и Сербіей и что въ интересахъ Державъ ограничить дѣло предоставленіемъ его заинтересованнымъ сторонамъ. Присутствовавшій при разговорѣ Управляющій Политическимъ Департаментомъ спросилъ Посла, должно ли считать Австрійское выступленіе ультиматумомъ или нѣтъ. Другими словами, послѣдуютъ ли неминуемо военныя дѣйствія, если Сербія не подчинится безпрекословно Австрійскому требованію. Посолъ уклонился отъ прямого отвѣта, сославшись па неимѣніе инструкцій.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 9.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Бѣлградъ, 11 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Пашичъ вернулся въ Бѣлградъ. Онъ предполагаетъ дать Австріи въ установленный срокъ, то-есть завтра субботу въ 6 часовъ вечера, отвѣтъ съ обозначеніемъ пріемлемыхъ и непріемлемыхъ пунктовъ. Нынѣ же будетъ послана просьба Державамъ о защитѣ независимости Сербіи. Затѣмъ, сказалъ Пашичъ, если война неизбѣжна—мы будемъ воевать.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 10.

Правительственное Сообщеніе.

С.-Петербургъ, 12 іюля 1914 г.

Правительство весьма озабочено наступившими событіями и посылкой Австро-Венгріей ультиматума Сербіи. Правительство

зорко слѣдитъ за развитіемъ сербско-австрійскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной.

№ 11.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Графъ Берхтольдъ въ Ишлѣ. За невозможностью самому туда поспѣть во-время, я ему протелеграфировалъ наше предложеніе о продленіи срока ультиматума и повторилъ его на словахъ Барону Маккіо. Послѣдній обѣщалъ сообщить ихъ своевременно Министру Иностранныхъ Дѣлъ, но прибавилъ, что можетъ съ увѣренностью предсказать безусловный отказъ.

(Подп.) *Кудашевъ*.

№ 12.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Продолженіе моей телеграммы отъ сего числа. Получилъ только-что, черезъ Маккіо, отрицательный отвѣтъ Австро-Венгерскаго правительства на наше предложеніе о продленіи срока ноты.

(Подп.) *Кудашевъ*.

№ 13.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

(Телеграмма).

Бѣлградъ, 12 іюля 1914 г.

(получена съ замедленіемъ 14 іюля 1914 г.).

Передаю отвѣтъ, врученный Сербскимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Австро-Венгерскому Посланнику въ Бѣлградѣ сегодня до истеченія срока ультиматума.

Королевское сербское правительство получило сообщеніе императорскаго и королевскаго правительства отъ 10-го сего мѣсяца и убѣждено, что его отвѣтъ устранитъ всякое недоразумѣніе, угрожающее испортить добрососѣдскія отношенія между Австро-Венгерской монархіей и королевствомъ сербскимъ.

Королевское правительство сознаетъ, что протесты, заявленные какъ съ трибуны скупщины, такъ и въ сообщеніяхъ и дѣйствіяхъ отвѣтственныхъ представителей государства, протесты, которымъ былъ положенъ конецъ декларацiей сербскаго правительства отъ 18/31 марта 1909 г., не возобновлялись по отношенію къ великой сосѣдней монархіи ни при какихъ случаяхъ и что съ того времени, какъ со стороны смѣнявшихся королевскихъ правительствъ, такъ и со стороны ихъ органовъ не было сдѣлано никакой попытки, имѣвшей цѣлью измѣнить какъ политическое, такъ и юридическое положеніе вещей, созданное въ Босніи и Герцеговинѣ.

Королевское правительство констатируетъ, что въ этомъ отношеніи императорскимъ и королевскимъ правительствомъ не было сдѣлано никакихъ представленій, за исключеніемъ лишь представленія относительно одной учебной книги, на которое императорское и королевское правительство получило совершенно удовлетворительное объясненіе.

Сербія неоднократно давала доказательства своей миролюбивой и умѣренной политики въ теченіе балканскаго кризиса и лишь благодаря Сербіи и той жертвѣ, которую она принесла, исключительно въ интересахъ европейскаго мира, этотъ миръ былъ сохраненъ.

На королевское правительство не можетъ быть возложена отвѣтственность за манифестаціи частнаго характера, каковыми являются статьи въ газетахъ и мирная работа обществъ—манифестаціи, которыя разсматриваются почти во всѣхъ странахъ, какъ нѣчто обыкновенное, и которыя, въ видѣ общаго правила, стоятъ внѣ оффиціальнаго контроля, тѣмъ болѣе, что королевское правительство во время разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, возникшихъ между Сербіей и Австро-Венгріей, проявило чрезвычайную предупредительность и достигло благодаря этому разрѣшенія большинства этихъ вопросовъ на пользу развитія обѣихъ сосѣднихъ странъ.

Вслѣдствіе этого для королевскаго правительства явились тягостной неожиданностью утвержденія, будто лица, изъ сербскаго королевства участвовали въ подготовкѣ покушенія, совершеннаго въ Сараевѣ.

Правительство ожидало, что оно будетъ приглашено къ участію въ разслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого преступленія, и было готово доказать дѣйствіями полную свою корректность въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ лицъ, относительно коихъ ему были бы сдѣланы соотвѣтствующія сообщенія.

Слѣдуя такимъ образомъ желанію императорскаго и королевскаго правительства, королевское правительство изъявляетъ готовность предать суду всякаго сербскаго подданнаго, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго въ сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства.

Въ частности, оно обязывается опубликовать на первой страницѣ оффиціальнаго органа отъ $^{13}/_{26}$ іюля нижеслѣдующее заявленіе:

„Королевское сербское правительство осуждаетъ всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, т. е. всю совокупность тенденцій, стремящихся въ конечной цѣли къ отторженію отъ австро-венгерской монархіи входящихъ въ ея составъ территорій, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское правительство сожалѣетъ, что нѣкоторые сербскіе офицеры и чиновники участвовали, согласно сообщенію императорскаго и королевскаго правительства, въ вышеупомянутой пропагандѣ, и такимъ образомъ скомпрометтировали тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось своей деклараціей отъ 18/31 марта 1909 г.

Правительство, которое порицаетъ и отрекается отъ всякой идеи или попытки вмѣшательства въ судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ, чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, къ предотвращенію и подавленію которыхъ сербское правительство приложитъ всѣ усилія. Заявленіе это будетъ объявлено сербской арміи приказомъ, даннымъ отъ имени его величества короля его королевскимъ высочествомъ наслѣдникомъ королевичемъ Александромъ, и будетъ опубликовано въ ближайшемъ номерѣ оффиціальнаго военнаго органа“.

1) Королевское привительство обязывается, кромѣ того, внести въ первый же нормальный созывъ скупщины, въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія къ австро-венгерской монархіи, а равно всѣ публи-

каціи, общая тенденція которыхъ была бы направлена противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгріи, будутъ подвергаться самымъ суровымъ карамъ.

Правительство обязуется при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи, внести въ ст. 22 конституціи измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, согласно точному смыслу ст. 22 конституціи, не представляется возможнымъ.

2) Правительство не имѣетъ никакихъ доказательствъ, и нота императорскаго и королевскаго правительства ему ихъ не доставляетъ, въ томъ, что общество „Народна Одбрана" и другія подобныя общества совершили до настоящаго времени какое-либо преступное дѣяніе этого рода въ лицѣ кого-либо изъ своихъ членовъ.

Тѣмъ не менѣе королевское правительство соглашается на просьбу императорскаго и королевскаго правительства и закроетъ какъ общество „Народна Одбрана", такъ и всякое другое общество, которое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгріи.

3) Королевское сербское правительство обязуется безотлагательно устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды.

4) Королевское правительство равнымъ образомъ изъявляетъ согласіе удалить съ сербской службы лицъ, виновность коихъ въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ территоріальной неприкосновенности австро-венгерской монархіи, будетъ доказана судебнымъ разслѣдованіемъ.

Правительство ожидаетъ, что императорское и королевское правительство сообщитъ ему дополнительно имена этихъ офицеровъ и чиновниковъ, равно какъ и свѣдѣнія о совершенныхъ ими дѣяніяхъ, въ цѣляхъ производства вышеуказаннаго разслѣдованія.

5) Королевское правительство, съ своей стороны, должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы императорскаго и королевскаго правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органовъ императорскаго и королевскаго правительства, но заявляетъ, что оно допуститъ сотрудничество, соотвѣтствующее нормамъ международнаго права и уголовнаго

судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами.

6) Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своей обязанностью произвести разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ заговорѣ 15-го іюня и находящихся на территоріи королевства; что касается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которые были бы откомандированы съ этой цѣлью императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, то королевское правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Однако, въ конкретныхъ случаяхъ сообщенія о результатахъ упомянутаго слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ.

7) Королевское правительство распорядилось въ самый день врученія ему ноты принять мѣры къ аресту коменданта Войслава Танкосича, что же касается Милана Цыгановича, подданнаго австро-венгерской монархіи и состоявшаго до 15-го іюня кандидатомъ на должность въ Управленіи желѣзныхъ дорогъ, то онъ еще не могъ быть допрошенъ.

Королевское правительство обращается къ императорскому и королевскому правительству съ просьбой соблаговолить сообщить въ обычной формѣ и въ возможно непродолжительномъ времени предположенія виновности, равно какъ доказательства виновности, если таковыя имѣются, добытыя до настоящаго времени произведеннымъ въ Сараевѣ слѣдствіемъ для производства дополнительнаго разслѣдованія.

8) Сербское правительство усилитъ и расширитъ мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконнаго торга оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу. Само собою разумѣется, правительство немедленно распорядится производствомъ разслѣдованія и сурово покараетъ должностныхъ лицъ пограничной службы на линіи Шабацъ—Лозница, нарушившихъ свой долгъ и допустившихъ переѣздъ черезъ границу виновниковъ сараевскаго преступленія.

9) Королевское правительство охотно дастъ объясненіе по поводу заявленій его должностныхъ лицъ, какъ въ Сербіи, такъ и за границей, сдѣланныхъ послѣ покушенія въ интервью и носившихъ, согласно утвержденію императорскаго и королевскаго правительства, враждебный по отношенію къ монархіи характеръ, какъ только императорское и королевское правитель-

ство сообщитъ ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій и докажетъ, что заявленія эти были дѣйствительно сдѣланы должностными лицами; съ своей стороны королевское правительство также озаботится полученіемъ доказательствъ этого факта.

10) Королевское правительство увѣдомитъ императорское и королевское правительство о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ предшествующихъ пунктахъ мѣропріятій, поскольку это не сдѣлано уже настоящей нотой, немедленно по воспослѣдованіи распоряженія и осуществленіи каждой изъ этихъ мѣръ.

Въ случаѣ, если бы императорское и королевское правительство не было бы удовлетворено настоящимъ отвѣтомъ, королевское сербское правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово какъ всегда пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала или великихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ декларации, сдѣланной сербскимъ правительствомъ $^{18}/_{31}$ марта 1909 года“.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 14.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 12 іюля 1814 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму отъ 11 іюля.

Передалъ ея содержаніе Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ сказалъ, что Англійское Правительство также просило его посовѣтовать въ Вѣнѣ продленіе срока ультиматума; онъ телеграфировалъ объ этомъ въ Вѣну, протелеграфируетъ и о нашемъ шагѣ, но опасается, что за отсутствіемъ Берхтольда, уѣхавшаго въ Ишль, и за недостаткомъ времени его телеграммы не будутъ имѣть результатовъ, къ тому же онъ сомнѣвается, удобно ли Австріи уступать въ послѣднюю минуту и не усилитъ ли это самоувѣренность Сербіи. Я возразилъ, что Великая Держава, какъ Австрія, можетъ уступить безъ ущерба престижу, и привелъ всѣ соотвѣтствующіе доводы, но болѣе опре-

дѣленныхъ обѣщаній не получилъ. Даже на намеки, что слѣдовало бы воздѣйствовать въ Вѣнѣ во избѣжаніе возможныхъ грозныхъ послѣдствій, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ каждый разъ отвѣчалъ отрицательно.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 15.

Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Получилъ телеграмму 11 іюля о продленіи срока Австрійскаго ультиматума и сдѣлалъ предписанное сообщеніе.—Французскому Представителю въ Вѣнѣ даны соотвѣтствующія инструкціи.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 16.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма)

Получилъ телеграмму 11 іюля. Грей телеграфировалъ Англійскому Послу въ Вѣнѣ поддержать наше выступленіе относительно продленія срока ультиматума. Онъ мнѣ при этомъ сказалъ, что Австрійскій Посолъ былъ у него и объяснилъ, что Австрійская нота должна была бы быть разсмотрѣна не какъ ультиматумъ, а какъ выступленіе, вызывающее, въ случаѣ отсутствія отвѣта или неудовлетворительнаго отвѣта къ назначенному сроку, разрывъ дипломатическихъ сношеній и немедленный отъѣздъ Австро-Венгерскаго Посланника изъ Бѣлграда, но не немедленное начало военныхъ дѣйствій. Грей добавилъ, что, въ виду сего объясненія, онъ, въ своихъ инструкціяхъ Послу, указалъ послѣднему, что, если будетъ поздно возбуждать вопросъ

о продленіи срока ультиматума, можетъ быть остановка военныхъ дѣйствіи могла бы служить предметомъ обсужденія.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 17.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Англіи.

С.-Петербургъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Въ случаѣ дальнѣйшаго обостренія положенія, могущаго вызвать соотвѣтствующія дѣйствія Великихъ Державъ, мы разсчитываемъ, что Англія не замедлитъ опредѣленно встать на сторону Россіи и Франціи, чтобы поддержать то равновѣсіе въ Европѣ, за которое она постоянно выступала и въ прошломъ и которое будетъ несомнѣнно нарушено въ случаѣ торжества Австріи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

Переводъ.

№ 18.

Письменное сообщеніе, переданное Германскимъ Посломъ въ Петербургѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ 12 іюля 1914 года.

Мы узнаемъ изъ авторитетнаго источника, что извѣстіе, распространенное нѣкоторыми газетами о томъ, что выступленіе Австро-Венгерскаго Правительства въ Бѣлградѣ произошло по наущенію Германіи, совершенно ложно. Германское Правительство не было ознакомлено съ текстомъ Австрійской ноты до ея врученія и не повліяло на ея содержаніе. Свѣдѣнія о занятіи Германіей рѣшительнаго положенія лишено всякаго основанія. Германія, какъ союзникъ, конечно поддерживаетъ Австрію, претензіи коей къ Сербіи она считаетъ законными. Прежде всего она хочетъ, какъ она это заявляла съ самаго начала Австро-Сербскаго препирательства, чтобы этотъ конфликтъ былъ бы локализованъ.

№ 19.

Повѣренный въ дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на мою телеграмму 11 іюля.

Сегодня въ утренней газетѣ появились, хотя и не совсѣмъ въ точномъ видѣ, вчерашнія заявленія Германскаго Посла съ комментаріями, въ коихъ подчеркивался характеръ угрозы этого шага. Германскій Посолъ, крайне смущенный этими разоблаченіями, посѣтилъ сегодня утромъ Управляющаго Политическимъ Департаментомъ и сказалъ ему, что его слова отнюдь не имѣли приписываемаго имъ характера угрозы. Онъ объяснилъ, будто Австрія вручила свою ноту Сербіи, безъ опредѣленнаго уговора съ Берлиномъ, но что, впрочемъ, Германія одобряетъ точку зрѣнія Австріи и что, конечно, какъ выразился онъ, „разъ стрѣла выпущена", Германія можетъ только руководствоваться своими союзническими обязанностями.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 20.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грей мнѣ сказалъ, что Германскій Посолъ заявилъ ему, что Германское Правительство не было освѣдомлено о содержаніи текста Австрійской ноты, но что оно всецѣло поддерживаетъ Австрійское выступленіе. Посолъ при этомъ спросилъ, согласится ли Англія воздѣйствовать въ Петербургѣ въ примирительномъ смыслѣ. Грей отвѣтилъ, что это совершенно невозможно. Министръ при этомъ добавилъ, что пока осложненія происходятъ между Австріей и Сербіей, Англійскіе интересы затронуты лишь косвенно, но что онъ долженъ предвидѣть, что Австрійская мобилизація вызоветъ мобилизацію Россіи и что

съ этого момента возникнетъ положеніе, въ коемъ заинтересованы будутъ всѣ Державы. Англія въ этомъ случаѣ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 21.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Бѣлградъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Австрійскій Посланникъ, несмотря на крайнюю примирительность Сербскаго отвѣта на ультиматумъ, только-что въ $6^1/_2$ вечера увѣдомилъ Сербское Правительство нотою, что онъ, не получивъ въ установленный срокъ удовлетворительнаго отвѣта, со всѣмъ составомъ Миссіи покидаетъ Бѣлградъ. Въ Нишѣ на 14-е іюля созывается Скупщина. Туда же сегодня вечеромъ выѣзжаетъ Сербское Правительство и Дипломатическій Корпусъ.

(Подп.) *Штрандтманъ*.

№ 22.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 12 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грей сказалъ Германскому Послу, что, по его мнѣнію, Австрійская мобилизація должна вызвать мобилизацію Россіи и что тогда возникнетъ острая опасность всеобщей войны и что онъ видитъ лишь одинъ выходъ для мирнаго его разрѣшенія: чтобы, въ виду Австрійской и Русской мобилизаціи, Германія, Франція, Италія и Англія воздержались бы отъ немедленной мобилизаціи и предложили бы сначала свои добрыя услуги. Грей мнѣ сказалъ, что этотъ планъ нуждается, прежде всего, въ Германскомъ согласіи и обязательствѣ Германіи не мобилизовать. Въ виду этого онъ сначала обратился по этому поводу съ запросомъ въ Берлинъ.

(Подп.) *Бенкендорфъ*.

№ 23.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Италіи.

С.-Петербургъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Италія могла бы сыграть первостепенную роль въ дѣлѣ обезпеченія мира, если бы оказала должное воздѣйствіе на Австрію и заняла бы опредѣленное отрицательное положеніе къ конфликту, ибо послѣдній не можетъ остаться локализованнымъ. Было бы желательно, чтобы Вы высказали убѣжденіе въ томъ, что не придти на помощь Сербіи для Россіи невозможно.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 24.

Управляющій Консульствомъ въ Прагѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Прага, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Мобилизація объявлена.

(Подп.) *Казанскій.*

№ 25.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Австро-Венгріи.

С.-Петербургъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

У меня былъ сегодня съ Австро-Венгерскимъ Посломъ продолжительный разговоръ въ дружественномъ тонѣ. Разсмотрѣвъ съ нимъ предъявленныя Сербіи 10 требованій, я указалъ на то, что кромѣ неудачной формы, въ которую они облечены, нѣкорыя изъ нихъ фактически совершенно не выполнимы, даже если бы Сербское Правительство и заявило о своемъ согласіи ихъ принять. Такъ, напримѣръ, пункты 1-й и 2-й не могутъ

быть осуществлены безъ измѣненія Сербскихъ законовъ о печати и о союзахъ, на что едва-ли возможно будетъ получить согласіе Скупщины; выполненіе же пунктовъ 4-го и 5-го неизбѣжно привело бы къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ и угрожало бы даже террористическими актами, направленными противъ членовъ Королевскаго Дома и Пашича, что едва-ли соотвѣтствуетъ цѣлямъ Австріи. Что касается другихъ пунктовъ, то мнѣ кажется, что съ извѣстными видоизмѣненіями въ подробностяхъ было бы не трудно въ отношеніи ихъ найти почву для соглашенія, если обвиненія, въ нихъ заключающіяся, будутъ подтверждены достаточными доказательствами.

Въ интересахъ сохраненія мира, который, по словамъ Сапари, одинаково дорогъ и для Австріи, какъ и для всѣхъ Державъ, было бы необходимо возможно скорѣе положить конецъ нынѣшнему натянутому положенію. Съ этой цѣлью мнѣ казалось бы очень желательнымъ, чтобы Австро-Венгерскій Посолъ былъ уполномоченъ войти со мною въ частный обмѣнъ мыслей для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей Австрійской ноты 10-го іюля. Такимъ путемъ быть можетъ удалось бы найти формулу, которая, будучи пріемлемой для Сербіи, дала вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе требованіямъ Австріи по существу. Переговорите въ смыслѣ этой телеграммы съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ осторожной и дружественной формѣ. Сообщается Посламъ въ Германіи, Франціи, Англіи и Италіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 26.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Германіи.

С.-Петербургъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сообщивъ содержаніе моей телеграммы въ Вѣну отъ сего числа Германскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, благоволите выразить ему надежду, что онъ найдетъ возможнымъ, съ своей стороны, посовѣтовать въ Вѣнѣ пойти навстрѣчу нашему предложенію.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 27.

Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Директоръ Политическаго Департамента сообщилъ мнѣ, что когда онъ передалъ Австрійскому Послу содержаніе сербскаго отвѣта на ультиматумъ, Посолъ не скрылъ своего изумленія по поводу того, что Гизль имъ не удовлетворился. Уступчивость Сербіи должна, по мнѣнію Директора Политическаго Департамента, произвести въ Европѣ очень выгодное впечатлѣніе.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 28.

Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ вновь посѣтилъ Германскій Посолъ, давшій слѣдующія объясненія: „Австрія объявила Россіи, что она не ищетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и не угрожаетъ цѣлости Сербіи. Ея единственная цѣль — обезпечить собственное спокойствіе. Отъ Россіи слѣдовательно зависитъ предотвратить войну. Германія чувствуетъ себя солидарной съ Франціей въ горячемъ желаніи предохранить миръ и твердо надѣется, что Франція употребитъ свое вліяніе въ Петербургѣ въ умѣряющемъ смыслѣ". Министръ замѣтилъ, что Германія могла бы съ своей стороны предпринять аналогичные шаги въ Вѣнѣ, въ особенности послѣ выказанной Сербіей уступчивости. Посолъ отвѣтилъ, что это не представляется возможнымъ, въ виду рѣшенія не вмѣшиваться въ Австро-Сербскій споръ. Тогда Министръ спросилъ, не могли ли бы четыре Державы—Англія, Германія, Италія и Франція—предпринять шаги въ Петербургѣ и Вѣнѣ,

разъ дѣло сводится по существу къ спору между Россіей и Австріей. Посолъ сослался на отсутствіе инструкцій. Въ заключеніе Министръ отвѣтилъ отказомъ согласиться на Германское предложеніе.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 29.

Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 13 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Директоръ Политическаго Департамента высказалъ, какъ личное мнѣніе, что послѣдовательныя германскія выступленія въ Парижѣ имѣютъ цѣлью запугать Францію и вызвать воздѣйствіе ея въ Петербургѣ.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 30.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 13 Іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Послѣ полученія въ Берлинѣ извѣстія о мобилизаціи Сербскихъ войскъ большая толпа народа, состоящая, по словамъ газетъ, отчасти изъ австрійскихъ элементовъ, произвела рядъ шумныхъ манифестацій, сочувственныхъ Австріи. Поздно вечеромъ манифестанты нѣсколько разъ скоплялись передъ зданіемъ Императорскаго Посольства, издавая враждебные по адресу Россіи возгласы, при чемъ полиція почти отсутствовала и не принимала никакихъ мѣръ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 31.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 13 іюля, прошу телеграфировать мнѣ, согласуются ли, по Вашему мнѣнію, непосредственные Ваши переговоры съ Вѣнскимъ Кабинетомъ съ проектомъ Грея о медіаціи 4 Правительствъ. Узнавъ изъ телеграммы Англійскаго Посла въ Петербургѣ, что Вы готовы принять эту комбинацію, Грей рѣшилъ ее превратить въ оффиціальное предложеніе, которое имъ было сдѣлано вчера вечеромъ въ Берлинѣ, Парижѣ и Римѣ.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 32.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ во Франціи и Англіи.

С.-Петербургъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

По порученію своего Правительства, Англійскій Посолъ запросилъ, согласна ли Россія, чтобы Англія взяла инціативу созванія въ Лондонѣ конференціи изъ Представителей Франціи, Германіи и Италіи, чтобы вчетверомъ обсудить возможные выходы изъ положенія.

Я отвѣтилъ Послу, что мои непосредственные переговоры съ Австрійскимъ Посломъ хотя и начались, но что еще нами не получено отвѣта на сдѣланное мною предложеніе совмѣстнаго пересмотра ноты. Русское Правительство готово принять Англійское предложеніе, это, или всякое другое, способное мирно разрѣшить конфликтъ, если бы непосредственныя наши объясненія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ не наладились.

Сообщается Посламъ въ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 33.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи.

С.-Петербургъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ознакомился съ отвѣтомъ, переданнымъ Сербскимъ Правительствомъ Барону Гизлю. Онъ превышаетъ всѣ наши ожиданія своей умѣренностью и готовностью дать самое полное удовлетвореніе Австріи. Если только Вѣнскій Кабинетъ не ищетъ предлога для войны противъ Сербіи, недоумѣваемъ, въ чемъ могутъ заключаться еще требованія Австріи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 34.

Повѣренный въ Дѣлахъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Германскій Посолъ сегодня вновь подробно обсудилъ положеніе съ Директоромъ Политическаго Департамента. Посолъ очень настаивалъ на исключеніи всякой возможности медіаціи или конференціи.

(Подп.) *Севастопуло.*

№ 35.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Совѣщался съ Управляющимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, въ присутствіи Бертело, сейчасъ же по возвращеніи своемъ въ Парижъ. Они подтвердили мнѣ подробности,

касающіяся выступленій Германскаго Посла, о коихъ Вамъ сообщалъ Севастопуло въ своихъ телеграммахъ. Сегодня утромъ баронъ Шенъ письменно подтвердилъ сдѣланное имъ вчера заявленіе, а именно: 1) Австрія объявила Россіи, что она не ищетъ пріобрѣтеній и не посягаетъ на цѣлость Сербіи. Ея единственная цѣль—обезпечить собственное спокойствіе. 2) Отъ Россіи слѣдовательно зависитъ предотвратить войну. 3) Германія и Франція, вполнѣ солидарныя въ горячемъ желаніи не нарушать мира, должны воздѣйствовать на Россію въ умѣряющемъ смыслѣ. При этомъ баронъ Шенъ особенно подчеркнулъ выраженіе о солидарности между Германіей и Франціей. По убѣжденію Министра Юстиціи, вышеизложенныя выступленія Германіи имѣютъ несомнѣнною цѣлью разъединить Россію и Францію, завлечь Французское Правительство на путь представленія въ Петербургѣ и тѣмъ скомпрометтировать нашего союзника въ нашихъ глазахъ, а въ случаѣ войны отбросить отвѣтственность за нее не на Германію, якобы всѣми силами стремящуюся сохранить миръ, а на Россію и Францію.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 36.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Изъ Вашихъ телеграммъ отъ 13 сего іюля явствуетъ, что Вамъ еще не былъ извѣстенъ отвѣтъ Сербскаго Правительства. Полученная мною телеграмма изъ Бѣлграда съ этимъ извѣстіемъ была тоже въ пути двадцать часовъ. Отправленная по тройному тарифу третьяго дня въ одиннадцать часовъ утра въ Вѣну телеграмма Французскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ приказаніемъ поддержать наше выступленіе доставлена была по назначенію лишь въ шесть часовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на Австрійскомъ телеграфѣ она была задержана умышленно.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 37.

Посолъ во Францiи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 14 iюля 1914 г.

(Телеграмма).

По порученiю своего Правительства, здѣшнiй Австрiйскiй Посолъ сообщилъ Управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, что отвѣтъ Сербiи признанъ въ Вѣнѣ неудовлетворительнымъ и что завтра во вторникъ Австрiя предприметъ „энергическiя дѣйствiя", цѣль которыхъ принудить Сербiю дать ей надлежащiя гарантiи. На вопросъ Министра—въ чемъ будутъ состоять эти дѣйствiя, Посолъ отвѣтилъ, что онъ точно объ этомъ не освѣдомленъ, но что рѣчь можетъ идти о переходѣ черезъ сербскую границу, объ ультиматумѣ и даже объ объявленiи войны.

(Подп.) *Извольскiй.*

№ 38.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германiи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 14 iюля 1914 г.

(Телеграмма).

Я просилъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ поддержать въ Вѣнѣ Ваше предложенiе, чтобы Сапари былъ уполномоченъ, путемъ частнаго обмѣна мнѣнiй съ Вами, выработать прiемлемую для обѣихъ сторонъ редакцiю австро-венгерскихъ требованiй.—Яговъ отвѣтилъ, что ему извѣстно объ этомъ и что онъ придерживается мнѣнiя, выраженнаго Пурталесомъ, что, разъ Сапари пошелъ на этотъ разговоръ, то онъ могъ бы его и продолжить. Въ этомъ смыслѣ онъ телеграфируетъ Германскому Послу въ Берлинѣ. На мою просьбу болѣе настоятельно посовѣтовать отъ себя Вѣнѣ идти въ этомъ примирительномъ направленiи, онъ возразилъ, что не можетъ совѣтовать Австрiи уступить.

(Подп.) *Броневскiй.*

№ 39.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня до моего посѣщенія Министра Иностранныхъ Дѣлъ у него былъ Французскій Посолъ, пытавшійся склонить его къ принятію Англійскаго предложенія о томъ, чтобы Англія, Германія, Италія и Франція воздѣйствовали въ цѣляхъ мира одновременно въ Петербургѣ и Вѣнѣ. Камбонъ предлагалъ, чтобы эти Державы преподали въ Вѣнѣ совѣтъ въ слѣдующей формѣ: „Воздержаться отъ всякаго акта, который ухудшилъ бы существующее въ настоящій моментъ положеніе вещей“. Этой замаскированной формулой избѣжали бы упоминаніе о необходимости воздержаться отъ вторженія въ Сербію.— Яговъ отнесся къ предложенію рѣзко отрицательно, несмотря на настоянія Посла, указавшаго какъ на хорошую сторону предложенія на смѣшанную группировку Державъ, чѣмъ избѣгается противопоставленіе Союза и Согласія, на что такъ часто жаловался самъ Яговъ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 40.

Телеграмма Его Императорскаго Величества Государя Императора Его Королевскому Высочеству Королевичу Александру Сербскому отъ 14 Іюля 1914 года.

Ваше Королевское Высочество, обратившись ко мнѣ въ исключительно тяжелую минуту, не ошиблись въ чувствахъ, которыя я питаю къ Вамъ, и въ Моемъ сердечномъ расположеніи къ Сербскому народу. Теперешнее положеніе вещей привлекаетъ Мое самое серьезное вниманіе, и Мое Правительство принимаетъ всѣ усилія, дабы устранить настоящія затрудненія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Ваше Высочество и Королевское Правительство проникнуты желаніемъ облегчить эту задачу, не пренебрегая ничѣмъ, дабы придти къ рѣшенію, которое, сохраняя достоинство Сербіи, предупредило бы ужасы новой войны.

Пока есть малѣйшая надежда избѣжать кровопролитія, всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой цѣли. Если же вопреки Нашимъ самымъ искреннимъ желаніямъ Мы въ этомъ не успѣемъ, Ваше Высочество можете быть увѣрены въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи.

(Подп). *Николай.*

№ 41.

Посолъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отсутствуетъ.—Имѣлъ сегодня продолжительный разговоръ съ Макіо, при чемъ указалъ ему въ вполнѣ дружественной формѣ на то неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвело въ Россіи предъявленіе Австріей Сербіи вполнѣ непріемлемыхъ для всякаго, хотя бы маленькаго, независимаго государства—требованій, прибавивъ къ этому, что шагъ этотъ, могущій повести къ самымъ нежелательнымъ осложненіямъ, вызвалъ въ Россіи глубокое недоумѣніе и всеобщее осужденіе. Надо полагать, что Австрія разсчитывала подъ вліяніемъ завѣреній Германскаго Представителя въ Вѣнѣ, игравшаго въ теченіе всего кризиса роль подстрекателя, на вѣроятность локализаціи конфликта съ Сербіей и на возможность нанести ей безнаказанно тяжкій ударъ. Заявленіе Императорскаго Правительства о невозможности для Россіи остаться равнодушной къ такому шагу вызвало здѣсь большое смущеніе.

(Подп.) *Шебеко.*

№ 42.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 14 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грей только-что отвѣтилъ Германскому Послу, спросившему его о возможности воздѣйствія въ Петербургѣ, что это воздѣйствіе должно быть произведено въ Вѣнѣ и что таковое лучше

всего могло бы быть сдѣлано Берлинскимъ Кабинетомъ. Грей при этомъ указалъ Послу, что сербскій отвѣтъ на австрійскую ноту превосходитъ по умѣренности и примирительному духу все, что можно было ожидать. Грей добавилъ, что онъ изъ этого заключаетъ, что Россія посовѣтовала въ Бѣлградѣ дать умѣренный отвѣтъ и что онъ думаетъ, что сербскій отвѣтъ можетъ служить базой мирному и пріемлемому разрѣшенію вопроса. При такихъ условіяхъ, продолжалъ Грей, если Австрія, несмотря на этотъ отвѣтъ, пойдетъ на военныя дѣйствія, это будетъ означать, что она намѣрена уничтожить Сербію. — Вопросъ, поставленный на этой почвѣ, вызоветъ положеніе, при которомъ можетъ послѣдовать война, въ которую будутъ втянуты всѣ державы. Грей, наконецъ, заявилъ, что Великобританское Правительство готово самымъ искреннимъ образомъ содѣйствовать Германскому Правительству, пока дѣло идетъ о сохраненіи мира, въ противномъ случаѣ Англія предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствія.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 43.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Англіи.

С.-Петербургъ, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Изъ частныхъ бесѣдъ съ Пурталесомъ у меня все болѣе складывается убѣжденіе, что ключъ положенія въ Берлинѣ и что Германія благопріятствуетъ непримиримости Австріи. Берлинскій Кабинетъ, который могъ бы остановить все развитіе кризиса, не проявляетъ, видимо, никакого воздѣйствія на свою союзницу. Здѣшній Посолъ находитъ отвѣтъ Сербіи неудовлетворительнымъ.

Считаю весьма тревожнымъ такое положеніе Германіи и полагаю, что Англія могла бы лучше другихъ Державъ предпринять шаги въ Берлинѣ для соотвѣтствующаго воздѣйствія.

Сообщается Послу во Франціи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 44.

Генеральный Консулъ въ Фіуме Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Фіуме, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Осадное положеніе объявлено въ Славоніи, Хорватіи и Фіуме и одновременно съ этимъ мобилизованы резервисты всѣхъ классовъ.

(Подп.) *Салвіати.*

№ 45.

Посолъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Только-что въ дружественной формѣ объяснился съ Берхтольдомъ въ смыслѣ Вашего предложенія, чтобы Австро-Венгерскій Посолъ былъ уполномоченъ войти съ Вами въ частный обмѣнъ мыслей для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей Австрійской ноты. Я указалъ ему при этомъ на желательность для самой Австріи такого разрѣшенія вопроса, который улучшилъ бы отношенія ея съ Россіей и далъ бы ей серьезныя гарантіи для будущихъ отношеній Монархіи съ Сербіей. Я обратилъ при этомъ также вниманіе Берхтольда на предстоящую опасность, угрожающую Европейскому миру въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между Австріей и Сербіей. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ вполнѣ сознаетъ серьезность положенія и всѣ преимущества откровеннаго объясненія съ нами по этому поводу, но что Австро-Венгерское Правительство, весьма неохотно рѣшившееся на столь рѣзкіе шаги по отношенію къ Сербіи, въ настоящій моментъ не можетъ отступить и вступить въ обсужденіе текста своей ноты. Отвѣтъ Сербіи служитъ доказательствомъ неискренности ея завѣреній для будущаго, добавилъ Министръ.

Сообщается Посламъ въ Германіи, Франціи, Англіи и Повѣренному въ Дѣлахъ въ Сербіи.

(Подп.) *Шебеко.*

№ 46.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Здѣшнее Бюро Вольфа не напечатало сообщенный ему текстъ сербской отвѣтной ноты и пока таковой полностью не появился ни въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, повидимому не желающихъ давать ему мѣсто на своихъ столбцахъ въ сознаніи того отрезвляющаго впечатлѣнія, которое онъ бы произвелъ въ Германскихъ читающихъ кругахъ.

(Подп.) *Броневскій.*

№ 47.

Посолъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Приказъ о всеобщей мобилизаціи подписанъ.

(Подп.) *Шебеко.*

№ 48.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Лондонѣ.

Петербургъ, 15 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Вслѣдствіе военныхъ дѣйствій между Австро-Венгріей и Сербіею—необходимо скорѣйшее воздѣйствіе Англіи съ цѣлью посредничества и немедленная пріостановка военныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи. Иначе посредничество послужитъ лишь предлогомъ для оттяжки разрѣшенія вопроса и дастъ возмож-

ность Австріи тѣмъ временемъ совершенно раздавить Сербію и занять господствующее положеніе на Балканахъ.

Сообщается въ Парижъ, Берлинъ, Вѣну и Римъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 49.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Германіи.

С.-Петербургъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Отъ имени Канцлера, Германскій Посолъ передалъ мнѣ, что Германія не переставала и не перестаетъ оказывать умѣряющее воздѣйствіе въ Вѣнѣ и будетъ продолжать таковое, несмотря на фактъ объявленія войны.

Я просилъ Посла передать Канцлеру выраженіе искренней признательности за дружескій характеръ его заявленія. Сообщивъ ему о принятыхъ нами нѣкоторыхъ военныхъ мѣрахъ и о томъ, что онѣ отнюдь не направлены противъ Германіи, я сказалъ, что онѣ не предрѣшаютъ и наступательныхъ дѣйствій противъ Австріи. Мѣры, принятыя нами, объясняются мобилизаціей Австрійской арміи.

На предложеніе Посла продолжать непосредственныя объясненія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, я отвѣтилъ изъявленіемъ готовности на это, если совѣты Германіи будутъ услышаны въ Вѣнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я указалъ на готовность Россіи прибѣгнуть къ четверной конференціи, мысль о коей не встрѣчаетъ, какъ будто, сочувствія Германіи.

Наилучшимъ способомъ использовать всѣ мѣры къ мирному разрѣшенію кризиса намъ представляются параллельные переговоры четверной конференціи Англіи, Франціи, Италіи и Германіи и одновременно наши непосредственныя сношенія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, какъ это было въ наиболѣе острые моменты прошлогодняго кризиса.

Мы полагаемъ, что послѣ уступокъ, сдѣланныхъ Сербіей, найти компромиссъ по остающимся пунктамъ разногласій не представлялось бы труднымъ, если бы Австрія проявила добрую волю и Германія направила бы усилія въ томъ же примирительномъ смыслѣ.

Прошу Васъ содержаніе этой телеграммы довести до свѣдѣнія Правительства, при коемъ Вы аккредитованы.

Сообщается Посламъ въ Англіи, Франціи, Австро-Венгріи и Италіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 50.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Англіи и Франціи.

С.-Петербургъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Во время моей бесѣды съ Германскимъ Посломъ, мною еще не была получена телеграмма нашего Посла въ Австро-Венгріи, изъ коей явствуетъ, что Вѣнскій Кабинетъ отклоняетъ обмѣнъ мнѣній между нами. Въ виду этого всецѣло предоставляемъ Англіи иниціативу тѣхъ шаговъ, которые будутъ сочтены ею цѣлесообразными.

Сообщается въ Вѣну, Римъ, Берлинъ.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 51.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

На мой вопросъ, получилъ ли онъ изъ Вѣны отвѣтъ по поводу Вашего предложенія частныхъ переговоровъ въ Петербургѣ, Статсъ-Секретарь отвѣтилъ отрицательно.

По его словамъ ему крайне трудно вліять на Вѣну, тѣмъ болѣе открыто. Камбону онъ даже прибавилъ, что въ случаѣ слишкомъ явнаго давленія Австрія поспѣшитъ поставить Германію предъ совершившимся фактомъ.

Статсъ-Секретарь сказалъ, что получилъ сегодня телеграмму Пурталеса, изъ которой онъ констатируетъ, что Вы болѣе нежели первые дни склонны найти пріемлемый для всѣхъ компромиссъ. Я сказалъ, что Вы вѣроятно съ самаго начала были склонны къ компромиссу при условіи, конечно, чтобы онъ былъ пріемлемъ не только для Австріи, но и для насъ. Далѣе, онъ сказалъ мнѣ, что мы будто бы начали мобилизовать на австрійской границѣ, и онъ опасается, что это затруднитъ для Австріи возможность съ нами сговориться, тѣмъ болѣе, что Австрія мобилизуетъ лишь противъ Сербіи и не дѣлаетъ приготовленій на нашей границѣ. Я отвѣтилъ, что, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, Австрія мобилизуетъ и около нашей границы, а потому у насъ должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры. Я при этомъ добавилъ, что принятыя, быть можетъ, и нами военныя мѣропріятія отнюдь не направлены противъ Германіи.

(Под.) *Броневскій.*

№ 52.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Нишъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня Болгарскій Посланникъ, отъ имени своего Правительства, заявилъ Пашичу о томъ, что Болгарія будетъ соблюдать нейтралитетъ.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 53.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ къ моменту пріѣзда Президента Французской Республики было составлено краткое

обозрѣніе настоящаго политическаго положенія въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ:

„Австрія, опасаясь внутренняго разложенія, воспользовалась предлогомъ убійства Эрцгерцога, дабы попытаться добиться гарантій, которыя могутъ принять форму завладѣнія либо военными сообщеніями Сербіи, либо даже Сербской территоріей. Германія поддерживаетъ Австрію. Сохраненіе мира зависитъ отъ одной Россіи, ибо рѣчь идетъ о дѣлѣ, которое должно быть „локализовано" между Австріей и Сербіей, а именно о наказаніи за предыдущую политику Сербіи и гарантіи относительно будущности. Изъ этого Германія заключаетъ, что необходимо дѣйствовать умѣряющимъ образомъ на Петербургъ. Этотъ софизмъ опровергнутъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ. Въ Парижѣ баронъ Шенъ тщетно пытался привлечь Францію къ солидарному съ Германіей воздѣйствію на Россію съ цѣлью сохранить миръ. Тѣ же оговорки были сдѣланы въ Лондонѣ. Въ обѣихъ столицахъ было отвѣчено, что воздѣйствіе должно быть произведено въ Вѣнѣ, ибо чрезмѣрныя требованія Австріи, ея отказъ обсудить немногія возраженія Сербіи и объявленіе войны угрожаютъ вызвать общую войну. Франція и Англія не могутъ произвести умѣряющаго воздѣйствія на Россію, которая показала до сихъ поръ величайшую умѣренность, особенно посовѣтовавъ Сербіи принять что было возможно изъ австрійской ноты. Нынѣ Германія, повидимому, отказывается отъ мысли воздѣйствія только на Россію и склоняется къ посредническому воздѣйствію какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вѣнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Германія, такъ и Австрія стремятся затянуть дѣло. Германія возражаетъ противъ конференціи и не указываетъ ни на какой практическій образъ дѣйствій. Австрія ведетъ явно затяжные переговоры въ Петербургѣ. Одновременно съ этимъ она предпринимаетъ активныя дѣйствія, и если эти дѣйствія будутъ допущены, требованія ея соразмѣрно возрастутъ. Весьма желательно, чтобы Россія оказала полное содѣйствіе проекту медіаціи, съ которымъ выступитъ сэръ Э. Грей. Въ противномъ случаѣ, Австрія, подъ предлогомъ „гарантіи", можетъ фактически измѣнить территоріальный статутъ восточной Европы.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 54.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сообщилъ содержаніе Вашихъ телеграммъ отъ 15 іюля Грею. Онъ заявилъ сегодня Германскому Послу, что непосредственные переговоры между Россіей и Австріей не удались и что газетные корреспонденты сообщаютъ изъ Петербурга, что Россія мобилизуетъ противъ Австріи вслѣдствіе мобилизаціи послѣдней. Грей добавилъ при этомъ, что Германское Правительство въ принципѣ высказалось сочувственно къ медіаціи, но встрѣчаетъ затрудненія въ формѣ. Грей настоялъ на томъ, чтобы Германское Правительство указало на ту форму, которая, по мнѣнію Германіи, могла бы позволить четыремъ Державамъ осуществить свою медіацію во избѣжаніе войны; въ виду согласія Франціи, Италіи и Англіи медіація можетъ осуществиться лишь въ случаѣ согласія Германіи встать на сторону мира.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 55.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Вивіани только-что подтвердилъ мнѣ полную рѣшимость Французскаго Правительства дѣйствовать въ единеніи съ нами. Эта рѣшимость встрѣчаетъ поддержку самыхъ широкихъ круговъ и партій, включая радикалъ-соціалистовъ, которые только-что принесли ему резолюцію о безусловномъ довѣріи и патріотическомъ настроеніи ихъ группы. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, Вивіани спѣшно телеграфировалъ въ Лондонъ, что въ виду прекращенія непосредственныхъ переговоровъ между Петербургомъ и Вѣною, необходимо, чтобы Лондонскій Кабинетъ какъ можно скорѣе возобновилъ въ той или другой формѣ свое предложеніе о медіаціи Державъ. До меня Вивіани сегодня

принималъ Германскаго Посла, который возобновилъ ему завѣренія о миролюбивыхъ стремленіяхъ Германіи. На замѣчаніе Вивіани, что если Германія желаетъ мира, она должна поспѣшить примкнуть къ предложенію Англіи о медіаціи, баронъ Шенъ отвѣтилъ, что слова конференція или арбитражъ пугаютъ Австрію. Вивіани высказалъ, что дѣло не въ словахъ и что не будетъ трудно пріискать иную форму медіаціи. По мнѣнію барона Шена для успѣха переговоровъ между Державами необходимо узнать, что имѣетъ въ виду потребовать отъ Сербіи Австрія.—На это Вивіани отвѣтилъ, что Берлинскому Кабинету весьма легко запросить объ этомъ Австрію, а покуда предметомъ обсужденія можетъ служить отвѣтная сербская нота и добавилъ, что Франція искренно желаетъ мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшила дѣйствовать въ полномъ единеніи со своими союзниками и друзьями и что онъ, баронъ Шенъ, могъ убѣдиться, что эта рѣшимость встрѣчаетъ живѣйшее сочувствіе страны.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 56.

Телеграмма Его Королевскаго Высочества Королевича Александра Сербскаго Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Нишъ, 16 іюля 1914 г.

Глубоко тронутый телеграммой, которою Вашему Величеству угодно было осчастливить меня вчера, я поспѣшаю выразить Вашему Величеству отъ всего сердца мою благодарность. Прошу Ваше Величество быть увѣреннымъ, что сердечное отношеніе, которое проявляетъ Ваше Величество къ моей странѣ, для насъ въ особенности цѣнно и наполняетъ нашу душу надеждой, что будущее Сербіи, сдѣлавшись предметомъ благосклоннаго попеченія Вашего Величества, обезпечено. Тяжкія времена не могутъ не скрѣпить узъ глубокой преданности, которыми связана Сербія съ Святой Славянской Русью, и чувства вѣчной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будутъ свято храниться въ душахъ всѣхъ сербовъ.

(Подп.) *Александръ.*

№ 57.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Нишъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Я сообщилъ текстъ Высочайшей отвѣтной телеграммы на имя Королевича Александра Пашичу, который, прочтя ее, перекрестился и сказалъ: „Господи, Великій Милостивый Русскій Царь". Затѣмъ онъ обнялъ меня, не въ силахъ сдерживать охватившее его волненіе. Престолонаслѣдникъ ожидается ночью въ Нишъ.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 58.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу во Франціи.

С.-Петербургъ, 16 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сегодня Германскій Посолъ сдѣлалъ мнѣ заявленіе о рѣшеніи своего Правительства мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ дѣлаемыхъ ею военныхъ приготовленій. Между тѣмъ, таковыя стали приниматься нами только вслѣдствіе состоявшейся уже мобилизаціи Австріи и очевиднаго нежеланія послѣдней согласиться на какой бы то ни было способъ мирнаго улаженія своего спора съ Сербіей.

Такъ какъ мы не можемъ исполнить желанія Германіи, намъ остается только ускорить наши вооруженія и считаться съ вѣроятной неизбѣжностью войны. Благоволите предупредить объ этомъ Французское Правительство и вмѣстѣ съ тѣмъ, высказать ему нашу искреннюю благодарность за сдѣланное мнѣ отъ его имени Французскимъ Посломъ заявленіе, что мы можемъ въ полной мѣрѣ разсчитывать на союзническую поддержку Франціи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ это заявленіе для насъ особенно цѣнно. Сообщается Посламъ въ Англіи, Австро-Венгріи, Италіи и Германіи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 59.

Повѣренный въ Дѣлахъ въ Сербіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Нишъ, 17 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Королевичъ-регентъ издалъ вчера подписанный всѣми Министрами манифестъ по случаю объявленія Австріей войны Сербіи. Заключительныя слова его гласятъ: „Защищайте всѣми силами Вашъ домашній очагъ и Сербію“. Торжественно открывая Скупщину, регентъ отъ своего имени прочелъ тронную рѣчь, въ которой вначалѣ отмѣтилъ, что мѣсто ея созыва указываетъ на важность происходящихъ событій. Затѣмъ идетъ изложеніе фактовъ послѣднихъ дней — Австрійскій ультиматумъ, Сербскій отвѣтъ, усилія Королевскаго Правительства сдѣлать все совмѣстное съ достоинствомъ Государства, чтобы избѣжать войны, и наконецъ вооруженное нападеніе болѣе могущественнаго сосѣда на Сербію, бокъ о бокъ съ которой стоитъ Черногорія. Перейдя къ разсмотрѣнію отношенія Державъ къ конфликту, Королевичъ прежде всего подчеркнулъ чувства, одушевляющія Россію, и Всемилостивѣйшее сообщеніе Государя Императора о томъ, что Россія ни въ какомъ случаѣ не оставитъ Сербіи. При каждомъ произнесеніи имени Его Императорскаго Величества и Россіи громовое и лихорадочное „живіо“ оглашало залъ засѣданія. Проявленія симпатій со стороны Франціи и Англіи тоже были упомянуты отдѣльно и вызвали одобрительное „живіо“ депутатовъ. Заключается тронная рѣчь заявленіемъ объ открытіи сессіи Скупщины и выраженіемъ пожеланія, чтобы были приняты всѣ мѣры къ облегченію работы Правительства.

(Подп.) *Штрандтманъ.*

№ 60.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Англіи и Италіи.

С.-Петербургъ, 17 іюля 1914 г.

Германскій Посолъ, только-что бывшій у меня, спросилъ, не можемъ ли мы удовлетвориться обѣщаніемъ, которое могла

бы дать Австрія,—не нарушать цѣлостности Сербскаго Королевства, и указать на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія; я продиктовалъ ему для срочной передачи въ Берлинъ нижеслѣдующее заявленіе: „Если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія“.

Благоволите срочно телеграфировать, какъ отнесется Германское Правительство къ этому новому доказательству нашей готовности сдѣлать возможное для миролюбиваго разрѣшенія вопроса, такъ какъ мы не можемъ допустить, чтобы подобные переговоры могли бы служить лишь для выигрыша времени Германіей и Австріей для военныхъ приготовленій.

(Подп.) *Сазоновъ*.

№ 61.

Посолъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 17 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Узнаю, что сейчасъ отданъ приказъ о мобилизаціи германскихъ армій и флота.

(Подп.) *Свербеевъ*.

№ 62.

Посолъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 17 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сейчасъ телеграфировалъ мнѣ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и сообщилъ, что пущенное только-что извѣстіе о мобилизаціи германской арміи и флота невѣрно, что листки газетъ

были напечатаны заранѣе въ предвидѣніи всякихъ возможностей и пущены въ продажу въ часъ дня, теперь же конфискованы.

(Подп.) *Свербеевъ.*

№ 63.

Посолъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 17 іюля 1914 года.

(Телеграмма).

Получилъ Вашу телеграмму 16 іюля и передалъ текстъ Вашего предложенія Министру Иностранныхъ Дѣлъ, у котораго я только-что былъ; онъ сказалъ мнѣ, что получилъ тождественную телеграмму отъ Германскаго Посла въ С.-Петербургѣ, и затѣмъ заявилъ мнѣ, что находитъ наше предложеніе неприемлемымъ для Австріи.

(Подп.) *Свербеевъ.*

№ 64.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 17 Іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Сообщивъ содержаніе Вашихъ телеграммъ отъ 16 и 17 іюля Грею, который признаетъ положеніе крайне серьезнымъ, но желаетъ продолжать переговоры. Я замѣтилъ Грею, что съ тѣхъ поръ, какъ Вы обратились къ нему съ предложеніемъ принять все, что онъ могъ бы предложить, клонящееся къ сохраненію мира, лишь бы Австрія не могла бы воспользоваться этими промедленіями для того, чтобы раздавить Сербію, положеніе, въ которомъ Вы находились, повидимому измѣнилось. Тогда наши отношенія съ Германіей не были испорчены. Послѣ выступленія Германскаго Посла въ Петербургѣ съ заявленіемъ о Германской мобилизаціи, таковыя измѣнились и его требованіе получило отъ насъ лишь тотъ отвѣтъ, который можетъ дать Великая Держава. Когда Германскій Посолъ вернулся къ

Вамъ и спросилъ у Васъ Ваши условія, Вы ихъ формулировали въ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Я при этомъ настоятельно повторилъ Грею о необходимости принять во вниманіе новое положеніе, созданное по винѣ Германіи, благодаря выступленію Германскаго Посла. Грей отвѣтилъ мнѣ, что онъ это понимаетъ и приметъ въ соображеніе эти доводы.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 65.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 17 іюля 1914 года.

(Телеграмма).

Германскій Посолъ спросилъ Грея, почему Англія принимаетъ военныя мѣры какъ сухопутныя, такъ и морскія. Грей ему отвѣтилъ, что эти мѣры не имѣютъ агрессивнаго характера, но что положеніе таково, что каждая Держава должна приготовляться.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 66.

Посолъ въ Австро-Венгріи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Вѣна, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Несмотря на всеобщую мобилизацію, я продолжаю обмѣнъ мыслей съ графомъ Бертхольдомъ и его сотрудниками. Всѣ они настаиваютъ на отсутствіи у Австріи какихъ-либо агрессивныхъ намѣреній противъ Россіи и какихъ-либо завоевательныхъ стремленій относительно Сербіи, но всѣ настаиваютъ также на необходимости для Австріи довести начатое дѣло до конца и дать Сербіи серьезный урокъ, который представлялъ бы нѣкоторую гарантію для будущаго.

(Подп.) *Шебеко.*

№ 67.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Англіи и Италіи.

С.-Петербургъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Ссылаюсь на мою телеграмму отъ 17 іюля. По порученію своего Правительства, Англійскій Посолъ передалъ мнѣ пожеланіе Лондонскаго Кабинета внести нѣкоторыя измѣненія въ предложенную мною вчера Германскому Послу формулу. Я отвѣтилъ, что согласенъ на Англійское предложеніе. Ниже передаю Вамъ видоизмѣненную сообразно съ этимъ формулу:

„Если Австрія согласится остановить движеніе своихъ войскъ на Сербской территоріи и если, признавая, что Австро-Сербскій конфликтъ принялъ характеръ Европейскаго вопроса, она допуститъ, чтобы Великія Державы разсмотрѣли вопросъ о томъ удовлетвореніи, которое Сербія могла бы дать Австро-Венгерскому правительству безъ нанесенія ущерба своимъ правамъ сувереннаго государства и своей независимости, — Россія принимаетъ на себя обязательство сохранить свое выжидательное положеніе“.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 68.

Посолъ въ Германіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Берлинъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ только-что сказалъ мнѣ, что, затрудненные уже мобилизаціей противъ Австріи, переговоры наши становятся еще болѣе затруднительными въ виду принимаемыхъ у насъ серьезныхъ военныхъ мѣръ противъ самой Германіи. Извѣстія объ этомъ получаются здѣсь будто бы со всѣхъ сторонъ и неминуемо должны будутъ вызывать соотвѣтствующія мѣры со стороны Германіи. На это я ему отвѣтилъ, что по имѣющимся у меня достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, подтвержденнымъ всѣми соотечественниками, пріѣзжающими въ

Берлинъ, и въ Германіи означенныя мѣры противъ насъ въ полномъ ходу. Несмотря на это Министръ Иностранныхъ Дѣлъ утверждаетъ, что здѣсь вызваны были лишь офицеры изъ отпусковъ и возвращены войска съ маневровъ.

(Подп.) *Свербеевъ.*

№ 69.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Англіи.

С.-Петербургъ, 18 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Я обратился къ Великобританскому Послу съ просьбой передать Грэю выраженіе самой искренней признательности за усвоенный имъ въ переговорахъ съ Германіей и Австріей дружественный и твердый тонъ, благодаря чему не утрачена еще надежда на мирный выходъ изъ нынѣшняго положенія.

Я просилъ его также передать Англійскому Министру, что я полагаю, что только въ Лондонѣ переговоры имѣютъ еще нѣкоторые шансы на какой-либо успѣхъ, облегчая Австріи необходимость компромисса. Сообщается Послу во Франціи.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 70.

Секретная телеграмма Императорскимъ Представителямъ за границею.

19 іюля 1914 г.

Въ полночь Германскій Посолъ заявилъ мнѣ, по порученію своего Правительства, что если черезъ 12 часовъ, то-есть въ полдень, субботу, мы не приступимъ къ демобилизаціи не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, Германское Правительство вынуждено будетъ отдать приказъ о мобилизаціи. На мой вопросъ, равносильно ли это войнѣ, Посолъ отвѣтилъ, что нѣтъ, но что мы къ ней чрезвычайно близки.

(Подп.) *Сазоновъ.*

№ 71.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Грэй сказалъ мнѣ, что онъ телеграфировалъ въ Берлинъ, что по его мнѣнію послѣдняя формула, принятая Русскимъ Правительствомъ, является тѣмъ основаніемъ для переговоровъ, которое представляетъ наиболѣе шансовъ для мирнаго разрѣшенія конфликта. Онъ выразилъ при этомъ надежду, что ни одна Великая Держава не начнетъ военныхъ дѣйствій до разсмотрѣнія этой формулы.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 72.

Посолъ въ Англіи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Лондонъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Великобританское Правительство обратилось къ Германскому и Французскому Правительствамъ съ вопросомъ, будутъ ли они уважать нейтралитетъ Бельгіи. Францiя отвѣтила въ утвердительномъ смыслѣ. Германское же Правительство заявило, что оно не можетъ отвѣчать въ категорической формѣ на этотъ вопросъ.

(Подп.) *Бенкендорфъ.*

№ 73.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Австрійскій Посолъ былъ вчера вечеромъ у Вивіани и заявилъ ему, что Австрія не только не имѣетъ намѣренія нарушить территоріальную цѣлость Сербіи, но готова обсудить съ другими Державами свой споръ съ Сербіей по существу. Фран-

цузское Правительство крайне озабочено чрезвычайными военными приготовленіями Германіи на Французской границѣ, ибо оно убѣждено, что подъ покровомъ такъ называемаго „Кригсцуштандъ“ происходитъ настоящая мобилизація.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 74.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

По полученіи здѣсь телеграммы отъ Французскаго Посла въ Петербургѣ о томъ, что Германскій Посолъ сообщилъ Вамъ о рѣшеніи Германіи объявить сегодня общую мобилизацію, Президентъ Республики подписалъ мобилизаціонный декретъ. На улицахъ расклеиваются афиши о призывѣ запасныхъ. Германскій Посолъ только-что посѣтилъ Вивіани, но не сдѣлалъ ему никакого новаго сообщенія, сославшись на невозможность расшифровать полученныя имъ телеграммы. Вивіани, сообщивъ ему о состоявшемся мобилизаціонномъ декретѣ, въ отвѣтъ на Германскую мобилизацію, высказалъ ему удивленіе, что Германія приступила къ подобной мѣрѣ въ моментъ, когда еще продолжается дружескій обмѣнъ мыслей между Россіей, Австріей и Державами; онъ присовокупилъ, что мобилизація еще не предрѣшаетъ войны и что подобно тому, какъ Русскій Посолъ остался въ Вѣнѣ, а Австрійскій въ Петербургѣ, Германскій Посолъ можетъ оставаться въ Парижѣ.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 75.

Посолъ во Франціи Министру Иностранныхъ Дѣлъ.

Парижъ, 19 іюля 1914 г.

(Телеграмма).

Со словъ Президента, за послѣдніе дни Австрійскій Посолъ усиленно увѣрялъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и его самого, что Австрія выразила намъ готовность уважать не только

территоріальную цѣлость Сербіи, но и ея державныя права, но что мы преднамѣренно замолчали это заявленіе. Я категорически отрицалъ это.

(Подп.) *Извольскій.*

№ 76.

Note remise par l'Ambassadeur d'Allemagne à S.-Pétersbourg le 19 Juillet 1914 à 7 h. 10 du soir.

Le Gouvernement Impérial s'est éfforcé dès les débuts de la crise de la mener à une solution pacifique. Se rendant à un désir qui lui en avait été exprimé par Sa Majesté l'Empereur de Russie, Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne d'accord avec l'Angleterre s'était applique à accomplir un rôle médiateur auprès des Cabinets de Vienne et de St. Pétersbourg, lorsque la Russie, sans en attendre le résultat, procéda à la mobilisation de la totalité de ses forces de terre et de mer. A la suite de cette mesure menaçante motivée par aucun présage militaire de la part de l'Allemagne l'Empire Allemand c'est trouvé vis-à-vis d'un danger grave et imminent. Si le Gouvernement Impérial eût manqué de parer à ce péril, il aurait compromis la sécurité et l'existence même de l'Allemagne. Par conséquent le Gouvernement Allemand se vit forcé de s'adresser au Gouvernement, de Sa Majesté l'Empereur de Toutes les Russies en insistant sur la cessation des dits actes militaires. La Russie ayant refusé de faire droit à (n'ayant pas cru devoir répondre à)[1] cette demande et ayant manifesté par ce refus (cette attitude)[1] que son action était dirigée contre l'Allemagne, j'ai l'honneur, d'ordre de mon Gouvernement, de faire savoir à Votre Excellence ce qui suit:

Sa Majesté l'Empereur Mon Auguste Souverain au nom de l'Empire, relevant le défi se considère en état de guerre avec la Russie.

St. Pétersbourg, le 19 Juillet /1 Août 1914.

(signé) E. Pourtalès.

---

[1]) Слова, помѣщенныя въ скобкахъ, находятся въ оригиналѣ. Повидимому заранѣе было приготовлено 2 варіанта и по ошибкѣ оба включены въ ноту.

переводъ.

Нота, врученная Германскимъ Посломъ въ С.-Петербургѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ 19 Іюля 1914 года въ 7 часовъ 10 минутъ вечера.

Императорское Правительство старалось съ начала кризиса привести его къ мирному разрѣшенію. Идя навстрѣчу пожеланію, выраженному Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ, Его Величество Императоръ Германскій въ согласіи съ Англіей прилагалъ старанія къ осуществленію роли посредника между Вѣнскимъ и Петербургскимъ Кабинетами, когда Россія, не дожидаясь ихъ результата, приступила къ мобилизаціи всей совокупности своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Вслѣдствіе этой угрожающей мѣры, не вызванной никакими военными приготовленіями Германіи, Германская Имперія оказалась передъ серьезной и непосредственной опасностью. Если бы Императорское Правительство не приняло мѣръ къ предотвращенію этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существованіе Германіи. Германское Правительство поэтому нашло себя вынужденнымъ обратиться къ Правительству Его Величества Императора Всероссійскаго, настаивая на прекращеніи помянутыхъ военныхъ мѣръ. Въ виду того, что Россія отказалась (не нашла нужнымъ отвѣтить на) [1]) удовлетворить это пожеланіе и выказала этимъ отказомъ (принятымъ положеніемъ) [1]), что ея выступленіе направлено противъ Германіи, я имѣю честь, по приказанію моего Правительства, сообщить Вашему Превосходительству нижеслѣдующее: Его Величество Императоръ мой Августѣйшій Повелитель отъ имени Имперіи, принимая вызовъ, считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей.

С.-Петербургъ, 19 іюля/1 августа 1914 года.

(Подп.) *Ф. Пурталесъ.*

№ 77.

Сообщенія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ о событіяхъ послѣднихъ дней.

20 іюля 1914 года.

Вслѣдствіе того, что въ иностранной печати появилось искаженное изложеніе событій послѣднихъ дней, министерство ино-

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 52. *Ред.*

странныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ дать слѣдующій краткій обзоръ дипломатическихъ сношеній за указанное время.

10 іюля сего года австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру-президенту ноту, заключающую въ себѣ обвиненіе сербскаго правительства въ поощреніи великосербскаго движенія, приведшаго къ убійству наслѣдника австро-венгерскаго престола. Въ виду сего Австро-Венгрія требовала отъ сербскаго правительства не только осужденія въ торжественной формѣ означенной пропаганды, но также принятія, подъ контролемъ Австро-Венгріи, ряда мѣръ къ раскрытію заговора, наказанію участвовавшихъ въ немъ сербскихъ подданныхъ и пресѣченію въ будущемъ всякихъ посягательствъ на территоріи королевства. Для отвѣта на означенную ноту сербскому правительству предоставляется 48 часовъ.

Имперское правительство, освѣдомившись изъ сообщеннаго ему австро-венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ, по истеченіи уже 17-ти часовъ, текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключавшихся въ ней требованій, не могло не усмотрѣть, что нѣкоторыя изъ таковыхъ по существу своему являлись невыполнимыми, нѣкоторыя же были предъявлены въ формѣ, не совмѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства. Считая недопустимымъ заключающееся въ такихъ требованіяхъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, Россійское правительство въ самой дружеской формѣ указало Австро-Венгріи на желательность подвергнуть новому обсужденію содержащіеся въ австро-венгерской нотѣ пункты. Австро-Венгерское правительство не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты. Равнымъ образомъ, умѣряющее дѣйствіе другихъ державъ въ Вѣнѣ не увѣнчалось успѣхомъ.

Несмотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на выказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи въ мѣрѣ, которая превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ призналъ сербскій отвѣтъ неудовлетворительнымъ и выѣхалъ изъ Бѣлграда.

Еще ранѣе, сознавая чрезмѣрность предъявленныхъ Австріею требованій, Россія заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь въ то же время приложить всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, пріемлемаго для Австро-Венгріи и не затрагивающаго ея самолюбія, какъ великой дер-

жавы. При этомъ Россія твердо установила, что мирное разрѣшеніе вопроса она допускаетъ лишь, поскольку оно не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи, какъ независимаго государства. Къ сожалѣнію, однако, всѣ приложенныя Императорскимъ правительствомъ въ этомъ направленіи усилія оказались тщетными. Австро-венгерское правительство, уклонившись отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіей, приступило къ мобилизаціи, оффиціально объявило Сербіи войну, и на слѣдующій день Бѣлградъ подвергся бомбардировкѣ. Въ манифестѣ, сопровождающемъ объявленіе войны, Сербія открыто обвиняется въ подготовкѣ и выполненіи сараевскаго злодѣянія. Подобное обвиненіе цѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленіи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенію къ Сербіи широкія симпатіи европейскихъ общественныхъ круговъ.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій австро-венгерскаго правительства, вопреки заявленію Россіи, что она не можетъ остаться равнодушной къ участи Сербіи, Императорское правительство сочло необходимымъ объявить мобилизацію кіевскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ.

Такое рѣшеніе представлялось необходимымъ въ виду того, что со дня врученія австро-венгерской ноты сербскому правительству и первыхъ шаговъ Россіи прошло пять дней, а между тѣмъ со стороны вѣнскаго кабинета не было сдѣлано никакихъ шаговъ навстрѣчу нашимъ мирнымъ попыткамъ и, наоборотъ, была объявлена мобилизація половины австро-венгерской арміи.

О принимаемыхъ Россіей мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства, съ объясненіемъ, что онѣ являются послѣдствіемъ австрійскихъ вооруженій и отнюдь не направлены противъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императорское правительство заявило о готовности Россіи, путемъ непосредственныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ, или же, согласно предложенію Великобританіи, путемъ конференціи четырехъ незаинтересованныхъ непосредственно великихъ державъ—Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, — продолжать переговоры о мирномъ улаженіи спора.

Однако, и эта попытка Россіи не увѣнчалась успѣхомъ, Австро-Венгрія отклонила дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ нами, а берлинскій кабинетъ уклонился отъ участія въ предположенной конференціи державъ.

Тѣмъ не менѣе, Россія и здѣсь продолжала свои усилія въ пользу мира. На вопросъ германскаго посла указать, на ка-

кихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія, министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что таковымъ условіемъ является признаніе Австро-Венгріею, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ европейскаго вопроса, и заявленія ея, что она согласна не настаивать на требованіяхъ, не совмѣстимыхъ съ суверенными правами Сербіи.

Предложеніе Россіи было признано Германіей непріемлемымъ для Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ объявленіи Австро-Венгріей общей мобилизаціи.

Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на сербской территоріи, и Бѣлградъ подвергся новой бомбардировкѣ.

Послѣдствіемъ такого неуспѣха нашихъ мирныхъ предложеній явилась необходимость расширенія военныхъ мѣръ предосторожности.

На запросъ по этому поводу берлинскаго кабинета было отвѣчено, что Россія вынуждена была начать вооруженія, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей.

Принимая такую мѣру предосторожности, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала всѣми силами изыскивать исходъ изъ создавшагося положенія и выразила готовность согласиться на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены поставленныя нами условія.

Несмотря на такое миролюбивое сообщеніе, германское правительство 18 іюля обратилось къ Россійскому правительству съ требованіемъ къ 12 часамъ 19 іюля пріостановить военныя мѣры, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи.

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посолъ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства объявленіе войны.

№ 78.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Императорскимъ Представителямъ за границею.

(Телеграмма).

С.-Петербургъ, 20 іюля 1914 г.

Несомнѣнно ясно, что уже нынѣ Германія стремится переложить на насъ отвѣтственность за разрывъ. Наша мобилизація

была вызвана громадной отвѣтственностью, которая создалась бы для насъ, если бы мы не приняли всѣхъ мѣръ предосторожности въ то время, какъ Австрія, ограничиваясь переговорами, носившими характеръ проволочки, бомбардировала Бѣлградъ и произвела полную мобилизацію.

Государь Императоръ Своимъ словомъ обязался передъ Германскимъ Императоромъ, что не предприметъ никакихъ вызывающихъ дѣйствій, пока продолжаются переговоры съ Австріей. Послѣ такого ручательства и послѣ всѣхъ доказательствъ миролюбія Россіи, Германія не имѣла права и не могла сомнѣваться въ нашемъ утвержденіи, что примемъ съ радостью всякій мирный выходъ, совмѣстный съ достоинствомъ и независимостью Сербіи. Иной исходъ былъ бы совершенно несовмѣстимъ съ нашимъ собственнымъ достоинствомъ и, конечно, поколебалъ бы равновѣсіе Европы, утвердивъ гегемонію Германіи. Этотъ Европейскій, міровой, характеръ конфликта безконечно важнѣе повода, его создавшаго. Рѣшивши объявить намъ войну въ то время, когда между Державами велись переговоры, Германія этимъ приняла на себя тяжелую отвѣтственность.

Сазоновъ.

№ 79.

Note remise par l'Ambassadeur d'Autriche Hongrie à S.-Petersbourg au Ministre des Affaires Etrangères le 24 Juillet à 6 h. du soir.

D'ordre de son Gouvernement le soussigné Ambassadeur d'Autriche-Hongrie a l'honneur de notifier à Son Excellence Monsieur le Ministre des Affaires Etrangère de Russie ce qui suit:

„Vu l'attitude menaçante prise par la Russie dans le conflict entre la Monarchie Austro-Hongroise et la Serbie et en présence du fait qu'en suite de ce conflict la Russie d'après une communication du Cabinet de Berlin a cru devoir ouvrir les hostilités contre l'Allemagne et que celle-ci se trouve par conséquent en état de guerre avec la dite Puissance, l'Autriche Hongrie se considère également en état de guerre avec la Russie à partir du présent moment.

Szapary.

St.-Pétersbourg.

6 Août/24 Juillet 1914.

Переводъ.

Нота, переданная Австро-Венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ Министру Иностранныхъ Дѣлъ 24 іюля 1914 г. въ 6 ч. вечера.

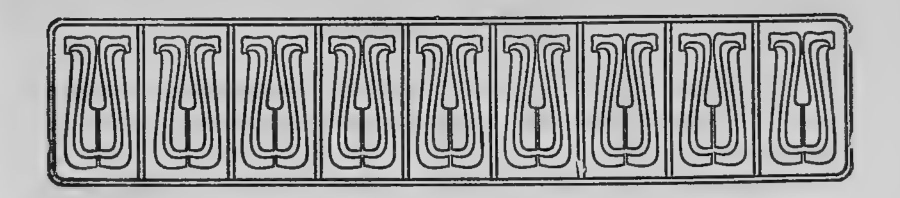
По приказанію своего Правительства нижеподписавшійся, Посолъ Австро-Венгріи, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Его Превосходительства Господина Министра Иностранныхъ Дѣлъ Россіи нижеслѣдующее:

„Принимая во вниманіе угрожающее положеніе, занятое Россіею въ конфликтѣ между Австро-Венгерской Монархіею и Сербіею, и въ виду факта, что вслѣдствіе этого конфликта Россія, согласно сообщенію Берлинскаго Кабинета, сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи и что послѣдняя находится поэтому въ состояніи войны съ названной Державой, Австро-Венгрія считаетъ себя также въ состояніи войны съ Россіей, считая съ настоящаго момента“.

(Подп.) *Сапари.*

С.-Петербургъ, 6 августа/24 іюля 1914 года.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XII [1]).

Піонеръ гагской конференціи.

Задача г-жи Новиковой, сначала до конца, говоритъ Стэдъ, состояла въ томъ, чтобъ возбудить въ мирѣ и въ войнѣ соглашеніе между Россіей и Англіей.

Не изъ сентиментальной идеи она преслѣдовала свой планъ, но потому что смерть ея брата открыла ей причину бѣдствій, которымъ подверглось человѣчество изъ-за дурныхъ отношеній между Англіей и Россіей. Тридцать лѣтъ назадъ ей показалось, что нѣтъ иной надежды на улучшеніе въ судьбѣ восточныхъ славянъ, какъ единодушное содѣйствіе этихъ 2-хъ странъ. Она поняла, что соглашеніе Лондона съ Петербургомъ умиротворитъ Азію. Во время ужасовъ Балканской войны она защищала идею англо-русскаго соглашенія, какъ единственную мѣру для предупрежденія подобныхъ несчастій. Впослѣдствіи она придала болѣе обширное значеніе той же идеѣ. Вредный, ненужный антагонизмъ русскаго и англійскаго правительствъ не только отдалялъ освобожденіе восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига, не только наполнялъ Азію безпокойствомъ и угрозами войны, но онъ же былъ главной причиной усиленныхъ вооруженій Европы.

Двадцать лѣтъ назадъ, говоритъ Стэдъ, мы вооружались противъ Россіи, какъ вооружаемся теперь противъ Германіи и какъ въ прежніе годы вооружались противъ Франціи. Англо-

---

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1914 г.

русское соглашеніе остановило бы тогда разорительное соперничество вооруженій, какъ теперь то же сдѣлало бы англо-германское соглашеніе.

Въ началѣ 1894 года явилось успокоительное затишье въ англо-русской политикѣ. Наступилъ временно всесвѣтный миръ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ началась война Японіи съ Китаемъ,—новая кровавая страница въ исторіи человѣчества. Къ счастью, это длилось не долго; въ эту самую минуту г-жа Новикова предлагаетъ, въ англійской печати, желательную мысль о международномъ согласіи прекратить вооруженія. Ольгѣ Алексѣевнѣ было конфиденціально сообщено, что Императоръ Александръ III былъ очень занятъ мыслью, какъ сократить обременительныя траты на военныя надобности и что онъ ничего такъ не желалъ, какъ взять на себя инціативу въ этомъ дѣлѣ, если бы другія державы послѣдовали его примѣру. Попытка Ольги Алексѣевны изучить направленіе общественнаго мнѣнія была вмѣстѣ съ тѣмъ пробнымъ шаромъ для циркуляра Императора Николая II.

Не въ первый разъ Россія и Англія разсуждали объ этомъ предметѣ. Если въ 1894 году русская женщина обратилась къ британцу, то восемьдесятъ лѣтъ до того англичанинъ представилъ этотъ вопросъ Россіи.

Первый монархъ, изложившій это дѣло передъ европейскими державами, былъ принцъ регентъ, впослѣдствіи Георгъ IV король Англіи, который послѣ Вѣнскаго конгресса предложилъ собрать международную конференцію изъ военныхъ людей, уполномоченныхъ всѣми великими державами Европы, рѣшить, какое должно быть нормальное количество войскъ въ мирное время. Русское правительство уже тогда восторженно поддержало эту идею. Князь Меттернихъ далъ согласіе за Австрію. Было рѣшено, что вопросъ будетъ разсматриваться на слѣдующей конференціи, которая никогда не состоялась. Въ 1816 году лордъ Кастлре предупредилъ предложеніе г-жи Новиковой 1894 года. Въ обоихъ случаяхъ отвѣтъ былъ благопріятный, но, увы, въ обоихъ случаяхъ добрыя намѣренія не превратились въ факты.

Второй монархъ, возбудившій вопросъ о созывѣ международной конференціи для обсужденія возможности разоруженія, былъ Наполеонъ III, но на его предложеніе Пруссія и Австрія отвѣтили категорическимъ отказомъ. Третій вѣнценосецъ, поднявшій этотъ вопросъ, былъ Вильгельмъ II въ 1893 году.

Два года передъ тѣмъ лордъ Салзберри обратилъ его вни-

маніе на такую мѣру, говоря, что за шесть лѣтъ, кончая 1888 г., семь европейскихъ государствъ должны были израсходовать на морскія и военныя нужды около тысячи милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и что хорошо было бы найти способъ уменьшить это бѣдствіе. Кайзеръ сильно заинтересовался этой темой и предполагалъ созвать европейскій конгрессъ, чтобъ придумать практическое ея примѣненіе для обезпеченія общаго мира.

Нѣмецкая пресса обсуждала вопросъ, но французская отвѣчала съ такой враждебностью, что рѣчь о нихъ замолкла. Однако императоръ все еще держалъ конгрессъ и въ бытность свою въ Римѣ, въ 1893 году, онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ папой. Судя по письму Криспи, отъ 6-го іюля 1893 года, опубликованному въ „Deutche Revue" въ сентябрѣ 1907 года, Вильгельмъ, при знаменитомъ свиданіи своемъ съ Львомъ XIII въ Ватиканѣ, предложилъ папѣ созвать европейскій конгрессъ для обсужденія вопроса о разоруженіи. Криспи замѣтилъ: „Папа одобрилъ идею, не потому чтобы онъ вѣрилъ, что что-нибудь можетъ быть сдѣлано, а потому, что вопросъ этотъ могъ повести къ международному столкновенію, отъ котораго ему могла быть прибыль".

Мысли кайзера обратились къ международному разоруженію вслѣдствіе отказа рейхстага императорскому плану прибавить 89.894 человѣка къ германской арміи. Двѣ недѣли спустя, послѣ разговора въ Ватиканѣ, рейхстагъ былъ распущенъ и ничего болѣе не было слышно о конференціи.

Императоръ Александръ III, извѣстный своею ненавистью къ войнѣ, также принялъ во вниманіе этотъ вопросъ. Какъ бы первымъ отголоскомъ его разсужденій была статья г-жи Новиковой въ началѣ 1894 года, въ которой она выражала мнѣніе, что готовится возбужденіе этого вопроса. Она говоритъ:

„Хотя я дочь человѣка, получившаго Георгія на полѣ битвы, сестра двухъ военныхъ и жена третьяго, я всегда мечтала о мирѣ и даже теперь я, лично, твердо убѣждена, что Россія, съ своимъ замѣчательно миролюбивымъ Государемъ, охотно согласилась бы на общее разоруженіе, если-бъ это великое дѣло было принято одновременно всѣми великими державами".

„Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ извѣстный французъ Жюль Симонъ, — предлагая еле выполнимую реформу о сокращеніи военной службы всего на одинъ годъ. Не довольствуясь этимъ, онъ замѣчаетъ: Друзья не должны успокоиться,

пока не совершится эта мѣра, иначе банкротство Европы неизбѣжно.

„Сокращеніе военной силы, на половину или на двѣ трети, превратило бы существующія арміи Европы въ милицію, сильную для обороны, но слабую для нападенія. Защита, а не вызовъ, былъ бы тогда всеобщій лозунгъ.

„Затрудненіе, конечно, въ томъ", — продолжаетъ русскій авторъ, — „чтобы такая прекрасная мѣра была одновременно принята всѣми великими державами, но Россія, военный характеръ которой неоспоримъ, была бы, я увѣрена, готова поддержать мысль, надъ которой подсмѣивался Кинглекъ, называя ее „квакерской". Дѣйствительная власть въ самообладаніи и сохраненіи мира".

Отвѣтъ на этотъ призывъ г-жи Новиковой послѣдовалъ немедленно. Первыми откликнулись въ Лондонѣ, представители свободныхъ церквей, пригласившіе Ольгу Алексѣевну на конференцію по этому предмету, на „Собраніе друзей" въ Девонширъ-хаусъ, 17-го апрѣля 1894 года. На этой конференціи было выражено сильное желаніе, чтобы британское правительство взяло на себя починъ воззваній къ другимъ государствамъ объ единомышленныхъ дѣйствіяхъ. Текстъ меморандума, подписаннаго 35.000 человѣкъ, включая восемьдесятъ членовъ парламента и шесть епископовъ, любопытный прообразъ циркуляра 1898 года.

„Безпрестанный, неукротимый ростъ вооруженій достигъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, которые требуютъ общаго содѣйствія для облегченія тяготы. Расходы на военныя и морскія надобности дѣйствительно грозятъ банкротствомъ государствамъ, вредятъ промышленности и народному богатству, отвлекая непосильными приготовленіями къ войнѣ суммы, могущія служить на общественныя улучшенія и преобразованія.

Это разорительное соперничество въ вооруженіяхъ—неизбѣжное и печальное слѣдствіе полнаго отсутствія международнаго соглашенія. Только такимъ соглашеніемъ оно можетъ быть остановлено.

„Поэтому мы почтительнѣйше, но горячо предлагаемъ открыть сообщенія съ европейскими державами, начавъ съ того, чтобы въ этомъ же столѣтіи обезпечить всеобщій для арміи и флота максимумъ смѣты настоящаго года.

Г-жа Новикова не произносила рѣчей на конференціи, говоритъ Стэдъ, но въ слѣдующемъ № „Review of Reviews" я

написалъ статью, почти всецѣло продиктованную ею на эту тему.

Всѣ другіе вопросы являются ничтожными въ сравненіи съ этой великой задачей; съ этимъ связанъ весь соціальный вопросъ. Все въ застоѣ потому, что нѣтъ наличныхъ денегъ. Министры и монархи ломаютъ себѣ голову, какъ покрыть безпрестанные дефициты. Всѣ планы усовершенствованій, требующіе денегъ,—а денегъ требуетъ всякій проектъ,—отклоняются ради дани, налагаемой богомъ войны на казначейства всего міра. Хорошо,—продолжаетъ Стэдъ,—что теперешнее наше правительство ничего такъ не желаетъ, какъ взять на себя иниціативу въ этомъ направленіи. Извѣстно, что Русскій Императоръ искренно желаетъ того же, германскій и австрійскій императоры раздѣляютъ эту мысль. Для Италіи уменьшеніе войскъ едва-ли не вопросъ жизни и смерти. Франція остается сомнительнымъ элементомъ. Одинъ Царь можетъ произвести давленіе на нее. Въ его искренности сомнѣваться нельзя.

Пока эта памятная записка собирала подписи, тогдашній премьеръ лордъ Розбери пригласилъ г-на Сталь и спросилъ, дѣйствительно ли таково настроеніе русскаго правительства, какъ утверждаетъ г-жа Новикова. Сталь отвѣчалъ откровенно, съ присущей ему простотой, что если говоритъ г-жа Новикова, то это должна быть правда, потому что она часто бываетъ освѣдомлена о томъ, что русское правительство думаетъ или дѣлаетъ. Тогда какъ мнѣ, — сказалъ старый посолъ, улыбаясь, ничего не говорятъ, пока не рѣшатся дѣйствовать.

Вслѣдъ за этимъ лордъ Розбери изъявилъ свое согласіе на общую мѣру, но тутъ возникла война между Китаемъ и Японіемъ, а тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кимберлей отказался поддержать лорда Розбери. На этомъ дѣло прервалось.

Война между Китаемъ и Японіей началась въ іюнѣ 1894 года. 9-го ноября 1897 года лордъ Салзберри, тогдашній премьеръ, произнесъ весьма сильную рѣчь о соперничествѣ въ вооруженіи между народами. Онъ сказалъ:

„Единственная наша надежда на соединеніе державъ. Пусть онѣ сплотятся въ международную конституцію, которая гарантировала бы длинные годы свободной торговли, цвѣтущей промышленности и безпрерывнаго мира. Тогда Европа могла бы соперничать съ Америкой въ благоденствіи.

Какъ въ подтвержденіе этихъ словъ Императоръ Николай II-й подписалъ циркуляръ 24-го августа 1898 года, вслѣдствіе

котораго состоялась первая Гаагская конференція. Текстъ этого документа Стэдъ приводитъ, чтобы показать, какъ близокъ онъ былъ къ той статьѣ, которую писала г-жа Новикова четыре года передъ этимъ.

Императорскій циркуляръ былъ объявленъ въ телеграммѣ Рейтера отъ 27-го августа 1898 года.

Циркуляръ отъ 12—24 августа 1898 года.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ 12—24 августа 1898 года всѣмъ прибывающимъ въ С.-Петербургъ иностраннымъ представителямъ нижеслѣдующее сообщеніе:

„Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ. Взглядъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества Августѣйшаго моего Государя.

„Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское Правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпеченія всѣмъ народамъ истиннаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

„Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира было поставлено цѣлью международной политики. Во имя мира, великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ, въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ, свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами.

„Однако, усилія эти не могли пока привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.

„Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя сегодня, пред-

ставляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

„Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.

„Очевиднымъ, поэтому, представляется, что если бы такое положеніе продолжалось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка.

„Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣтъ мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ Дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

Съ Божьей помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усиліе всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ.

Отвѣтъ, общественнаго мнѣнія на это воззваніе былъ въ началѣ, — говоритъ Стэдъ, — до такой степени равнодушный, что въ половинѣ декабря русское министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило отказаться отъ конференціи, замѣнивъ ее рядомъ комиссій для изученія предмета, изложеннаго въ циркулярѣ Государя. Убѣдившись въ полномъ индифферентизмѣ общества, Стэдъ, посовѣтовавшись съ нѣсколькими друзьями, рѣшилъ объявить крестовый походъ въ пользу мира. Сентъ: Джемская зала была отдана въ его распоряженіе днемъ и церковь д-ра Кли-

форда вечеромъ того же дня. Присутствовали представители всѣхъ церквей. Стэдъ говоритъ: „Передъ самымъ началомъ собранія, Лессаръ, впослѣдствіи русскій посолъ въ Пекинѣ, пришелъ ко мнѣ съ порученіемъ отъ русскаго посольства. Надѣюсь, что ваше собраніе будетъ успѣшно, сказалъ онъ, потому что, если вашъ крестовый походъ не будетъ принятъ сегодня, конференція не состоится. Въ Петербургѣ пришли въ такое уныніе отъ равнодушія и скептицизма къ циркуляру, что тамъ хотятъ отказаться отъ конференціи. Будутъ назначены комитеты, но о конференціи мы больше слышать не будемъ. Ждутъ, чтобы увидѣть, повліяете ли вы. Въ случаѣ вашего успѣха, они будутъ продолжать, все зависитъ отъ вашаго крестоваго похода.

Крестовый походъ мира былъ объявленъ единодушно и восторженно.

Отвѣтъ былъ немедленный и результатъ удовлетворителенъ.

Рѣчь зашла о паломничествѣ, черезъ всю Европу, представителей похода отъ каждой страны въ Петербургъ. Эта мысль возбудила большой энтузіазмъ среди англичанъ. Къ несчастью, германское правительство испугалось посѣщенія Берлина международными крестоносцами. Боялись народныхъ волненій и взрыва шовинизма при встрѣчѣ съ французскими представителями, если бы эти послѣдніе требовали разоруженія и мира на улицахъ Берлина.

Ко мнѣ опять пріѣхалъ Лессаръ просить отъ имени русскаго правительства оставить мысль о паломничествѣ. Государь съ радостью принялъ бы паломниковъ, но въ виду предупрежденія Берлина, что они могутъ нарушить миръ въ Европѣ, Его Величество надѣялся, что настаивать на нашемъ намѣреніи мы не будемъ. Другого исхода не было, какъ подчиниться русскому рѣшенію.

Вмѣсто паломничества по всей Европѣ я одинъ былъ посланъ,—говоритъ Стэдъ,—въ Петербургъ, доложить Государю о народномъ отвѣтѣ на его циркуляръ. Онъ принялъ меня крайне милостиво въ Царскомъ Селѣ, но ему было извѣстно все, что я собирался сообщить, ежедневно читая мою газету „Война противъ войны“.

Въ началѣ 1908 года сэръ Эдуардъ Грей сильно настаивалъ на необходимости поднять вопросъ о разоруженіи на Гаагской конференціи. Стэдъ говоритъ, что предупреждалъ его о безполезности такой попытки, но онъ отвѣчалъ, что необходимо настаивать на обсужденіи предположеній, которыя британское

правительство намѣрено представить. Къ тому же, посредствомъ настоятельныхъ увѣщаній, германское правительство согласилось, наконецъ, не препятствовать обсужденію на конференціи вопроса о разоруженіяхъ, предоставляя себѣ право воздержаться отъ преній.

Русское правительство, въ силу своихъ громогласныхъ миролюбивыхъ заявленій, не могло отказаться отъ этого вопроса, такъ какъ русскій Государь былъ творцомъ первой Гаагской конференціи въ 1898 году. Но съ тѣхъ поръ произошло много перемѣнъ. Въ войнѣ съ Японіей погибъ русскій флотъ. Принять въ 1908 г. принципъ неувеличенія вооруженія было бы теперь, по мнѣнію русскаго правительства, равносильно запрещенію возстановить его бывшія силы. Напрасно я доказывалъ, говоритъ Стэдъ, что къ какому бы рѣшенію конференція ни пришла, право Россіи возстановить свои силы, бывшія до войны, несомнѣнно признается.

Къ числу моихъ оппонентовъ вдругъ присоединилась г-жа Новикова. На этотъ разъ она не написала статью, выражающую взглядъ русскаго правительства, какъ въ 1894 году. Она избрала болѣе прямой путь.

Г-жа Новикова подружилась съ сэромъ Генри Кампбель Баннерманъ и его женой, гораздо ранѣе, чѣмъ рѣчь шла о его премьерствѣ.

Въ гнѣвѣ на то, что казалось ей предложеніемъ воспрепятствовать России возстановленіе военныхъ силъ, г-жа Новикова написала своему другу Баннерману слѣдующее письмо:

Лондонъ 25 февр. 1907 г.

„Дорогой сэръ Генри! Мнѣ очень жаль, что не могу повидаться съ Вами и обратится къ вамъ съ нѣкоторыми вопросами. Вы всегда такъ откровенны и правдивы и слову Вашему такъ можно довѣриться.

„Позвольте просить Васъ мнѣ объяснить, какая выгода для Англіи въ томъ, чтобы Россія не возвращалась къ своему прежнему величію и не возстановила бы своего флота! Правда ли, что въ этомъ и Ваша программа для Гаагской конференціи? Англія, союзница Японіи всегда, конечно, помогаетъ японцамъ, но въ чемъ же тутъ польза для англійской политики?

„Я очень огорчена: больно думать, что Англія готова всегда оскорбить чувства Россіи.

Вамъ искренно преданная О. Новикова.

Сэръ Генри поспѣшилъ отвѣтить слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

Уайтхолъ 27 февр. 1907 г.

„Дорогая Г-жа Новикова! Мнѣ очень жаль, что Вы были обезпокоены и раздосадованы, совершенно ни на чемъ неоснованными слухами.

„Я могу сказать только, что никогда не слыхалъ слова, могущаго дать поводъ думать что мы желаемъ оставить Россію въ ея теперешнемъ положеніи, безъ флота или арміи.

„Ни со стороны моихъ сослуживцевъ, ни людей безъ всякой отвѣтственности, поэтому могущихъ говорить легкомысленно и даже смѣло, никогда не доходила до меня подобная идея. Наоборотъ всѣ сочувствуютъ объявленной политикѣ правительства,—поощрять дружескія отношенія къ Вашей странѣ. Такова была наша политика при оппозиціи, такою она остается теперь, съ тѣхъ поръ какъ я въ ея главѣ. Мы хотимъ придти къ обоюдному доброму согласію по всѣмъ вопросамъ; мнѣ кажется, что г. Извольскій и сэръ Никольсонъ много надъ этимъ потрудились и достигнутъ цѣли, если будутъ предоставлены самимъ себѣ. Надѣюсь, что будутъ. Что касается антирусской демонстраціи въ Гаагѣ, я по чести не понимаю, что Вы хотите этимъ сказать. Россія изобрѣла Гаагскую конференцію и главный предметъ ея была необходимость остановить разорительную погоню за издержками. Мы пламенно ее поддерживали тогда и остаемся того же мнѣнія теперь. Это не относится къ А. или Б. и не содержитъ нелѣпую идею насиловать къ сокращенію не желающую его страну. Но мы желаемъ укрѣпить общественное мнѣніе Европы въ пользу мира, третейскаго суда и избавленія отъ расходовъ на армію.

„Мы не лицемѣримъ въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, мы не скрываемъ, что главная задача выгоды нашего собственнаго плательщика податей, чтобы употребить его деньги на болѣе полезные предметы. Но это не можетъ быть ко вреду или обидѣ нашимъ сосѣдямъ.

„Я искренно надѣюсь, если Васъ преслѣдуетъ кошмаръ здѣшнихъ злонамѣренныхъ умысловъ противъ Вашей страны, что Вы отъ него избавитесь, такъ какъ это положительное заблужденіе; я видѣлъ два раза Мартенса, разъ онъ завтракалъ у меня, и я увѣренъ, что онъ не вынесъ никакого дурного впечатлѣнія.

„Надѣюсь, что Вы здоровы, несмотря на заботы? Я былъ боленъ двѣ недѣли, теперь поправился, но рѣшительно не имѣю времени ни на что.

Вѣрьте искреннему моему уваженію и преданности.

Г. Кампбель-Баннерманъ.

Письмо это не удовлетворило г-жу Новикову. Но отъ ея ли гнѣвныхъ жалобъ, или по другой причинѣ, вѣроятно по разнымъ причинамъ, британское правительство не подняло вопроса о разоруженіи въ Гаагѣ, несмотря на смѣлыя заявленія сэра Эдуарда Грея; въ предшествовавшемъ году, англійскимъ представителямъ была дана инструкція воздержаться отъ всякаго опредѣленнаго предложенія о разоруженіи. Это воздержаніе можно было приписать ея вліянію.

Отношенія Ольги Алексѣевны къ сэру Генри Кампбель Баннерману и его женѣ оставались очень хорошими. Лэди Баннерманъ всегда очень цѣнила своего русскаго друга, но иногда любила пошутить надъ ней. Такъ однажды она спросила г-жу Новикову, почему она не пріѣзжаетъ къ нимъ завтракать, какъ всегда въ былое время.

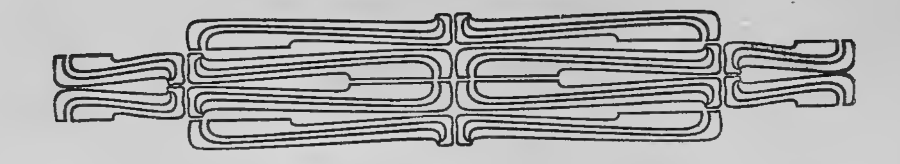
„О, отвѣчала Ольга Алексѣевна, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Вы въ Даунъ-Стритъ. Сэръ Генри, какъ премьеръ, долженъ часто видѣться съ министрами и дипломатами, я могу помѣшать“.

„Скажите, пожалуйста“, возразила лэди Баннерманъ, „съ какихъ это поръ Вы боитесь министровъ и дипломатовъ?“.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Донесенія датскаго посланника графа Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года [1]).

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой.

Петербургъ $\frac{\text{7 декабря}}{\text{18 декабря}}$ 1761 г.

Состояніе здоровья Императрицы медленно, но улучшается: по свѣдѣніямъ, заслуживающимъ довѣрія, она съ третьяго дня чувствуетъ себя немного лучше.

На-дняхъ ея величество обратилась къ Сенату съ рескриптомъ, въ которомъ свидѣтельствовала о томъ, какъ прискорбно ей было узнать, что сенаторы, вопреки своимъ обязанностямъ, не обсуждаютъ и не рѣшаютъ никакихъ дѣлъ, и требовала отвѣта — является ли бездѣйствіе сенаторовъ слѣдствіемъ ихъ лѣни или же неспособности. Въ томъ и въ другомъ случаѣ она съумѣетъ принять надлежащія мѣры!

Этотъ грозный рескриптъ сильно напугалъ гг. сенаторовъ и оказалъ то хорошее дѣйствіе, что теперь они исправно собираются на засѣданія и усердно занимаются дѣлами даже до поздней ночи.

Наборъ новыхъ войскъ въ Лифляндіи и въ завоеванныхъ провинціяхъ, о чемъ я имѣлъ честь сообщить Вашему Превосходительству въ моей депешѣ отъ 16-го октября, не только одобренъ, но признанъ необходимымъ Сенатомъ; поэтому соотвѣтствующій приказъ врученъ Сенатомъ Императрицѣ для подписи; но Государыня, какъ говорятъ, держитъ его у себя, не подписывая, уже четыре недѣли, такъ какъ она не хочетъ и слышать о новомъ наборѣ войскъ, несмотря на то, что ее убѣж-

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1914 г.

даютъ въ его необходимости, давая ей понять, что армія ея должна была естественно сильно уменьшиться послѣ столькихъ слѣдовавшихъ одна за другой кампаній и многихъ болѣзней.

По произведенному здѣсь подсчету потерь, понесенныхъ корпусами Румянцева, Фермора и Берга, оказалось, что за эту только кампанію одинъ городъ Кольбергъ имъ уже стоилъ около 12-ти тысячъ человѣкъ.

Шведскій посланникъ получилъ отвѣтъ отъ своего двора на свой запросъ по поводу нѣкоторыхъ требованій этикета, о которыхъ я имѣлъ честь подробно сообщать Вашему Превосходительству въ моей депешѣ отъ 30-го октября. Шведскій дворъ приказалъ ему сообразоваться съ дѣйствіями посланниковъ союзныхъ съ Швеціей странъ и одного съ нимъ ранга.

Недоразумѣніе, возникшее вслѣдствіе отказа г-жи де-Бретейль и г-жи д'Альмодоваръ подчиниться требованіямъ двора относительно цѣлованія руки,—еще не улажено: ихъ мужья еще не получали никакихъ указаній по поводу возникшаго спора. Между тѣмъ предполагаютъ, что все это кончится отозваніемъ г. де-Бретейля, и что французскій дворъ пришлетъ сюда неженатаго посланника. Что касается г-жи д'Альмодоваръ, то полагаютъ, что ей будетъ предписано вовсе не являться ко двору, пока ея мужъ здѣсь посланникомъ.

Г. де-Бретейль получилъ вчера съ эстафетой, прибывшей отъ его двора, письма отъ 15-го ноября, но между тѣмъ онъ не говорилъ мнѣ, чтобы онъ получилъ хотя-бы одно слово относительно нашего дѣла. По-прежнему не получаетъ на этотъ счетъ указаній и графъ де-Мерси. Признаюсь, что такое промедленіе представляется мнѣ изумительнымъ, и я не могу ничѣмъ другимъ его объяснить, какъ только тѣмъ, что тотъ и другой дворъ, не надѣясь на успѣхъ нашего дѣла, лукавятъ, разсчитывая своими мнимыми проектами выиграть время, а насъ заставить его потерять.

Мнѣ горько и больно высказывать подобныя предположенія, и я сильно желалъ бы въ нихъ ошибиться, но продолжающееся болѣе трехъ мѣсяцевъ молчаніе, даже имѣя въ виду дальность разстоянія и время необходимое дворамъ для переговоровъ между собой, представляется мнѣ неестественнымъ и не можетъ не наводить на подобныя подозрѣнія.

Прибылъ украинскій гетманъ графъ Разумовскій. Этотъ вельможа разсчитываетъ провести здѣсь часть зимы.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{11 \text{ декабря}}{22 \quad „}$ 1761 г.

Въ прошлую субботу, бесѣдуя съ канцлеромъ, я исполнилъ приказанія, данныя мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ въ депешѣ отъ 31-го октября: я сообщилъ этому вельможѣ, что король, узнавъ изъ моихъ донесеній о его болѣзни, былъ опечаленъ этимъ обстоятельствомъ и, выражая надежду, что здоровье его возстановится, приказалъ мнѣ засвидѣтельствовать ему свое сочувствіе. Какъ мнѣ казалось, канцлеръ былъ польщенъ вниманіемъ короля; поручивъ мнѣ передать королю свою почтительнѣйшую благодарность, онъ въ то же время просилъ засвидѣтельствовать Вашему Превосходительству благодарность за хорошій пріемъ, оказанный русскимъ матросамъ въ Копенгагенѣ, прибывшимъ туда на фрегатѣ изъ Архангельска; какъ увѣдомлялъ г. Корфъ, матросамъ, принужденнымъ перезимовать тамъ, были отведены въ городѣ магистратомъ хорошія квартиры.

Затѣмъ канцлеръ, по собственному побужденію, сказалъ мнѣ, что, получивъ наканунѣ извѣстія изъ арміи, онъ узналъ, что главнокомандующій со своимъ штабомъ стоитъ уже въ Маріенбургѣ и что Румянцевъ и Бергъ продолжаютъ осаду Кольберга, по-прежнему обѣщая овладѣть этой крѣпостью въ продолженіе зимы. Но канцлеръ доказалъ, что онъ плохо вѣритъ ихъ обѣщаніямъ: онъ находитъ, что оба русскіе генералы поступаютъ безразсудно (n'ont pas de têtes), и онъ очень ими недоволенъ. По его мнѣнію, имъ слѣдовало, чтобы взять этотъ городъ, дѣйствовать рѣшительно и попытаться овладѣть имъ однимъ ударомъ, хотя-бы даже съ рискомъ потерпѣть пораженіе.

Несомнѣнно, что здѣсь принимаютъ очень близко къ сердцу взятіе этого едва укрѣпленнаго городка и что Императрица требуетъ во что бы то ни стало, чтобы имъ овладѣли въ теченіе этой зимы, полагая, что, если и на этотъ разъ осада будетъ снята, то это явится неизгладимымъ пятномъ для побѣдоноснаго ея царствованія.

Здѣсь уже заряжены и нацѣлены пушки въ ожиданіи извѣстія о сдачѣ этого города.

Здоровье Императрицы все еще плохо, и хотя она и на ногахъ, но нѣсколько разъ на дню отдыхаетъ на кровати.

Такъ какъ газеты говорятъ о новомъ торговомъ договорѣ Россіи съ Англіей, то я считаю своимъ долгомъ разъяснить Вашему Превосходительству, что является въ этихъ слухахъ ложнымъ и что основательнымъ.

Дѣйствительно срокъ торговаго договора, заключеннаго на 15-ти лѣтній срокъ 30 лѣтъ тому назадъ и возобновленнаго 15 лѣтъ тому назадъ, уже два года, какъ истекъ во второй разъ. Такъ какъ въ настоящее время Англіей былъ поднятъ вопросъ о возобновленіи договора въ прежней его силѣ и снова срокомъ на 15 лѣтъ, то здѣшній дворъ изъявилъ на это свое согласіе, и проектъ новаго договора былъ переданъ г. Кейту, который и послалъ его въ Лондонъ, гдѣ заняты теперь его обсужденіемъ.

Такъ какъ проектъ вноситъ въ старый договоръ нѣкоторыя поправки и ограниченія, для англичанъ невыгодныя, то г. Кейтъ имъ недоволенъ и сомнѣвается, чтобы онъ былъ одобренъ его дворомъ, хотя, несмотря на измѣненія, англичанамъ въ торговомъ отношеніи предоставляется значительно больше привилегій и выгодъ, чѣмъ другимъ странамъ.

Впрочемъ, долженъ прибавить, что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ англичане принуждены были платить 13% таможеннаго сбора за товары, по условіямъ трактата отъ этого сбора изъятые.

Только-что получено изъ Помераніи извѣстіе о томъ, что осада Кольберга продолжается съ прежней твердостью; городъ окопанъ траншеями и уже нѣсколько дней, какъ начали пробивать въ его стѣнахъ брешь.

Отрядъ корпуса Румянцева одержалъ побѣду надъ большимъ прусскимъ отрядомъ арміи генерала Платена, при чемъ русскіе захватили пушку и взяли въ плѣнъ 60 человѣкъ.

Передаютъ, что въ окрестностяхъ Кольберга, подъ его выстрѣлами, часто появляются прусскіе отряды; передаютъ за вѣрное, что соединенныя войска генерала Платена и принца Вюртембергскаго расположатся на зимнія квартиры въ Помераніи.

Гакстгаузенъ.

Безъ даты.

Ваше Превосходительство, вчера послѣ полудня прибылъ отъ генерала Румянцева курьеръ съ важной вѣстью о сдачѣ Кольберга.

По донесеніямъ, полученнымъ до сихъ поръ, 12-го декабря разъигрался жаркій и упорный бой между прусской арміей, численностью, какъ утверждаютъ, въ 32 т. человѣкъ и состоявшей изъ 4-хъ корпусовъ, подъ командою генераловъ Литена, Платена, Шенкендорфа и принца Вюртембергскаго, и корпу-

сомъ генерала Румянцева, численностью, какъ говорятъ, въ 24 т. человѣкъ.

О томъ—сколько потеряли русскіе,—умалчиваютъ; говорятъ только, что потери ихъ очень незначительны, но что одинъ изъ первыхъ гренадерскихъ батальоновъ изрубленъ, будучи окруженъ непріятелемъ, и отъ него уцѣлѣло только 16 человѣкъ.

Послѣ этого дѣла, несмотря на то, что осажденные продолжали съ еще большей, чѣмъ прежде, стойкостью защищаться, комендантъ города, не надѣясь на помощь, принужденъ былъ 16-го декабря сдаться на волю побѣдителей.

Гарнизонъ, состоявшій изъ 6-ти батальоновъ, былъ объявленъ плѣннымъ, но въ виду его мужественной обороны ему предоставлено было выйти изъ города со всѣми воинскими почестями.

Въ крѣпости найдено было русскими болѣе 100 пушекъ и мортиръ; къ этому добавляютъ весьма значительную сумму денегъ.

Вотъ свѣдѣнія, которыя имѣются пока объ этомъ замѣчательномъ событіи.

Румянцевъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи, что на дняхъ онъ пришлетъ бригадира Мельгунова съ ключами отъ города и съ подробнымъ описаніемъ дѣла.

До сихъ поръ еще не возвѣстили народу стрѣльбой изъ пушекъ объ этой важной новости, какъ это принято здѣсь дѣлать въ подобныхъ случаяхъ.

Причина этому та, что уже нѣсколько дней, какъ Императрица снова сильно больна.

Е. в. великая княгиня только-что написала Шумахеру: „Императрица очень плоха, кровопусканія не остановили кровохарканія, и она все болѣе и болѣе слабѣетъ".

Всѣ здѣсь очень взволнованы этими тревожными обстоятельствами и все болѣе опасаются за жизнь Императрицы.

Вслѣдствіе той же причины взятіе Кольберга, объ обстоятельствахъ котораго, повидимому, сильно преувеличенныхъ, я только-что разсказалъ Вашему Превосходитеству, не произвело здѣсь того ликованія, какое могло бы произвести въ другое время.

Я не былъ у канцлера, чтобы поздравить его съ этимъ событіемъ, такъ какъ считаю этотъ визитъ неудобнымъ при возникшихъ между нами и здѣшнимъ дворомъ отношеніяхъ, и къ тому же при данныхъ обстоятельствахъ неимѣющихъ большого значенія.

Но зато я предполагаю быть у матери генерала Румянцева, ближайшей фрейлины Императрицы, чтобы оказать, въ качествѣ частнаго лица и друга ея дома, вниманіе по поводу этого событія.

Великій князь, видя, что Императрица слабѣетъ и будучи освѣдомленнымъ о тяжеломъ состояніи ея здоровья, озабоченъ, въ это критическое время, больше, чѣмъ когда-либо соблюденіемъ своихъ интересовъ.

Не будучи по природѣ щедрымъ и не имѣя къ тому же для этого достаточно средствъ, на дняхъ онъ подарилъ офицерамъ перваго гвардейскаго полка, чтобы заручиться ихъ дружбой, прекрасную золотую шкатулку, осыпанную бриллiантами.

На случай, если бы суждено было совершиться печальному событію—кончинѣ Императрицы, я умоляю Ваше Превосходительство испросить у короля разрѣшеніе сжечь всѣ бумаги нашихъ архивовъ, такъ какъ я невполнѣ увѣренъ, что мой домъ не подвергнется разграбленію во дни безпорядковъ и смятенія, которые, по всей вѣроятности, здѣсь возникнутъ и которыхъ страшатся всѣ иностранцы; я могу пострадать прежде, чѣмъ кто-либо другой.

Здѣсь слишкомъ хорошо извѣстны тѣ опасности, которымъ подвергаешься въ этой странѣ во время переворотовъ и революцій, какъ со стороны черни, такъ въ особенности со стороны солдатъ—гвардейцевъ (отличающихся необузданностью и въ которыхъ еще живъ духъ стрѣльцовъ), чтобы не принять своевременно нѣкоторыхъ, диктуемыхъ благоразуміемъ, предосторожностей.

Къ своему прискорбію, я опять долженъ сообщить Вашему Превосходительству, что гг. де-Мерси и де-Бретейль продолжаютъ увѣрять меня, что они по-прежнему не получаютъ отъ своихъ дворовъ никакихъ указаній относительно насъ, съ тѣхъ поръ, какъ я не говорю о нашемъ дѣлѣ ни съ канцлеромъ, ни съ ними, о немъ такъ же мало рѣчи, какъ если бы его вовсе не существовало.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{\text{18 декабря}}{\text{29} \quad „}$ 1761 г.

Съ прошлой пятницы мы находились въ постоянной тревогѣ за состояніе здоровья Императрицы; эта тревога возросла до такой степени, что мы, наконецъ, потеряли послѣднюю надежду на то, чтобы здоровье Императрицы могло возстановиться но съ вечера третьяго дня мы снова надѣемся.

Императрица, отказывавшаяся до сихъ поръ отъ всѣхъ лѣкарствъ, уступила наконецъ горячимъ просьбамъ окружающихъ ее лицъ и согласилась принять лѣкарство англійскаго врача Монсей. Благодаря этому лѣкарству она спокойно спитъ, лихорадка и кровохарканіе прекратились, появилась сильная испарина и ея рана на ногѣ открылась; однимъ словомъ—она испытываетъ большое облегченіе, и врачи находятъ, что кризисъ миновалъ, и Императрица на пути къ выздоровленію. Даже сама Государыня приписываетъ эту счастливую перемѣну въ ея здоровью лѣкарству г. Монсей, утверждая, что это оно оказало такое чудесное дѣйствіе, благодаря чему г. Монсей, какъ говорятъ, замѣтно пріобрѣлъ ея довѣріе и милость: она не желаетъ совѣтоваться съ другими врачами и слѣдуетъ только его предписаніямъ.

Впрочемъ г. Монсей стоило большого труда склонить Императрицу принять его лѣкарство: только послѣ того, какъ онъ въ теченіе четырехъ дней проносилъ свое снадобье въ карманѣ, убѣждая всѣхъ и каждаго, что въ немъ все спасеніе Императрицы и умоляя приближенныхъ ей женщинъ и другихъ окружающихъ ея лицъ убѣдить Императрицу послѣдовать его совѣту, она позвала его, чтобы разспросить о дѣйствіи лѣкарства; г. Монсей принужденъ былъ въ ея присутствіи выпить болѣе трети всего снадобья, послѣ чего она рѣшилась наконецъ его выпить, съ тѣхъ поръ Императрица относится къ нему не только, какъ къ человѣку, спасшему ей жизнь, но какъ къ подданному, готовому ради нея пожертвовать своей жизнью.

Кромѣ женщинъ, къ Императрицѣ имѣютъ доступъ только камергеръ Шуваловъ и старый графъ Разумовскій: доктора входятъ только тогда, когда ихъ позовутъ, какъ это было третьяго дня, когда Императрица была при послѣднемъ издыханіи.

Въ то же утро былъ призванъ канцлеръ; была ли тогда рѣчь о какихъ-либо распоряженіяхъ по завѣщанію — неизвѣстно Впрочемъ, подобное предположеніе представляется мало вѣроятнымъ, такъ какъ, хотя Императрица и была тогда очень плоха, но врядъ ли нашелся бы такой смѣльчакъ, который рѣшился бы ей объ этомъ сказать.

Императрица желала бы вовсе скрыть свою болѣзнь отъ народа. Вчера въ первый разъ, спустя довольно много дней, смѣна гвардейскаго корпуса произошла, какъ обыкновенно, съ барабаннымъ боемъ, предъ окнами Императрицы.

Послѣдніе дни здѣсь царятъ печаль и уныніе, написанныя на каждомъ лицѣ; всѣ сидятъ по домамъ, терпѣливо ожидая грядущаго переворота.

Вѣроятно, по наступленіи кончины Императрицы, будетъ собрана гвардія и Великаго Князя объявятъ императоромъ.

Третьяго дня въ костелѣ было всенародно совершенно богослуженіе о здравіи Императрицы.

Г. де-Бретейль полагалъ, что онъ поступилъ очень хорошо, присутствуя на этомъ богослуженіи, но между тѣмъ совершеніе этого всенароднаго и формальнаго акта возбудило неудовольствіе двора; старались даже выяснить—кто былъ его инціаторомъ: называли графа Санти, но послѣдній это отрицалъ.

Какъ ни прискорбно было бы для меня сообщить Вашему Превосходительству о кончинѣ Императрицы, но если это несчастье совершится, то я сдѣлаю это какимъ бы то ни было способомъ. Я думалъ предложить Вашему Превосходительству, въ случаѣ, если бы въ одинъ изъ почтовыхъ дней вы не получили бы отъ меня письма, считать это за вѣрный признакъ совершившагося здѣсь крупнаго событія, но такъ какъ нельзя положиться на правильность почтъ, которыя могутъ быть задержены или при переходѣ черезъ Гафъ или же вслѣдствіе другихъ какихъ-либо случайностей, то это могло бы вызвать ложную тревогу и напрасно обезпокоить.

Пересылка писемъ будетъ дѣломъ не только труднымъ, но почти невозможнымъ, такъ какъ, въ случаѣ кончины Императрицы, прекратится всякое почтовое сообщеніе, между тѣмъ отправлять курьеровъ безполезно, такъ какъ ихъ не будутъ пропускать и задержатъ на первой же остановкѣ.

На случай неудачи, я войду въ соглашеніе съ Поссе, которому также важно во время увѣдомить свой дворъ объ этомъ событіи, и мы отправимъ нарочныхъ, знающихъ языкъ этой страны, снабдивъ ихъ обоюдно нашими письмами; кружными путями, чтобы избѣжать русскія станціи, они направятся къ шведской границѣ.

Кромѣ того я передамъ свои письма тѣмъ лицамъ, которыхъ отправятъ г.г. де-Мерси, де-Бретейль и де-Прассе, адресовавъ ихъ на имя г. Остена, который переправитъ ихъ съ эстафетой въ Гамбургъ.

Если бы случилось, что великій князь не вступилъ на престолъ, то я полагаю, что исполню волю короля, если буду дѣй-

ствовать сообразно съ тѣмъ, какъ будутъ дѣйствовать другіе посланники, но тѣмъ не менѣе я осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство дать мнѣ на этотъ счетъ самыя подробныя указанія.

Къ г. де-Бретейлю прибылъ курьеръ, но онъ увѣряетъ, что послѣдній ничего не привезъ ему относительно нашего дѣла; по его словамъ, гр. де-Шуазель сообщилъ ему только о томъ, что онъ бесѣдовалъ съ гр. Ведель-Фрисъ, который, желая получить высочайшія разъясненія, послѣ этого отправилъ въ Копенгагенъ курьера.

Сообщеніе изъ Польши о томъ, что Императрицей объявленъ грозный указъ противъ конфедераціи—невѣрно, и хотя князь Волконскій съ своимъ корпусомъ и находится въ Польшѣ, но ему опредѣленно приказано обращаться съ польскимъ шляхетствомъ возможно мягче и осторожнѣе. Новый казацкій отрядъ, въ 6 т. человѣкъ, движется по Польшѣ для того, чтобы соединиться съ главнымъ войскомъ.

Къ англійскому посланнику прибылъ на дняхъ отъ его двора курьеръ; съ тѣхъ поръ распространился слухъ, что онъ отозванъ.

Вчера пріѣхалъ бригадиръ Мельгуновъ, привезшій ключи отъ Кольберга и трофеи, а также подробное описаніе дѣла 12-го декабря и послѣдовавшей затѣмъ сдачи города, которое до сихъ поръ еще не опубликовано. Онъ разсказываетъ, что въ осажденномъ городѣ находилась одна изъ принцессъ Вюртембергскихъ, принадлежащая къ Прусскому королевскому дому, и что комендантъ города обратился къ генералу Румянцеву съ просьбой разрѣшить принцессѣ уѣхать, но что послѣдній не счелъ себя въ правѣ это сдѣлать безъ особаго на то приказанія Государыни. Предполагаютъ, что эта принцесса, такъ же, какъ и бывшій комендантъ Кольберга г. Гейденъ, будутъ препровождены сюда этой зимой.

Сегодня Государынѣ исполнилось 53 года; день ея рожденія при дворѣ не празднуется и съ крѣпостного вала, противъ обыкновенія, не стрѣляли изъ пушекъ, такъ какъ Ея Величество несовсѣмъ здорова, но, благодаря Богу, она чувствуетъ теперь себя много лучше и съ каждымъ днемъ поправляется.

Нѣсколько часовъ тому назадъ былъ расклеенъ приказъ, переводъ котораго я имѣю честь приложить.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{\text{1 января}}{\text{21 декабря}}$ 1762/1 г.

Императрица находится все въ томъ же тяжеломъ состояніи кризиса. Съ нею очень часто происходятъ обмороки, и третьяго дня тревога потерять ее дошла снова до крайнихъ предѣловъ. Хотя она сильно страдаетъ, но не сознаетъ опасности и поэтому плохо слѣдуетъ совѣтамъ докторовъ, полагаясь больше на свою сильную натуру, которая много разъ ее выручала, чѣмъ на лѣкарства. Недавно, будучи въ сильной испаринѣ, она пожелала перемѣнить бѣлье, несмотря на всѣ увѣщанія докторовъ и крики и настоянія приближенныхъ ей женщинъ.

Спектакли прекратились, и даже въ частныхъ домахъ запрещены всякія увеселенія, а также отданъ приказъ служить во всѣхъ церквахъ молебны о выздоровленіи Императрицы.

Третьяго дня утромъ канцлеръ получилъ отъ барона Корфа депешу, отъ 15-го сего мѣсяца, которую тотъ отправилъ курьеромъ изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, откуда г. Остерманъ переслалъ ее сюда съ эстафетой. Канцлеръ ничего не передавалъ мнѣ относительно ея содержанія, но онъ говорилъ г.г. де-Бретейлю и де-Прассе, что баронъ Корфъ не сообщилъ ему ничего особеннаго, ради чего стоило бы присылать курьера.

Г.г. де-Мерси и де-Бретейль по-прежнему продолжаютъ оставаться безъ указаній относительно нашего дѣла, которое вслѣдствіе этого совершенно заглохло.

Приказъ, переводъ котораго я имѣлъ честь отправить Вашему Превосходительству съ послѣдней почтой, имѣетъ весьма большое значеніе. По этому приказу, 17 тысячъ ссыльныхъ и каторжниковъ получаютъ свободу и имъ возвращаются права и владѣнія, которыми они пользовались до своего осужденія. Говорятъ, что стоимость имущества, которое казна теперь имъ возвратитъ, достигаетъ одного милліона рублей [1]).

Теперь будетъ освобожденъ г. Гордтъ, заключенный здѣсь въ крѣпости. Это дѣло ведетъ г. Кейтъ, который отъ имени своего двора ходатайствовалъ о томъ, чтобы на этого заключеннаго смотрѣли не какъ на государственнаго преступника, но какъ на военноплѣннаго и поэтому подлежащаго освобожденію.

Желая угодить Англіи, здѣшній дворъ сообщилъ о такой интерпретаціи шведскому двору и послѣдній изъявилъ на это свое согласіе или же просто подчинился желанію Россіи. Указъ

---

[1]) Шведскій полковникъ, перешедшій къ Прусскому королю, оставилъ записки („Р. Арх". 1877 II, 294).

объ освобожденіи г. Гордта находится уже въ кабинетѣ Императрицы и ждетъ только ея подписи. Утверждаютъ, что, послѣ его освобожденія, Императрица подаритъ ему нѣсколько тысячъ червонцевъ въ вознагражденіе тѣхъ непріятностей, которыя онъ потерпѣлъ во время своего заключенія.

Есть слухи, что г. Тотлебенъ умеръ въ крѣпости, но у меня нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы поручиться за достовѣрность этого извѣстія.

Пока не произойдетъ обмѣна, генералу Вернеру разрѣшено оставаться въ Пруссіи, въ его имѣніи.

Въ прошлый вторникъ—день рожденія Ея Величества,—какъ обыкновенно, была иллюминація, въ полдень въ крѣпости было сдѣлано 12 выстрѣловъ, но такъ какъ заряды были слабые, то въ городѣ выстрѣлы едва были слышны.

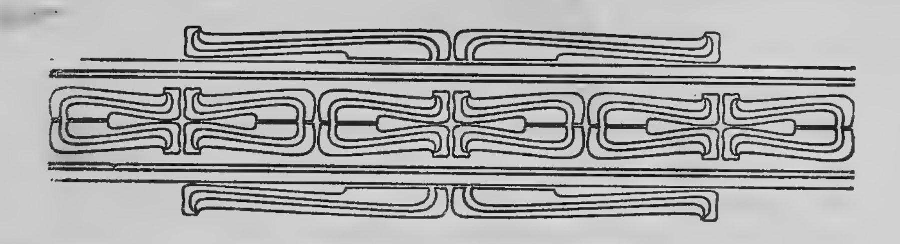
Положеніе дѣлъ въ Курляндіи по-прежнему очень запутаное, несмотря на то, что принцъ Карлъ намѣревается отправиться въ Варшаву, гдѣ онъ проведетъ зиму.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о генералѣ М. Д. Скобелевѣ.

Въ 1882 году, годъ смерти Мих. Дмитр., я былъ старшимъ полковникомъ въ лейбъ-гвардіи Волынскомъ полку, 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи, расположенной въ то время, какъ и теперь, въ Варшавѣ. Командиръ нашего полка Ст. В. Рыкачевъ, прекрасный и благороднѣйшій человѣкъ, лично храбрый, незадолго передъ тѣмъ отличившійся въ турецкой войнѣ, командуя при штурмахъ Плевны Вологодскимъ пѣхотныхъ полкомъ, онъ за отличіе былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ нашего полка. Недостаткомъ его была—слабость характера, онъ постоянно колебался и переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому и въ концѣ концовъ оставался всегда мнѣнія послѣдняго—докладчика у него въ кабинетѣ.

Въ то время у насъ въ полку, какъ и во многихъ полкахъ, расположенныхъ въ Ц. Польскомъ, среди офицерскаго состава, обрисовывалось не скажемъ двѣ партіи, а двѣ группы офицеровъ—нѣмецкой и польской національностей. Цѣль ихъ была общая, постоянно пропагандировать, что въ Россіи нѣтъ способныхъ людей, что лучшіе служащіе люди въ Россіи — это нѣмцы и поляки. Если случайно, во главѣ какой-либо части, оказывалось лицо одной изъ этихъ національностей, то непремѣнно около него группировался свой кружокъ, на который онъ опирался и лицамъ которой оказывалъ свою протекцію.

Нашъ полкъ былъ особенно связанъ съ генераломъ Скобелевымъ.

Послѣ первыхъ неудачныхъ плевненскихъ штурмовъ въ 1877 г., Императоръ Александръ II рѣшилъ двинуть на театръ войны гвардію. Нашъ полкъ прибылъ первымъ изъ гвардіи въ окрестности Плевны. Когда мы еще двигались по желѣз-

нымъ и потомъ совершали переходы по грунтовымъ дорогамъ, то безпрерывно встрѣчали транспорты больныхъ и раненыхъ. Трудно себѣ представить тотъ жгучій интересъ, съ которымъ мы разспрашивали возвращавшихся съ войны: что тамъ дѣлается, гдѣ наши войска, какая обстановка, какіе пріемы употреблять въ бою, какія вещи съ собою брать и т. д. Но какъ раненые, такъ и больные, особенно дезинтерики, которыхъ, я помню, было очень много, отвѣчали вяло, равнодушно, какъ бы говоря:—я вотъ ушелъ и теперь тамъ все пропало. Но какъ только разговоръ касался Скобелева, даже истощенные дезинтерики приходили въ восторгъ отъ его храбрости, умѣнья управлять войсками, успѣховъ и отваги; видно было, что это уже былъ настоящій народный герой, что онъ уже успѣлъ захватить душу арміи, душу солдатъ въ свои руки и что они готовы съ нимъ итти куда угодно.

Участокъ нашего полка при обложеніи Плевны (Волынская гора впереди Картужабинскаго ущелья и рѣчки Чернетки) былъ рядомъ съ участкомъ войскъ генерала Скобелева. Намъ часто приходилось дѣйствовать совмѣстно, поддерживая другъ друга и задаваясь однѣми и тѣми же цѣлями.

Случалось довольно часто видѣть величественную фигуру Скобелева, спокойно объѣзжавшаго войска нашего отряда или скачущаго во весь опоръ на лѣвый флангъ къ отряду Ганецкаго (день сдачи Плевны 28 ноября 1877 года). Вотъ почему участники Турецкой войны, оставшіеся еще ко дню смерти Скобелева въ составѣ Волынскаго полка, были поражены смертью доблестнаго генерала. У меня явилась мысль, что нашему полку необходимо возложить серебрянный вѣнокъ на могилу Скобелева, и я отправился къ командиру полка просить разрѣшенія собрать общество офицеровъ, для обсужденія этого вопроса. Рыкачевъ въ тотъ періодъ былъ подъ вліяніемъ партіи нѣмцевъ и поляковъ и мое предложеніе принялъ не вполнѣ сочувственно.—„Хотя я и не вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе и восторги о Скобелевѣ, сказалъ Рыкачевъ, но разрѣшаю вамъ собрать общество г.г. офицеровъ и узнать его мнѣніе. Я не буду на собраніи“.

Общество было мною собрано и ему былъ предложенъ поставленный выше вопросъ. Вся масса офицеровъ держала себя спокойно, молчаливо, суетились и кричали только отдѣльныя личности и болѣе всѣхъ полковникъ Х. (нѣмецъ) и капитанъ А. (полякъ).

Должно признать, что за послѣднее время мы сдѣлали боль-

шой шагъ впередъ въ развитіи своего національнаго чувства и самолюбія. Въ настоящее время, я полагаю, общество самаго захудалаго армейскаго полка, расположеннаго въ самомъ глухомъ углу Россіи, не въ силахъ было бы спокойно выслушать ту невѣроятно оскорбительную клевету, которую говорили Х. и А. о Скобелевѣ и притомъ передъ свѣже раскрытой могилой и обществомъ одного изъ лучшихъ въ то время гвардейскихъ полковъ. Общество однако спокойно разошлось, постановивъ возложить вѣнокъ отъ полка на могилу почившаго.

Я пошелъ доложить о рѣшеніи общества командиру полка, который, не желая рѣшить самъ, поручилъ мнѣ доложить объ этомъ начальнику дивизіи.

Начальникомъ 3-ей гвардейской дивизіи въ то время былъ генералъ В. Д. Дандевиль. Французъ по происхожденію, онъ и вся семья его были православные и по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ вполнѣ русскіе люди. Кромѣ того, онъ былъ большимъ поклоникомъ Скобелева.

Когда онъ узналъ въ чемъ дѣло, то выразилъ мнѣ свою глубокую благодарность за мое предложеніе и добавилъ:—Но у васъ прошло не такъ гладко, какъ вы разсказываете, вамъ таки пришлось порядочно повоевать съ Х. и А.—Оказалось, что ему были извѣстны уже всѣ подробности засѣданія и мнѣнія Х. и А.

Когда я выразилъ удивленіе, что они такъ нахально и открыто выражали свое дерзкое мнѣніе передъ всѣмъ обществомъ офицеровъ, онъ возразилъ:

— Не удивляйтесь, теперь во всѣхъ полкахъ нѣмцы соединились съ поляками, чтобы вмѣстѣ отстаивать свои интересы и вести борьбу съ русскими. Кромѣ того они имѣютъ сильную опору въ С.-Петербургѣ и здѣсь въ краѣ, а такіе командиры, какъ Рыкачевъ, имъ не опасны. Я васъ попрошу побывать теперь у Папютина. Тамъ вы встрѣтите совсѣмъ другой пріемъ, разскажите ему, къ какому рѣшенію вы пришли, сообщите, что я этому дѣлу очень сочувствую и что если всѣ полки дивизіи придутъ къ такому же рѣшенію, то я возьму это дѣло въ свои руки, и мы устроимъ чудные вѣнки.

Отъ Дандевиля я прямо отправился въ С.-Петербургскій полкъ, который былъ расположенъ лагеремъ на Мокотовскомъ полѣ. Мнѣ сказали, что генералъ Панютинъ въ лагерное время ежедневно обѣдаетъ въ офицерскомъ собраніи, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ офицеровъ, куда меня и направили. Когда я разсказалъ ему въ чемъ дѣло, онъ неожиданно поднялся во весь свой громадный ростъ и своимъ необыкновенно зычнымъ голо-

сомъ крикнулъ: шампанскаго. Когда всѣ встали, онъ сказалъ: „г.г., предлагаю тостъ за полковника Агапѣева, пришедшаго къ намъ съ прекраснымъ предложеніемъ“ и разсказалъ все дѣло, добавивъ: мы, конечно, господа, отъ волынцевъ не отстанемъ, и я прошу полкового адъютанта теперь же собрать мнѣніе всѣхъ офицеровъ. Черезъ полчаса къ концу обѣда полковой адъютантъ представилъ уже постановленіе общества офицеровъ о вѣнкѣ на могилу генерала Скобелева. Съ этими постановленіями Панютинъ отправился къ начальнику дивизіи.

Дандевиль былъ художникъ въ душѣ, хорошо рисовалъ и обладалъ большимъ вкусомъ. Когда всѣ четыре полка выразили желаніе возложить вѣнки на гробъ Скобелева, Дандевиль взялъ это дѣло въ свои руки, создалъ прелестные рисунки вѣнковъ, и они были отправлены съ депутаціей въ Рязанскую губернію на могилу Скобелева.

Штабъ 4 армейскаго пѣхотнаго корпуса и квартира корпуснаго командира Скобелева были въ Минскѣ, гдѣ онъ и проживалъ послѣдніе дни передъ смертью. Воинскимъ начальникомъ въ Минскѣ былъ въ то время мой родной братъ, полковникъ И. Ер. Агапѣевъ, который, по приказанію Скобелева, исполнялъ обязанности коменданта въ городѣ и долженъ былъ почти ежедневно являться къ нему съ рапортомъ, что давало ему возможность хорошо познакомиться съ лицами, окружавшими Скобелева и составлявшими штабъ его корпуса.

Въ томъ же 1882 году, проѣздомъ изъ Москвы въ Варшаву, я остановился у брата въ Минскѣ и узналъ отъ него нѣкоторыя подробности о смерти Скобелева.

Извѣстно, что Скобелевъ отличался чисто русскимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ. Намъ, волынцамъ, это было извѣстно еще подъ Плевной. Уѣзжая изъ Минска въ свою послѣднюю поѣздку въ Москву, онъ взялъ съ собою нѣсколько лицъ, служившихъ у него въ штабѣ, которыя каждый день у него обѣдали. Вмѣстѣ съ нимъ, также пріѣхалъ въ Москву баронъ Розенъ, который, кажется, былъ командиромъ одного изъ полковъ въ 4 корпусѣ. По пріѣздѣ въ Москву, баронъ Розенъ узналъ, что Скобелевъ представилъ его къ очередной наградѣ и что онъ ее уже получилъ, почему и отправился съ утра на другой же день пріѣзда Скобелева въ Москву въ гостиницу „Дрезденъ“, гдѣ онъ остановился, чтобы принести благодарность и пригласить Скобелева съ его свитой на обѣдъ. Когда онъ былъ допущенъ въ номеръ къ Скобелеву, то засталъ его заказывающимъ старшему повару гостиницы обѣдъ для себя и свиты.

Заказъ былъ уже оконченъ, и поваръ собирался уходить. Узнавъ въ чемъ дѣло, Скобелевъ изъявилъ свое согласіе быть на обѣдѣ, предложенномъ Розеномъ, и сказалъ ему:

— Такъ какъ я только-что заказалъ обѣдъ на сегодняшній день, то вамъ нечего придумывать — другой; примите мой заказъ. Обѣдъ очень хорошій.—Такъ и было рѣшено обѣдать въ Дрезденской гостиницѣ.

Въ условленный часъ собрались на этотъ послѣдній обѣдъ Скобелева. Всего было человѣкъ 6—7; въ числѣ ихъ были: изъ пріѣхавшихъ со Скобелевымъ изъ Минска личный адъютантъ Скобелева г. Эрдели, военный врачъ Бернандскій, по національности полякъ, душой преданный Скобелеву и участвовавшій съ нимъ во многихъ его туркестанскихъ походахъ; былъ также прежній адъютантъ Скобелева Баранокъ, славившійся при военномъ министрѣ Ванновскомъ открытіями злоупотребленій по интендантской части и среди уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и находившійся въ то время въ составѣ чиновъ московской полиціи.

За обѣдомъ Скобелевъ былъ очень веселъ и разговорчивъ. Онъ проводилъ любимую свою въ то время мысль, что наша армія значительно лучше прусской. Иронически посматривая на барона Розена, онъ все доказывалъ, что война между нами и Пруссіей почти неизбѣжна, что *если волею Государя Императора, онъ будетъ призванъ командовать арміей, то съ радостью и гордостью приметъ такое назначеніе и своею головою отвѣчаетъ, что прусская армія будетъ разбита, и мы побѣдимъ.*

Вся компанія послѣ обѣда отправилась въ „Яръ“ послушать цыганъ. Тамъ были замѣчены какіе-то обрывочные разговоры между Скобелевымъ, докторомъ и Баранкомъ, изъ которыхъ присутствующіе могли только заключить, что Баранокъ устраивалъ Скобелеву свиданіе съ какими-то женщинами.—„А та будетъ?“—спрашивалъ Скобелевъ. Баранокъ утвердительно кивалъ головой. Изъ „Яра“ вся компанія взяла извозчиковъ и поѣхала по Тверской обратно въ городъ. Извозчикъ Скобелева, при разслѣдованіи причинъ смерти Скобелева, показалъ, что генералъ, садясь въ экипажъ, слегка покачивался и что было замѣтно, что онъ выпивши. Впереди поѣхалъ Баранокъ, за нимъ Скобелевъ, а затѣмъ и всѣ остальные. У одного изъ домовъ по Тверской Баранокъ остановился и подошелъ къ экипажу Скобелева, высадилъ его и повелъ въ домъ, затѣмъ, Скобелевъ остался въ домѣ, а Баранокъ вернулся, и всѣ вмѣстѣ продолжали свой дальнѣйшій путь въ городъ.

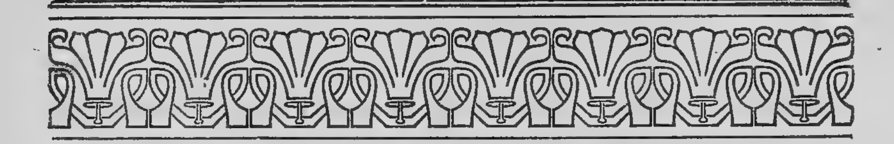
На другое утро Москва была поражена вѣстью о неожиданной смерти Скобелева.

Послѣ похоронъ всѣ бывшіе со Скобелевымъ въ Москвѣ и служившіе въ штабѣ 4 армейскаго корпуса возвратились въ Минскъ. Видъ ихъ былъ печальный и сконфуженный. Они были молчаливы и неохотно разсказывали о своемъ пребываніи въ Москвѣ. Видно было, что они чувствовали свою вину передъ русскимъ обществомъ, передъ всей Россіей въ томъ, что не умѣли сохранить отъ опасности и уберечь жизнь такого дорогого для государства человѣка, какимъ былъ Скобелевъ. Особенно обвиняли доктора...

Братъ мой жилъ тогда въ своемъ домѣ на Подгорной улицѣ. Рядомъ съ нимъ на углу жилъ начальникъ штаба 4 корпуса, генералъ Духонинъ. Какъ товарищъ брата по Дворянскому полку, Духонинъ просилъ брата позволить ему продѣлать изъ своего дома въ садъ брата калитку и пользоваться въ немъ прогулками. Въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Духонинъ, въ мезонинѣ нанимала комнатку классная дама Минской гимназіи, молодая дѣвушка Головкина. Она, при встрѣчѣ со Скобелевымъ у Духониныхъ, у которыхъ Скобелевъ довольно часто бывалъ, очень ему понравилась. У Духониныхъ составился планъ женитьбы его на Головкиной, въ томъ вниманіи, что для народнаго героя самое подходящее жениться на бѣдной незнатной дѣвушкѣ, что это еще больше увеличитъ его популярность. Духонины, особенно мадамъ, очень покровительствовала и устраивала свиданія Скобелева съ Головкиной въ саду брата, въ хорошенькой бесѣдкѣ съ цвѣтными стеклами, которая до сихъ поръ существуетъ. О женитьбѣ Скобелева тогда же у насъ стали появляться разсказы (Невѣста бѣлаго генерала). Почему это разстроилось, мнѣ неизвѣстно.

Петръ Агапѣевъ.

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова.

31-го декабря 1837 года умеръ въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, помѣщикъ, отставной гвардейскій поручикъ Василій Илларіоновичъ Афремовъ, оставивъ послѣ себя имѣніе, заключавшее 200 душъ, въ селѣ Дерновѣ и деревнѣ Гришиной. Имѣніе это досталось покойному по наслѣдству отъ отца и матери. Такъ какъ В. И. скончался бездѣтнымъ, то мѣстный уѣздный судъ сдѣлалъ вызовъ наслѣдниковъ. Наслѣдниками къ имѣнію явились: со стороны Афремова — генералъ-маіоръ Никита, статскій совѣтникъ Василій, подполковникъ Григорій, маіоръ Николай и штабсъ-капитанъ Александръ Васильевичи Арсеньевы, племянникъ ихъ прапорщикъ Николай Дмитріевичъ Арсеньевъ и внукъ, сынъ Маріи Михайловны Арсеньевой, по мужу Лермонтовой, корнетъ л.-гв. гусарскаго полка Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, а со стороны матери умершаго Афремова—отставной гвардіи поручикъ Александръ Петровичъ Дураковъ.

Права Арсеньевыхъ и Лермонтова на наслѣдство основывались на родословной, ревизскихъ сказкахъ, исповѣдныхъ свидѣтельствахъ, купчихъ крѣпостяхъ, дарственныхъ записяхъ, раздѣльныхъ актахъ присутственныхъ мѣстъ и справкахъ Вотчиннаго Департамента. Изъ родословной видно, что родоначальникамъ фамиліи Афремовыхъ былъ Евдокимъ Афремовъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей: Тимоѳея (умершаго бездѣтнымъ) и Ивана, капитана 2-го ранга, и дочь Параскеву. Затѣмъ родъ раздѣляется на двѣ нисходящія линіи, мужскую и женскую,—именно: Иванъ Евдокимовъ имѣлъ сына Илларіона, прапорщика, а этотъ послѣдній—сына Василія, отставного гвардіи поручика, умершаго бездѣтно, послѣ котораго и осталось имѣніе.

Такимъ образомъ, Василій Илларіоновичъ Афремовъ, по мужской линіи, правнукъ Евдокима Афремова, дочь котораго Параскева была въ замужествѣ за прапорщикомъ Никитою Исаевичемъ Ивашкинымъ и имѣла отъ этого брака дочь Евфимію, выданную замужъ за отца Арсеньевыхъ, капитана Василія Васильевича Арсеньева. У В. В. и Е. Н. Арсеньевыхъ были дѣти: Николай, Никита, Василій, Григорій, Михаилъ, Дмитрій и Александръ, прямые наслѣдники имѣнія Афремова. Но ко времени открытія наслѣдства двое изъ нихъ умерли, оставивъ по себѣ Дмитрій сына Николая, а Михаилъ дочь Марію, которая, по замужеству съ Юрьемъ Лермонтовымъ, имѣла сына Михаила. Слѣдовательно, дѣти В. В. Арсеньева являлись правнуками Евдокима Афремова по женской линіи и троюродными братьями Василію Илларіоновичу Афремову. Справедливость родословной была удостовѣрена елецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и засвидѣтельствована Елецкимъ уѣзднымъ судомъ.

Медынскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ доказательства на наслѣдство послѣ Афремова, 15-го марта 1839 года призналъ наслѣдниками по Афремовѣ Арсеньевыхъ и Лермонтова и, со стороны матери его, поручика Дуракова. Арсеньевы, Лермонтовъ и Дураковъ были введены во владѣніе имѣніемъ безспорно; но Арсеньевы и Лермонтовъ, признавая неправымъ дѣйствіе суда, отдававшаго во владѣніе Дуракова часть имѣнія Афремова, дошедшаго къ послѣднему отъ матери, объявили на это рѣшеніе неудовольствіе, и дѣло, по апелляціонной жалобѣ ихъ, перешло на разсмотрѣніе Калужской палаты гражданскаго суда. Однако жъ, въ то время, когда дѣло объ имѣніи Афремова находилось въ гражданской палатѣ, Арсеньевы и Лермонтовъ уже болѣе года пользовались правами владѣнія отсужденной имъ части имѣнія и даже доставшуюся имъ часть наслѣдства запродали, 3-го августа 1839 года, коллежскому ассесору Владиміру Ефимовичу Миронову, бывшему ихъ повѣреннымъ. Принося апелляціонную жалобу, просители едва-ли думали, что дѣло приметъ неблагопріятное для нихъ теченіе; напротивъ, они ожидали, можетъ быть, лучшихъ результатовъ отъ взгляда высшей инстанціи и ужъ никакъ не разсчитывали, чтобы въ ихъ споръ вступило третье лицо, — казна. Но казна-то именно и предъявила свои претензіи. Калужскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Ключаревъ получилъ предубѣжденіе противъ правильности преждевременнаго, по народному говору, предоставленія Медынскимъ уѣзднымъ судомъ

имѣнія Афремова упомянутымъ наслѣдникамъ. Онъ приказалъ уѣздному стряпчему собрать по дѣлу подробныя справки и, найдя представленныя наслѣдниками доказательства ихъ правъ недостаточными, предъявилъ искъ о признаніи означеннаго имѣнія выморочнымъ. 30 сентября 1840 года Ключаревъ просилъ, между прочимъ, гражданскую палату имѣніе Афремова изъ частнаго владѣнія отобрать, со всѣми доходами, и отдать въ опеку, а доходы хранить въ приказѣ общественнаго призрѣнія.

Калужская гражданская палата обратила находившееся въ ея разсмотрѣніи апелляціонное дѣло въ уѣздный судъ, предписавъ въ разсмотрѣніи доказательствъ стряпчаго Ключарева въ пользу казны и въ постановленіи вновь рѣшенія, не стѣсняясь прежнимъ, поступить по законамъ, давъ дѣлу дальнѣйшій ходъ установленнымъ порядкомъ, съ предоставленіемъ права апелляціи участвующимъ въ дѣлѣ частнымъ лицамъ. Медынскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ вновь доказательства, представленныя повѣреннымъ Арсеньевыхъ и Лермонтова, коллежскимъ ассесоромъ Мироновымъ, въ совокупности съ возраженіемъ губернскаго стряпчаго Ключарева, призналъ доказательства достаточными и 2-го октября 1841 года опредѣлилъ: оставивъ во владѣніи ихъ имѣніе покойнаго Афремова, наложить на оное запрещеніе, впредь до совершеннаго разрѣшенія иска въ пользу казны. Между тѣмъ, гражданская палата, не ожидая рѣшенія уѣзднаго суда, сдѣлала, въ августѣ 1841 года, суду предписаніе взять имѣніе Афремова въ вѣдѣніе опеки. Медынскій уѣздный судъ, рѣшивъ дѣло въ пользу довѣрителей Миронова, обратился въ гражданскую палату съ вопросомъ: надлежитъ-ли, въ виду означеннаго постановленія суда, передавать спорное имѣніе въ вѣдѣніе дворянской опеки?

Палата, однако, настояла на своемъ опредѣленіи объ опекѣ, съ тѣмъ, чтобы собираемые съ имѣнія доходы отсылались въ приказъ общественнаго призрѣнія, объяснивъ при томъ, что чрезъ таковое средство наслѣдники, если за ними будетъ имѣніе окончательно утверждено, ничего не потеряютъ и могутъ впослѣдствіи означенными доходами воспользоваться. На дѣйствія палаты и прокурорскаго надзора Арсеньевы подали въ январѣ 1842 года жалобу Правительствующему Сенату (по 7-му департаменту), а въ ноябрѣ обратились съ таковою же къ ревизовавшему въ то время Калужскую губернію сенатору, тайному совѣтнику Дмитрію Никитичу Бѣгичеву.

Въ жалобѣ своей послѣднему Арсеньевы указывали, что въ

тѣхъ губерніяхъ, гдѣ учреждено управленіе государственными имуществами, всѣ обязанности казенныхъ дѣлъ стряпчихъ по отношенію къ государственнымъ имуществамъ перешли къ стряпчимъ и окружнымъ начальникамъ означеннаго управленія; что губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій принялъ на себя обязанность и власть ему неприсвоенныя, при чемъ главнымъ основаніемъ къ опроверженію доказательствъ на право наслѣдства выставилъ то, что представленныя просителями двѣ родословныя были безъ надлежащихъ удостовѣреній присутственныхъ мѣстъ и въ одной изъ нихъ не показано племянницы Арсеньевыхъ Маріи Михайловой и сына ея Михаила Лермонтова, тогда какъ лица эти значатся по другой родословной.

Объяснивъ всѣ недостатки, по ихъ мнѣнію, въ производствѣ дѣла, Арсеньевы просили сенатора оградить ихъ въ правахъ неотъемлемой собственности, съ предоставленіемъ права распоряжать имѣніемъ, оставивъ оное только подъ запрещеніемъ крѣпостей и сдѣлокъ, впредь до окончанія дѣла.

Разсмотрѣвъ, вслѣдствіе такой жалобы, подлинное производство объ утвержденіи Арсеньевыхъ и Лермонтова въ правахъ наслѣдства къ имѣнію Афремова, Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ нашелъ, что „слѣдуетъ обратить вниманіе, что дѣло уже было въ разсмотрѣніи Калужской гражданской палаты и имѣніе находилось въ управленіи наслѣдниковъ по рѣшенію судебнаго мѣста, то какимъ образомъ могли дойти свѣдѣнія до губернскаго стряпчаго; былъ ли протестъ со стороны уѣзднаго стряпчаго, или онъ по какимъ-либо другимъ основаніямъ возбудилъ опять производство дѣла, которое уже взошло въ законную силу. Надобно справиться и сообразить съ закономъ, въ какихъ именно случаяхъ и по чьему распоряженію можетъ быть возобновлено дѣло, взошедшее уже въ законную силу, и имѣетъ ли право гражданская палата возвращать апелляціонное дѣло, не входя ни въ какое разсмотрѣніе. Почему прокуроръ сдѣлалъ заключеніе свое о возобновленіи дѣла, которое рѣшено безъ всякихъ отъ кого-либо жалобъ и протеста уѣзднаго стряпчаго, этого по дѣлу не видно“.

По отношенію къ выдачѣ стряпчему свидѣтельства на переносъ дѣла сенаторъ Бѣгичевъ высказалъ свое сомнѣніе. „Правильно ли это“?—говоритъ онъ—„И можно ли возстановлять апелляцію по прошествіи установленнаго срока.—Законы о правахъ владѣнія одинаковы какъ для казны, такъ и для частныхъ людей и ежели допустить безусловно и безъ соблюденія общихъ основныхъ правилъ объ апелляціи возобновлять

дѣла, вошедшія въ законную силу, въ такомъ случаѣ никто не можетъ быть покойнымъ владѣльцемъ своего имѣнія и всякій прокуроръ и стряпчій можетъ завесть въ процессъ и имѣніе подвергнуть разстройству, требуя, чтобъ оно до окончанія процесса было взято въ опекунское управленіе".

Указаніе просителей на принятіе губернскимъ стряпчимъ на себя обязанностей стряпчаго государственныхъ имуществъ признано Бѣгичевымъ въ данномъ случаѣ не существеннымъ. „Ежели",—говоритъ онъ,—„дѣло сіе разсматривать въ отношеніи къ правамъ апелляціи, то ни тотъ, ни другой стряпчій не могли возобновлять это дѣло по прошествіи апелляціоннаго срока". Ссылка стряпчаго на разницу въ представленныхъ просителями родословныхъ, какъ на основаніе къ опроверженію правъ Арсеньевыхъ на наслѣдство, была признана сенаторомъ неуважительною, такъ какъ отсутствіе въ одной изъ родословныхъ имени племянницы Арсеньевыхъ Маріи Михайловой и сына ея Михаила Лермонтова „есть дѣло постороннее между частными лицами и нисколько не можетъ служить основаніемъ къ отсужденію имѣнія въ казну". Видя изъ дѣла, что Арсеньевыми и Лермонтовымъ были представлены, кромѣ означенныхъ родословныхъ, ревизскія сказки, исповѣдныя свидѣтельства, купчія крѣпости, дарственныя записи, раздѣльные акты и справки вотчиннаго департамента, Дмитрій Никитичъ нашелъ, что „всего этого по точному смыслу закона о правахъ наслѣдства слишкомъ достаточно, по основанію ст. 156 т. 10 и правъ состоянія 9 тома". Стряпчій ссылался на то, что по закону при всякомъ опредѣленіи близости родства за доказательство пріемлются приходскія (метрическія) книги и, смотря по званію лицъ, коихъ родство отыскивается, — родословныя дворянскія книги, городовыя обывательскія книги, ревизскія сказки и прочіе акты состояній, вслѣдствіе чего признавалъ представленіе метрическихъ книгъ обязательнымъ. Сенаторъ же Бѣгичевъ выразилъ, что въ законѣ того, чтобы „метрическія книги были непремѣнно представляемы и основывать только на нихъ утвержденіе правъ наслѣдства, не только не сказано, напротивъ постановлено, смотря по званію лицъ, принимать другіе документы въ основаніе". Наконецъ, допущеніе стряпчаго къ подписанію неудовольствія на рѣшеніе уѣзднаго суда отъ 2 октября 1841 г. Д. Н. Бѣгичевъ призналъ явнымъ нарушеніемъ закона, потому что уничтожено было первое рѣшеніе суда и сдѣлано другое, противорѣчащее, а настояніе гражданской палаты о взятіи имѣнія въ опеку заставило его не мало

потрудиться для отысканія тѣхъ основаній, по которымъ палата „не разсмотрѣвъ дѣла въ существѣ его, постановила требовать, чтобы имѣніе было взято въ опеку".

Въ то время, какъ сенаторъ Бѣгичевъ собиралъ, для выясненія дѣла, справки, пришелъ указъ Сената о взятіи имѣнія Афремова въ опеку, вслѣдствіе чего Д. Н. 17 іюля 1843 г. предписалъ Елецкому земскому суду объ объявленіи Арсеньевымъ, что за послѣдовавшимъ рѣшеніемъ Сената онъ, Бѣгичевъ, не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій по поданной ими просьбѣ объ означенномъ предметѣ, а 3 сентября предложилъ Калужской палатѣ гражданскаго суда войти въ ближайшее разсмотрѣніе и постановить законное опредѣленіе о томъ: слѣдуетъ ли сложить запрещеніе съ имѣнія Арсеньевыхъ.

Вышеупоминаемый указъ Правительствующаго Сената явился результатомъ разсмотрѣнія дѣла объ имѣніи Афремова, по поданному Александромъ Васильевичемъ Арсеньевымъ прошенію.

Арсеньевъ 5 января 1842 г. жаловался Правительствующему Сенату, во 1-хъ, на Калужскую гражданскую палату въ томъ, что она допустила стряпчаго казенныхъ дѣлъ начать искъ чрезъ $1^1/_2$ года послѣ того, какъ онъ и другіе наслѣдники были введены во владѣніе имѣніемъ Афремова, и въ противность 253 ст. 2 т. Св. Учр. губ. возвратила дѣло въ уѣздный судъ безъ разсмотрѣнія; что палата, основываясь на одномъ представленіи губернскаго стряпчаго, предписала взять имѣніе Афремова въ опеку и симъ частнымъ заключеніемъ уничтожила рѣшеніе судебнаго мѣста, вошедшее въ отношеніи владѣнія имѣніемъ въ законную силу; что мѣра, придуманная палатою, ограничивая ихъ право, стѣсняетъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ и можетъ возродить въ крестьянахъ мысль отчужденія въ вѣдомство казны, отчего работы исполняются медленно и тѣмъ приносится ощутительный вредъ; во 2-хъ, на губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ, который дѣйствуетъ де изъ одного желанія стѣснять ихъ въ правѣ наслѣдства и въ противность закону,—почему просилъ дать дѣлу законное теченіе, устранивъ этого стряпчаго отъ ходатайства по оному, имѣніе же возвратить во владѣніе его и другихъ наслѣдниковъ.

Одновременно съ жалобою Арсеньева, въ Сенатъ были внесены рапортъ губернскаго правленія и протестъ на изложенное въ этомъ рапортѣ мнѣніе губернскаго прокурора. Губернское правленіе нашло, что не должно посылать къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ, для рукоприкладства, выписокъ

изъ дѣлъ, производящихся въ первой степени суда объ искахъ казны, потому что тяжбы о правѣ на недвижимыя имѣнія между казною и частными лицами производятся по общему порядку судопроизводства вотчинныхъ дѣлъ, а по этому порядку тяжущіеся являются по вызовамъ сами въ судъ и дѣлаютъ рукоприкладства къ выпискамъ; по дѣламъ же казны съ частными лицами въ судѣ первой степени ходатайствуютъ и выслушиваютъ рѣшенія уѣздные стряпчіе, а къ губернскому стряпчему обязанность эта отнесена тогда, когда дѣло перейдетъ въ судъ второй степени; по приведеніи же въ 1839 г. въ дѣйствіе учрежденія объ управленіи государственными имуществами, всѣ тѣ обязанности присвоены стряпчимъ палаты государственныхъ имуществъ и окружнымъ начальникамъ; слѣдовательно, отъ нихъ зависитъ, по степени производства дѣла, ходатайствовать и переводить дѣла узаконеннымъ порядкомъ, по инстанціямъ изъ одного въ другое судебное мѣсто, — почему, по мнѣнію губернскаго правленія, нельзя обвинять и подвергать взысканію Медынскій уѣздный судъ въ непредставленіи выписки изъ дѣла объ имѣніи Афремова, для рукоприкладства, къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ и въ необъявленіи ему рѣшенія апелляціоннымъ порядкомъ. Не считая, однако, себя въ правѣ оставить безъ удовлетворенія требованіе гражданской палаты, губернское правленіе представило о томъ Правительствующему Сенату, испрашивая разрѣшенія: къ кому должно относиться произведеніе иска и ходатайство на пріобрѣтеніе имѣнія въ казну по праву выморочному, къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ или къ стряпчему палаты государственныхъ имуществъ и окружному начальнику?

Въ протестѣ калужскаго губернскаго прокурора противъ изложеннаго заключенія было высказано: 1) что губернское правленіе, разсматривая поступокъ уѣзднаго суда, не должно было входить въ сужденіе дѣйствія равнаго мѣста, — палаты, обсудившей уже тѣ поступки; 2) что, при встрѣчѣ сомнѣнія, правленіе должно было обрататься къ 257 и 329 ст. 2 т., а не къ Правительствующему Сенату; 3) что палата государственныхъ имуществъ не можетъ ходатайствовать по этому дѣлу, ибо она защищаетъ имѣнія, уже вошедшія въ ея управленіе, настоящее же имѣніе еще не поступило въ казенное вѣдомство, а присвоивается въ частную собственность, и при томъ Афремовъ умеръ въ 1837 г., когда всѣ имѣнія защищались стряпчимъ казенныхъ дѣлъ; 4) что ходатайство по сему дѣлу предостав-

лено было стряпчему казенныхъ дѣлъ гражданскою палатою, въ чемъ уполномочило его и губернское правленіе 21 марта 1841 г.; 5) что дѣло это начато стряпчимъ казенныхъ дѣлъ, почему онъ и обязанъ, какъ истецъ, читать выписки и быть апелляторомъ, а не окружный начальникъ и не стряпчій государственныхъ имуществъ; 6) что стряпчій казенныхъ дѣлъ доводилъ до свѣдѣнія палаты государственныхъ имуществъ дѣйствія свои и возраженія не получалъ, и что, наконецъ, онъ, прокуроръ, самъ по жалобѣ штабсъ-капитана Арсеньева на него и стряпчаго казенныхъ дѣлъ не получилъ отъ министра запрещеніе дѣйствовать послѣднему по сему дѣлу.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, нашелъ: 1) что при тѣхъ притязаніяхъ, которыя объявлены на имѣніе Афремова со стороны казны губернскимъ стряпчимъ казенныхъ дѣлъ и палатою государственныхъ имуществъ и которыя не были въ виду уѣзднаго суда при первоначальномъ его рѣшеніи, гражданская палата, обративъ поступившее къ ней дѣло въ уѣздный судъ къ новому рѣшенію, поступила правильно и съ закономъ согласно; 2) что при такомъ казенномъ искѣ и состоявшемся въ уѣздномъ судѣ вторичномъ рѣшеніи въ пользу частныхъ лицъ, судъ обязанъ былъ въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла соблюсти въ точности установленный въ законѣ порядокъ; отступивъ же отъ того порядка и допустивъ медленность и даже противорѣчіе въ исполненіи предписанія палаты, уѣздный судъ подвергъ себя справедливому выговору; 3) что ходатайства о правахъ казны въ дѣлахъ и недвижимыхъ имуществахъ относятся къ обязанностямъ стряпчихъ палатъ государственныхъ имуществъ и окружныхъ начальниковъ, слѣдовательно, на ихъ отвѣтственности лежитъ и въ настоящемъ дѣлѣ защита казеннаго права, безъ участія въ томъ губернскаго стряпчаго казенныхъ дѣлъ; наконецъ, 4) что при слѣдственномъ ходѣ, который должно будетъ принять это дѣло, рѣшеніе судебнаго мѣста, подлежащее дальнѣйшей ревизіи, не можетъ быть приведено въ исполненіе, за силою 2166 ст. 10 т. св. зак. гражд., почему и имѣніе Афремова, хотя и присуждено уѣзднымъ судомъ частнымъ лицамъ, не можетъ быть имъ отдано впредь до совершеннаго окончанія сего дѣла, а должно находиться въ опекунскомъ управленіи, ибо права частныхъ лицъ на оное окончательно еще не утверждены. Вслѣдствіе сего Правительствующій Сенатъ полагалъ: Калужской гражданской палатѣ предписать,

чтобъ, по выполненіи Медынскимъ уѣзднымъ судомъ апелляціоннаго обряда, какъ въ отношеніи частныхъ лицъ, такъ и казны на вышеизложенномъ основаніи, дѣло это представлено было на ревизію въ палату, которая также въ производствѣ онаго и въ дальнѣйшемъ его ходѣ обязана будетъ поступить по правиламъ 2067 ст. 10 т. и 3 прим. къ ней въ продолженіи свода. Затѣмъ, утвердивъ распоряженіе гражданской палаты о взятіи имѣнія Афремова въ опекунское управленіе, — въ жалобѣ штабсъ-капитана Арсеньева отказать.

На такое заключеніе Правительствующаго Сената оберъ-прокуроръ Дмитріевъ подалъ свое мнѣніе. Признавая опредѣленіе Сената въ отношеніи порядка производства дѣла и предоставленія защиты казеннаго права стряпчему палаты государственныхъ имуществъ правильнымъ и съ законами согласнымъ, онъ, однако, полагалъ мѣру охраненія спорнаго имѣнія ограничить наложеніемъ на оное запрещенія впредь до окончательнаго рѣшенія, не подвергая его опекунскому управленію, какъ потому, что объявившіе на то имущество наслѣдственныя права подкрѣпляютъ ихъ родословными и справками вотчиннаго департамента, признанными судебнымъ мѣстомъ достаточными, такъ и по той причинѣ, что по вызовамъ чрезъ газеты въ теченіе 1/2 года, кромѣ объявившихъ свои права, никто не явился, а по закону (764 ст. 10 т.) по истеченіи сего срока на лицо находящіеся наслѣдники вступаютъ во владѣніе оставшимся наслѣдствомъ; что же касается до правъ казны, то они объявлены также по прошествіи того срока и впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла могутъ быть достаточно обезпечены наложеніемъ на то имѣніе запрещенія.

Министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ, усматривая, что въ означенномъ дѣлѣ заключается общій вопросъ, къ кому должно относиться произведеніе иска и ходатайство о принадлежности имѣнія въ казну, по праву выморочному, — къ губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ или къ стряпчему палаты государственныхъ имуществъ, призналъ нужнымъ опредѣленіе Сената препроводить на заключеніе министра государственныхъ имуществъ, а 11 декабря 1842 г. получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, что, по его мнѣнію, уѣздные и губернскіе казенныхъ дѣлъ стряпчіе, если по производящимся въ судебныхъ мѣстахъ дѣламъ усмотрятъ основанія къ заключенію о выморочности имѣнія, должны доводить о томъ до свѣдѣнія губернскаго прокурора, въ представляемыхъ ему по установленному порядку

вѣдомостяхъ, по соображеніи съ коими, стряпчіе государственныхъ имуществъ обязаны будутъ начать иски и имѣть въ защиту правъ казны надлежащее ходатайство.

Такое заключеніе министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева было передано гр. Панинымъ на разсмотрѣніе Сената, который, оставаясь при прежнемъ мнѣніи относительно порядка производства дѣла объ имѣніи Афремова и охраненія онаго, согласился, однако, съ министромъ государственныхъ имуществъ въ томъ, что возбужденіе ходатайствъ о правахъ казны по выморочнымъ имѣніямъ принадлежитъ къ обязанностямъ стряпчихъ палатъ государственныхъ имуществъ и окружныхъ начальниковъ. О состоявшемся постановленіи Сената Калужская гражданская палата была увѣдомлена указомъ 26 мая 1843 года.

Въ этомъ порядкѣ дѣло, по апелляціонной жалобѣ окружнаго начальника, поступило вновь въ Калужскую палату гражданскаго суда, гдѣ была составлена изъ онаго выписка и сдѣланъ вызовъ тяжущихся къ выслужанію ея и рукоприкладству, съ назначеніемъ на явку срока. Переданная губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему, выписка была возвращена безъ просмотра и рукоприкладства якобы по устраненію его означеннымъ выше рѣшеніемъ Сената отъ участія въ дѣлѣ. Когда же она поступила на тотъ же предметъ въ палату государственныхъ имуществъ, то и эта палата возвратила выписку, съ увѣдомленіемъ, что, за силою того же распоряженія, она поручить стряпчему государственныхъ имуществъ выслушать выписку и сдѣлать рукоприкладство не осмѣливается. Между тѣмъ, пока шла эта переписка, назначенный судебною палатою для выслушанія выписки срокъ истекъ.

Вмѣсто того, чтобы, по истеченіи срока, приступить къ рѣшенію дѣла, палата вошла, въ декабрѣ 1844 года, съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ и испрашивала разрѣшенія, кому изъ стряпчихъ слѣдуетъ выслушать выписку?

Въ маѣ 1845 года вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ 7 департаментомъ Сената, признавшимъ, что наблюденіе за этимъ дѣломъ должно принадлежать стряпчему палаты государственныхъ имуществъ.

Но въ то время, когда представленіе Калужской палаты гражданскаго суда находилось въ Сенатѣ еще не выслушаннымъ, а именно 26 апрѣля 1845 года, одинъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, штабсъ-капитанъ Александръ Васильевичъ Арсеньевъ, подалъ министру юстиціи просьбу объ ускореніи раз-

рѣшенія Сенатомъ упомянутаго вопроса, при чемъ въ просьбѣ этой, между прочимъ, говорилъ: „Въ самомъ началѣ сего дѣла и въ производствѣ онаго всѣ существующія, подлежащія къ дѣлу статьи закона не были исполнены въ буквальномъ ихъ смыслѣ, но вездѣ и во всякомъ случаѣ видно одно: лишить насъ непозволеннымъ образомъ имѣнія.

Имѣніе заложено бывшимъ владѣльцемъ его въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и, за неплатежъ слѣдующей ежегодно части капитала и процентовъ, подвергнуто было совѣтомъ продажѣ, но не продавалось только потому, что со стороны нашей были приняты къ тому надлежащія мѣры. Опекунъ же имѣнія, будучи обязанъ не допускать продажи, чрезъ представленіе доходныхъ денегъ, самъ прибылъ въ опекунскій совѣтъ въ день торговъ, для покупки того имѣнія. Къ тому жъ имѣніе разрушается въ составѣ господскаго строенія и не поддерживается. Оранжерея, чрезъ продажу деревьевъ, уничтожена безъ нашего согласія и даже свѣдѣнія. Хлѣбные амбары разрушились, и хлѣбъ хранится въ каретномъ сараѣ.

Что имѣніе принадлежитъ намъ, и никогда, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отсуждено отъ насъ, это укажетъ самое окончаніе дѣла; но какъ въ производствѣ этого дѣла допускается весьма разительная медленность, то для окончанія онаго, судя по тому, сколько оное уже продолжается, потребны еще многіе годы, въ теченіе которыхъ, по теперешнему охраненію имѣнія, все господское строеніе разрушится, а можетъ быть и все имѣніе будетъ продано за неплатежъ въ опекунскій совѣтъ и частнымъ лицамъ долга. Слѣдовательно, мы, въ первомъ случаѣ, при возвращеніи имѣнія, должны будемъ принять развалины и на возведеніе строенія употребить многотысячную сумму, а въ послѣднемъ—должны лишиться и самаго имѣнія, потому только, что оно находится въ опекунскомъ управленіи, не имѣя даже въ виду, кѣмъ и когда мы можемъ быть удовлетворены въ потерѣ нашей. Вотъ причины, побудившія меня,—говоритъ Арсеньевъ,—обратиться къ вашему сіятельству. Взгляните на это дѣло съ какой вамъ угодно стороны, справедливы ли дѣйствія моихъ противниковъ? На чемъ основываясь, они оспариваютъ имѣніе у насъ? Вы увидите рѣзкое стѣсненіе намъ и неисполненіе законовъ. Тогда какъ наши мудрые монархи изданіемъ ихъ стараются доставить благоденствіе своимъ подданнымъ. Ваше сіятельство! вы одинъ изъ главныхъ блюстителей исполненія законовъ и дабы никто не стѣснялся судебнымъ процессомъ, подобно тому какъ мы, а по

тому я осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ обратить на это дѣло особенное вниманіе ваше и, устранивъ всякаго рода медленность, доставить окончаніе дѣлу въ кратчайшее время и тѣмъ не лишить насъ того, что принадлежитъ намъ по закону".

Результатамъ просьбы было предписаніе и. д. калужскаго губернскаго прокурора „наблюсти въ гражданской палатѣ, дабы, по полученіи указа Правительствующаго Сената, въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла не было допущено ни малѣйшей медленности".

Результатъ спора Арсеньевыхъ съ казною изъ-за имѣнія Афремова намъ неизвѣстенъ.

Небезъинтересными, между прочимъ, являются нѣкоторыя бумаги, входящія въ составъ описаннаго дѣла. Такъ, напримѣръ, донесеніе калужскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго Ключарева прокурору отъ 11 апрѣля 1841 г., въ которомъ онъ противъ прошенія А. В. Арсеньева говоритъ: „чтобы показать всю затѣянность въ дѣлѣ Арсеньева и Миронова, столько увлекшихся неумѣренными выраженіями на справедливое пріобрѣтеніе казнѣ по праву выморочному имѣнія, которое будто бы Арсеньевъ получилъ по правамъ законовъ, смѣло принимаю на себя обязанность уличить его въ явномъ обманѣ. Это доказывается тѣмъ: 1) что на наслѣдство послѣ Афремова объявили права не одни Арсеньевы и Лермонтовъ, но еще маіоръ Николай Петровъ Афремовъ, который, не прося отдать ему имѣнія вотчинника, обѣщался представить доказательства, однако таковыхъ не представилъ; впрочемъ, на основаніи 10 т. Св. зак. 767 ст., имѣетъ десятилѣтній срокъ. Арсеньевы же, подобно однофамильцу Афремову, не представивъ никакихъ доказательствъ о родствѣ своемъ съ покойнымъ вотчинникомъ, просили отдать имъ имѣніе его и получили. Это, по мнѣнію г. Арсеньева, Медынскій уѣздный судъ поступилъ законно. 2) г. Арсеньевъ пишетъ, что дѣло его священно по совѣсти и закону; но изъ обстоятельствъ того дѣла ясно видно, что онъ получилъ съ прочими наслѣдниками имѣніе Афремова безъ представленія доказательствъ, тогда какъ непремѣнно былъ обязанъ предварительно доказать близость родства метрическими свидѣтельствами и дворянскими родословными книгами. Изъ сего рождается вопросъ: развѣ преслушаніе законовъ есть дѣло священное? 3) Не вмѣшался я въ дѣло о имѣніи Афремова, какъ выразился г. Арсеньевъ въ извѣтѣ своемъ, а началъ искъ въ пользу казны на основаніи 727 ст. 10 тома, по непредставленію Арсеньевыми и Лермонтовымъ о родствѣ съ вотчинникомъ Афремовымъ доказательствъ, которыя должны

быть тѣмъ болѣе пояснены, что они ведутъ родство свое въ боковой линіи по женскому колѣну. 4) О пріобрѣтеніи въ казну имѣнія Афремова по праву выморочному я знакомымъ моимъ не разсказывалъ, равно и повѣренному Арсеньева Миронову; но, дабы напрасно не войти въ производство иска, любопытствовалъ у судьи Медынскаго уѣзднаго суда относительно справедливости отдачи онымъ судомъ имѣнія, но былъ обманутъ его увѣреніемъ; и этотъ разговоръ, вѣроятно, былъ переданъ судьею совѣтнику губернскаго правленія Миронову, по короткому ихъ знакомству. 5) Арсеньевъ выказываетъ повѣреннаго своего хорошо и десятки лѣтъ извѣстнымъ въ безпристрастіи.

Напротивъ, по дѣламъ, производимымъ въ Орловской уголовной палатѣ, по бытности Миронова елецкимъ уѣзднымъ стряпчимъ, онъ извѣстенъ съ другой стороны; да и жители Калужской губерніи знаютъ качество сего чиновника, а особенно по иску купеческой вдовы Натальи Макаровой, производящемуся въ Калужскомъ уѣздномъ судѣ, о заложенномъ ему, Миронову, за 3 т. руб. жемчугѣ, цѣнимомъ ею въ 12 т. руб., означеннымъ судомъ, согласно опредѣленію его, Мироновъ требуется въ оный для говоренія суда по формѣ, но оказываетъ уклоненіе отъ явки на судъ. Для убѣжденія же въ истинѣ сказаннаго, можетъ служить настоящее дѣло еще сильнѣйшимъ доказательствомъ: a) совѣтникъ губернскаго правленія Мироновъ купилъ у Арсеньевыхъ и Лермонтова такое имѣніе, которое, по праву выморочному, можетъ поступить въ казну; b) сдѣлался повѣреннымъ въ такомъ дѣлѣ, которое производится въ мѣстѣ его служенія; c) учинилъ противозаконную сдѣлку съ опекуномъ Вельяшевымъ, который изобличался, вмѣстѣ съ засѣдателемъ Медынскаго уѣзднаго суда Дурновымъ, въ злоупотребленіяхъ по имѣнію Афремова; о чемъ, по замѣченнымъ Калужскою гражданскою палатою противозаконнымъ дѣйствіямъ, вслѣдствіе требованія ея губернскимъ правленіемъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій г. гражданскаго губернатора Тобіасъ для изслѣдованія оныхъ, не сдѣлано ли что имъ,—мнѣ неизвѣстно; d) далѣе, Мироновъ получилъ отъ него же, опекуна, положенный Правительствующимъ Сенатомъ на покойнаго Афремова штрафъ, слѣдующій въ казну, и онаго до сего времени не внесъ. Развѣ все сіе означаетъ безпристрастіе Миронова. 6) Арсеньевъ поставляетъ въ обвиненіе мнѣ то, что начинать иски о выморочныхъ имѣніяхъ есть дѣло стряпчаго палаты государственныхъ имуществъ; но это обвиненіе неумѣстно потому, что казенныхъ дѣлъ стряпчій не устраненъ отъ

участія въ дѣлахъ казны; напротивъ, обязанность его состоитъ въ защищеніи правъ казны, сколько по должности, столько по вѣрноподданнической присягѣ. Притомъ Арсеньевъ считаетъ себя въ семъ дѣлѣ совершенно правымъ, то отчего же онъ убѣгаетъ ходатайства моего по сему дѣлу и представленія узаконенныхъ доказательствъ,—чрезъ что, само собою разумѣется, разрѣшилось бы всякое сомнѣніе, а безъ представленія оныхъ имѣнія получить не возможно, поелику оное будетъ слѣдовать, по праву выморочному, въ казну. Какія же Арсеньевъ представилъ доказательства, имѣющія силу 156 ст. 10 тома, я отъ гражданской палаты свѣдѣнія не имѣю, но безошибочно могу заключить, что если бы оныя были представлены въ палату, то какое было бы основаніе со стороны оной исполнить мое требованіе и предоставить опредѣленіемъ своимъ означенному дѣлу ходъ, установленный между частными людьми и казною.

Впрочемъ, справедливо кажется то только, что безпристрастный Мироновъ написалъ Арсеньеву, — почто имъ пропущенъ въ родословной внукъ Лермонтовъ, это обстоятельство, по его мнѣнію, не рождаетъ никакого сомнѣнія въ настоящемъ дѣлѣ и не давало мнѣ права заключать, что имѣніе можетъ быть выморочное, и поэтому не слѣдовало мнѣ начинать иска. Каково сужденіе его въ отношеніи къ своему интересу! И по всей справедливости долженъ теперь согласиться, что при исполненіи моемъ строго воли законовъ, ему, дѣйствительно, нуженъ по дѣлу сему такой назидатель, который бы волю и мнѣніе его считалъ священными, какъ и самую волю законовъ, да способствовалъ Миронову дѣлать подобнаго рода неблаговидныя спекуляціи. 7) Настоящее прошеніе есть произведеніе одного и того же повѣреннаго Миронова; истина сего доказывается тѣмъ: а) что прошеніе его сіятельству (министру юстиціи гр. Панину) переписывалъ служащій въ Калужскомъ губернскомъ правленіи губернскій регистраторъ Алексѣй Михайловъ сынъ Рыковъ, тотъ самый, который переписывалъ вашему высокоблагородію (прокурору) отъ повѣреннаго Миронова два прошенія по сему же дѣлу. Извольте сообразить духъ тѣхъ прошеній съ поданнымъ на имя его сіятельства и вы, вѣрно, найдете одинъ и тотъ же, б) что отношеніе мое Калужской палатѣ государственныхъ имуществъ, пущенное отъ 22-го января сего года за № 19, которымъ я отзывался ей представлять доказательства мои въ семъ дѣлѣ, по тому уваженію, что оныя обязаны представить Арсеньевы и Лермонтовъ, а мое дѣло есть

повѣрить оныя, сдѣлалось уже извѣстнымъ такъ скоро г. Арсеньеву, живущему Орловской губерніи въ Елецкомъ уѣздѣ, и что онъ въ поданномъ къ его сіятельству прошеніи успѣлъ все помѣстить и прошеніе сіе 19-го февраля получено уже въ С.-Петербургѣ. Какимъ образомъ могъ Арсеньевъ собрать всѣ эти свѣдѣнія въ короткое время, не имѣя для сего особаго сотрудника, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ ни кто иной, какъ повѣренный его совѣтникъ губернскаго правленія Мироновъ; но какъ и сей послѣдній могъ получить означенное свѣдѣніе? Я остаюсь въ семъ случаѣ въ молчаніи. Одно лишь скажу, что ему палатою государственныхъ имуществъ, какъ извѣстно мнѣ, въ списаніи копій съ моихъ отношеній было отказано формально. 8) Личностей я съ Мироновымъ никакихъ не имѣлъ, и если знаю его, то какъ чиновника по службѣ, но отъ связей знакомства моего съ нимъ всегда былъ далекъ; слѣдовательно, какимъ образомъ могла возродиться во мнѣ мысль, столь чуждая каждаго благонамѣреннаго человѣка, къ мщенію за то только, что Мироновъ сдѣлался повѣреннымъ штабсъ-капитана Арсеньева и что онъ съ братьями продалъ ему имѣніе? Здѣсь нѣтъ никакого повода съ моей стороны къ принятію столь гнусныхъ мѣръ, совершенно чуждыхъ по характеру моему; но что Мироновъ, встрѣтивши въ предпринятой имъ операціи относительно покупки имѣнія Афремова препятствіе и что мною уже открыты всѣ противозаконныя его спекуляціи, правдоподобнѣе имѣлъ причину питать ко мнѣ злобу и собственно, смѣю уже сказать, изъ мщенія составилъ изъ ложныхъ заключеній для г-на Арсеньева прошеніе, оставаясь въ ложномъ убѣжденіи, что онъ можетъ поселить въ начальствѣ моемъ невыгодное обо мнѣ мнѣніе; приписавъ наконецъ высшей степени оскорбленія для гг. Арсеньевыхъ изъявленное мною на судью Медынскаго уѣзднаго суда г. Дурново и секретаря Чернышева подозрѣніе; но это обстоятельство основано было на извѣстности мнѣ короткаго знакомства оныхъ лицъ съ Мироновымъ, по случаю состоянія у него въ томъ же уѣздѣ имѣнія, а не менѣе того и на преждевременной отдачѣ ими Арсеньевымъ и Лермонтову имѣнія Афремова, безъ доказательствъ, положенныхъ 156 ст. 10 т. Свода Гражд. законовъ; какія же полагаетъ г. Арсеньевъ употребленныя мною фразы обидными для него и повѣреннаго Миронова, того въ просьбѣ своей его сіятельству не объяснилъ; съ моей же стороны вся переписка заключалась въ томъ: а) что имѣніе Афремова отдано Арсеньевымъ и Лермонтову безъ представленія законныхъ

доказательствъ. Это есть сущая справедливость! б) что имѣніе сіе слѣдуетъ по-прежнему подвергнуть вѣдомству дворянской опеки. Это необходимо! в) что оно до представленія положенныхъ вышеозначенною статьею доказательствъ есть выморочное, по разуму 727 ст. того же тома. Это неспоримо и д) что Мироновъ обязанъ внести въ казну штрафныя деньги, полученныя имъ отъ опекуна Вельяшева. Въ этомъ всякій долженъ быть увѣренъ, безъ убѣжденія моего! Что же въ сей перепискѣ есть обиднаго? я понять не могу. 9) Я не придумывалъ начать искъ въ семъ дѣлѣ, но былъ къ этому обязанъ моею должностью,—для чего же бы иначе казна имѣла своего стряпчаго, какъ не для соблюденія правъ и пользы ея? Но г-нъ Арсеньевъ выразился, будто бы я, чрезъ начатіе иска по сему дѣлу, вышелъ изъ предѣловъ моей обязанности, власти и даже удалился отъ исполненія силы закона. Это сказано имъ весьма много! Я, по мнѣнію повѣреннаго Миронова, въ продолженіе всѣхъ моихъ дѣйствій нарушилъ одну только форму, что вмѣсто иска, предъявилъ чрезъ уѣзднаго стряпчаго мое неудовольствіе на послѣдовавшее уже неправильное рѣшеніе Медынскаго уѣзднаго суда по означенному дѣлу, а по отказу того суда я не медля обратился съ жалобою въ Калужскую палату гражданскаго суда на невыдачу мнѣ уѣзднымъ судомъ свидѣтельства на право апелляціи, равно какъ съ предъявленіемъ претензіи о обращеніи того имѣнія въ казну по праву выморочному и взятіи онаго въ завѣдываніе опеки. Не тотъ ли же самый ходъ, если бы я обратился въ вышеозначенный судъ съ своимъ искомъ,—ибо доказательство съ моей стороны одно и то же, что имѣніе Афремова преждевременно отдано Арсеньевымъ, безъ предъявленія законныхъ правъ на пріобрѣтеніе сего наслѣдства. Слѣдовательно, какое я сдѣлалъ отступленіе отъ порядка законнаго и чѣмъ стѣснилъ права собственности ихъ? Онъ получилъ имѣніе Афремова съ наслѣдниками по однѣмъ разнорѣчивымъ родословнымъ, самимъ имъ съ прочими подписаннымъ, а между тѣмъ безъ всякаго основанія присвоили себѣ право оскорблять честь людей, обязанныхъ по должности своей имѣть наблюденіе за подобными дѣлами; и почему именно участіе мое въ настоящемъ дѣлѣ кажется имъ излишнимъ,—не понимаю! По мнѣнію моему, для праваго со стороны казны ходатайства все равно, чье бы оно ни было, ибо его ограждаетъ законъ. Если же повѣренный г-на Арсеньева, совѣтникъ губернскаго правленія Мироновъ, остается въ томъ убѣжденіи, что открывать иски для пользъ казны не входитъ въ составъ

должности губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, то противу сего остается сказать одно только, что защищать права казны входитъ въ составъ обязанностей всякаго вѣрноподданнаго, а затмевать въ подобныхъ случаяхъ истину, какъ позволилъ себѣ г. Мироновъ, занимающій столь значительную въ общемъ губернскомъ управленіи должность, есть дѣло, по мнѣнію моему, противное и долгу и совѣсти".

Въ рапортѣ министру юстиціи гр. Панину, отъ 18-го мая 1841 года № 98, калужскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Ключаревъ, указывая, что имъ получена копія съ договора Миронова съ Арсеньевымъ и Лермонтовымъ о продажѣ послѣдними первому имѣнія, и представляя эту копію въ министерство, говорилъ: „рѣшеніе Медынскаго уѣзднаго суда, по которому отдано Арсеньевымъ и Лермонтову то имѣніе, состоялось 15-го марта 1839 года, а 3-го августа они продали его Миронову, тогда какъ рѣшеніе не пришло еще въ законную силу и повѣренный ихъ Мироновъ изъявилъ на оное неудовольствіе и подалъ въ Калужскую палату гражданскаго суда апелляціонную жалобу; съ сего договора 4% пошлинъ не взято, но покупщикъ Мироновъ, въ качествѣ повѣреннаго, доселѣ управляетъ тѣмъ имѣніемъ полновластно и безотчетно, несмотря на требованіе мое отъ гражданской палаты и мѣстнаго уѣзднаго суда о взятіи того имѣнія, по-прежнему, въ вѣдѣніе дворянской опеки; Мироновъ обязался заплатить лежащіе на имѣніи долги, и нѣкоторые уже перевелъ на свое имя, а другіе, какъ равно и казенное взысканіе, донынѣ не заплатилъ, чѣмъ самымъ обременяетъ имѣніе накопленіемъ процентовъ, а мѣстный уѣздный судъ и Калужское губернское правленіе, производя переписку, не принимаютъ рѣшительныхъ мѣръ къ удержанію Миронова отъ злоупотребленій во вредъ казны".

Приводимъ текстъ договора, записаннаго въ крѣпостную книгу подъ № 89-мъ.

„1839 г. августа 3 дня. Генералъ-маіоръ Никита, статскій совѣтникъ Василій, подполковникъ Григорій, маіоръ Николай, штабсъ-капитанъ Александръ Васильевъ дѣти Арсеньевы, Смоленскаго уланскаго полка юнкеръ Николай Дмитріевъ Арсеньевъ, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ Михайла Юрьевъ сынъ Лермонтовъ заключили сей договоръ съ коллежскимъ ассесоромъ Владиміромъ Ефимовымъ сыномъ Мироновымъ, въ томъ, что мы доставшееся намъ по праву наслѣдства отъ умершаго гвардіи поручика Василія Ларіонова сына Афремова, Калужской губерніи, Медынскаго уѣзда, село Дерново,

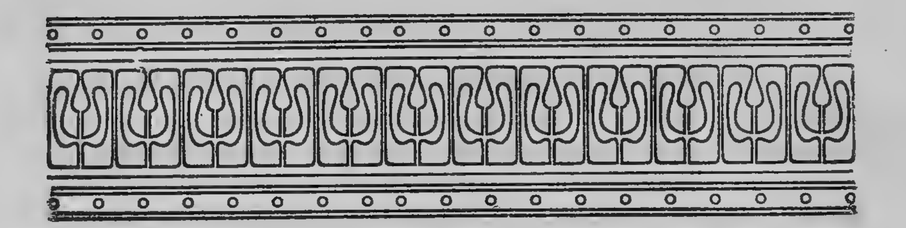
заключающееся изъ дворовыхъ людей и крестьянъ 168 душъ, со всею къ онымъ землею по крѣпостнымъ актамъ и по генеральному размежеванію всѣми угодьями, какъ-то: лѣсомъ, прудомъ, рѣкою, мельницею, господскимъ и крестьянскимъ строеніемъ—и сихъ послѣднихъ всякаго рода имуществомъ, господствомъ, господскою усадьбою и садами, и всѣмъ тѣмъ движимымъ имѣніемъ, какое осталось по немъ, со всѣми исками въ пользу умершаго Афремова, а по немъ намъ, и съ тѣми исками, какіе оказаться могутъ на опекунѣ, управлявшемъ тѣмъ имѣніемъ, унтеръ-офицерѣ Николаѣ Петровѣ Вельяшевѣ, продали ему, г. Миронову, за 84.000 ассигнаціями, съ переводомъ долга московскому опекунскому совѣту, какой окажется по настоящее число, и съ платежемъ извѣстныхъ намъ долговъ покойнаго Афремова, а именно: артиллеріи прапорщицѣ Елисаветѣ Рыбниковой, по заемному письму 9 декабря 1882 года. 2.000 рублей, ротмистру Василію Дурнову 5 августа 1827 г, 2.500 рублей, фейерверкершамъ 3 класса Аннѣ Ягуновой, 1 февраля 1836 г., 5.000 руб., штабсъ-капитаншѣ Аннѣ Козловой, 19 апрѣля 1835 г., 2.126 руб. 3 коп., калужскому купцу Дмитрію Посанцеву по счету 216 руб. 80 коп. ассигнаціями, если на оные нѣтъ законныхъ опроверженій къ платежу, а затѣмъ остальныя деньги заплатить ему, Миронову, намъ, Арсеньевымъ и Лермонтову, при написаніи сего условія 10.000 руб. ассигнаціями, и потомъ, за уплатою или переводомъ долговъ опекунскому совѣту и частнымъ лицамъ, по расчету при совершеніи купчей. Я же, Мироновъ, соглашаясь на сіе, предоставляю себѣ право заплатить по расчету долги опекунскому совѣту и частнымъ лицамъ, остальную сумму господамъ Арсеньевымъ и Лермонтову. Но прежде совершенія купчей, по утвержденіи сего условія явкою въ надлежащемъ мѣстѣ, обязуемся мы, Арсеньевы, Лермонтовъ и Мироновъ, просить опекунскій совѣтъ о согласіи на совершеніе купчей въ непродолжительномъ времени, и затѣмъ условіе сіе хранить во всякомъ случаѣ свято и ненарушимо и нигдѣ объ уничтоженіи онаго не просить; въ противномъ же случаѣ, кто если начнетъ изъ насъ, Арсеньевыхъ и Лермонтова, или наслѣдниковъ нашихъ о семъ дѣло, или г. Мироновъ и по немъ наслѣдники его, то тотъ обязанъ заплатить неустойку 50.000 руб. ассигн., и затѣмъ условію сему имѣть опредѣленную силу. Подлинное условіе должно быть изъ насъ у Миронова, а копія у Арсеньева и Лермонтова. Къ сему условію штабсъ-капитанъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Арсеньевъ за себя и по довѣренностямъ ге-

нералъ-маіора Никиты Арсеньева и корнета Лермонтова, явленнымъ въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ, статскаго совѣтника Василія, подполковника Григорія, маіора Никиты Васильевыхъ Арсеньевыхъ и племянника, Смоленскаго уланскаго полка юнкера Николая Арсеньева, явленнымъ въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ, руку приложилъ. Къ сему условію коллежскій ассесоръ Владиміръ Ефимовъ сынъ Мироновъ руку приложилъ. 1839 года августа 3 дня, Орловской губерніи въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ сіе условіе явлено и въ книгу подлинникомъ подъ № 89 записано. Пошлинъ съ акта 10 руб. взято. Засѣдатель дворянства Цѣлыковскій, секретарь Почтеновъ, губернскій регистраторъ Королевъ. Къ сей запискѣ штабсъ-капитанъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Арсеньевъ, за себя и по довѣренностямъ генералъ-маіора Никиты Арсеньева и корнета Лермонтова, явленнымъ въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ, статскаго совѣтника Василія, подполковника Григорія, маіора Николая Васильевыхъ Арсеньевыхъ и племянника, Смоленскаго Уланскаго полка юнкера Николая Арсеньева, явленнымъ въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ, руку приложилъ. Къ сей запискѣ коллежскій ассесоръ Владиміръ Ефимовъ Мироновъ руку приложилъ, а условіе къ себѣ получилъ того жъ числа.

Съ подлиннымъ вѣрно: секретарь Почтеновъ, повытчикъ Цѣлыковскій.

Н. А. Мурзановъ.

Изъ „Записокъ“ графа Ѳ. Г. Головкина.

Графъ Ангальтъ [1]).

Ангальтъ, гр. Фридрихъ, принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ Фридриха Великаго, который считалъ его первокласснымъ тактикомъ и котораго онъ уступилъ саксонскому двору, какъ человѣка, въ преданности котораго онъ былъ твердо увѣренъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію и былъ принятъ придворными, какъ богъ Марсъ. Онъ получилъ почти одновременно чинъ генералъ-поручика арміи и званіе генералъ-адъютанта Ея Величества и Андреевскую ленту.

Честь быть родственникомъ, хотя довольно отдаленнымъ, Императрицы Екатерины [2]) и репутація, которую онъ пріобрѣлъ, дѣлали совершенно естественнымъ такіе знаки милости.

Между тѣмъ, будучи совершенно незнакомъ съ русскими нравами, Ангальтъ желалъ сдѣлаться популярнымъ еще не научившись русскому языку, и сталъ смѣшнымъ еще раньше, чѣмъ пріобрѣлъ уваженіе. Его длительные разговоры и тяжеловѣсная любезность, мало свойственная русскимъ, давали гвар-

---

[1]) Графъ Фридрихъ (Ѳедоръ Евстафьевичъ) Ангальтъ, дальній родственникъ императрицы Екатерины II, урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской, род. 1732, умеръ 1794 г. Онъ пріобрѣлъ особую извѣстность, какъ директоръ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, своимъ гуманнымъ взглядомъ на воспитаніе и любовью къ дѣтямъ. Желчный и насмѣшливый, гр. Ѳ. Г. Головкинъ отмѣчаетъ въ „Запискахъ“ своихъ преимущественно отрицательныя свойства Ангальта. Въ исторіи шляхетнаго корпуса время управленія гр. Ангальта было золотымъ вѣкомъ.

[2]) Онъ былъ сынъ наслѣднаго принца Ангальтъ-Дессаускаго Вильгельма-Густава отъ морганатическаго брака съ дочерью пивовара Герре (Herre).

дейскимъ офицерамъ, которыхъ онъ во время своего дежурства при дворѣ приводилъ въ отчаяніе частыми обходами по прусскому образцу и наставленіями, поводъ выдумывать на его счетъ смѣшные анекдоты. Потемкинъ, который вообще покровительствовалъ иностранцамъ, за исключеніемъ военныхъ, потому что его собственныя военныя заслуги были ничтожны, подшучивалъ надъ нимъ до крайности, и даже Государыня, всегда поддерживавшая его, смѣялась отъ души, когда позволяли себѣ разсказывать при ней объ Ангальтѣ. Большое легкомысліе, а также необыкновенное самомнѣніе Ангальта совершенно унизили этого достойнаго человѣка, котораго смѣшная важность, тяжеловѣсная бесѣда и нѣмецкій акцентъ и безъ того лишали всякаго уваженія. Когда открылась война съ Швеціей, графъ Ангальтъ упорно отказывался служить подъ начальствомъ кого-либо. Онъ хотѣлъ получить санъ главнокомандующаго, который онъ, можетъ быть, и заслуживалъ. Несмотря на полученный отказъ, Ангальтъ не переставалъ просить объ этомъ назначеніи, и такъ какъ директоръ сухопутнаго кадетскаго корпуса, графъ де-Бальменъ отправлялся въ дѣйствующую армію, то и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы назначить Ангальта на его мѣсто. Однажды, когда Ангальтъ былъ дежурнымъ при Императрицѣ, онъ отправился осматривать корпусъ и потерялъ свою трость, бывшую принадлежностью генералъ-адъютантскаго званія и знакомъ власти почти неограниченной въ дворцовомъ обиходѣ. Всѣ поиски были тщетны; но спустя нѣкоторое время, трость эту принесъ лодочникъ, перевозившій графа черезъ Неву и нашедшій ее въ своей лодкѣ. Это событіе произвело при дворѣ больше шума, чѣмъ измѣна отечеству.

Добродушный генералъ былъ очень доволенъ возможностью царствовать въ своемъ заведеніи будущихъ героевъ, но выказалъ даже въ этомъ случаѣ такую мелочность и педантичность, что истинныя свойства его ума и сердца оставались незамѣтными для людей, мало его знавшихъ. Въ обществѣ появились его рѣчи къ ученикамъ, похожія скорѣе на проповѣди, чѣмъ на разговоры начальства съ учениками; появились отчеты о числѣ дверей и оконъ и даже въ училищѣ „говорящая стѣна“ или собраніе изреченій, которыя онъ писалъ на стѣнахъ корпуснаго сада. Должность президента экономическаго общества въ Петербургѣ, а также участіе въ занятіяхъ различныхъ академій, сдѣлали его общество совершенно невыносимымъ для тѣхъ, кто придаетъ болѣе значенія внѣшности, чѣмъ внутреннему достоинству человѣка. А такъ какъ такіе люди состав-

ляютъ, къ несчастію, девять десятыхъ всего общества, то этотъ честный человѣкъ, со здравымъ умомъ и неутомимымъ трудолюбіемъ, сдѣлался посмѣшищемъ для высшаго общества и бичемъ для своихъ подчиненныхъ. Слова: „смѣшенъ, какъ графъ Ангальтъ“ стали поговоркой.

Дѣйствительно, онъ иногда съ самымъ скромнымъ видомъ говорилъ двусмысленныя вещи. Графъ Иванъ Салтыковъ, получивъ командованіе арміей въ Лифляндіи, часто повторялъ безъ всякаго повода: „Я порядкомъ поколочу пруссаковъ“. Однажды, когда онъ произнесъ это оригинальное изреченіе, графъ Ангальтъ закричалъ ему въ присутствіи двора: „Ахъ, генералъ другіе великіе люди выражались не такъ: принцъ Евгеній сказалъ о французскихъ генералахъ: „если это Вилльруа, то я его побью, если Вандомъ, то мы поборемся, если Катина, то я самъ буду разбитъ“.

Другой разъ, когда онъ разговаривалъ послѣ обѣдни съ г. Эстергази объ Императрицѣ, оберъ-шенкъ Нарышкинъ прервалъ ихъ разговоръ шуткой: „Знаете ли, что я началъ свою карьеру лейтенантомъ корабля?“ „Ахъ, сударь, изъ-за этого не стоило прерывать насъ. Вы сдѣлали, какъ всѣ: вы начали съ воды, а кончили грязью“.

Послѣ французской революціи, французскіе дворяне искали себѣ мѣста въ Россіи, но то, что было легко до казни короля, сдѣлалось затруднительнымъ послѣ этого событія. Одинъ 17-лѣтній молодой человѣкъ, ученикъ военной школы, виконтъ де-Ламотъ-Барасе написалъ изъ Альтоны трогательное письмо графу Ангальту, въ которомъ называлъ его благодѣтелемъ молодежи и съ восхищеніемъ вспоминалъ о „говорящей стѣнѣ“. Задѣтый за слабую струнку, графъ собралъ всѣхъ кадетъ, прочиталъ имъ, рыдая, письмо и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не былъ, посланъ приказъ о принятіи де-Ламота на первый же пароходъ отправлявшійся изъ Гамбурга къ берегамъ Невы.

Графъ Ангальтъ умеръ на своемъ посту въ 1794 году все такимъ же смѣшнымъ, но уважаемымъ человѣкомъ.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ [1]).

Высочайше утвержденнымъ уставомъ 1833 года на русскій языкъ въ гимназіяхъ Царства Польскаго назначено было въ филологическомъ отдѣленіи 24 полутора-часовыхъ урока, т. е. 36 часовъ, а въ техническомъ 21 урокъ, т. е. 31 часъ въ недѣлю; почти такое же число уроковъ назначено было и на польскій языкъ. По уставу 1840 года число уроковъ русскаго языка сокращено было до 33 часовъ въ недѣлю. Такимъ образомъ, съ самаго начала реформъ въ Царствѣ Польскомъ русскому языку было придано значеніе, какъ языку государственному. Подъ вліяніемъ печальныхъ событій 1861—1863 годовъ въ Царствѣ Польскомъ, по инціативѣ графа Велепольскаго былъ выработанъ Высочайше утвержденный 8-го мая 1862 года уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ. По уставу 1862 года въ гимназіяхъ вмѣсто двухъ учителей русскаго языка назначенъ одинъ; число уроковъ этого предмета сокращено съ 33 па 14; всѣ уроки русскаго языка отнесены на послѣобѣденное время; преподаваніе славянскаго языка отмѣнено; въ I и II классѣ преподаваніе русскаго языка узаконено на польскомъ языкѣ.

Въ 187³/₄ учебномъ году къ классическимъ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа примѣненъ Высочайше утвержденный 30 іюля 1871 года уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и съ этого времени началось преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ на основаніи новаго устава, коимъ по числу уроковъ польскій языкъ былъ поставленъ въ то же положеніе, въ какое уставомъ 1862 года былъ поставленъ русскій языкъ.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, сентябрь 1914 г.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія въ 28 день февраля 1882 года число уроковъ польскаго языка въ гимназіяхъ увеличено до 19 часовъ въ недѣлю; но поляки, конечно, не были довольны такимъ увеличеніемъ и постановкою преподаванія польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа; не былъ доволенъ и варшавскій генералъ губернаторъ Гурко, и на этой почвѣ между нимъ и попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтинымъ возникли пререканія, сущность которыхъ сдѣлалась извѣстной полякамъ, послѣ того, какъ въ Варшавѣ были распространены копіи изъ Высочайшаго отчета Гурко за 1890 годъ, кѣмъ-то выкраденнаго и отпечатаннаго въ Лондонѣ. Свѣдѣнія объ этомъ разногласіи между генералъ губернаторомъ и попечителемъ округа были опубликованы также въ „Очеркахъ Привислинья“. Преемники Гурко и Апухтина генералъ-губернаторъ князь Имеретинскій и попечитель Лисинъ были сторонники расширенія правъ поляковъ, поэтому первымъ дѣломъ обоихъ было ходатайство о болѣе удовлетворительной постановкѣ преподаванія польскаго языка, и Высочайшимъ повелѣніемъ въ 22 день февраля 1899 года преподаваніе польскаго языка было уравнено съ иностранными языками, именно разрѣшено преподавателямъ польскаго языка объясняться съ учениками по-польски въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо по соображенію съ интересами преподаванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ попечителемъ приняты мѣры къ расширенію программы преподаванія польскаго языка и литературы: попечителемъ предложено было педагогическимъ совѣтомъ гимназій выработать программу польскаго языка и литературы и составить списки литературныхъ произведеній для класснаго чтенія, разбора и заучиванія наизусть. Подъ руководствомъ директора, въ Радомской гимназіи работала комиссія, составлявшая программу польской литературы. Я самъ видѣлъ, какую трудность представляла выработка подобной программы. Польская литература второй половины восемнадцатаго вѣка и девятнадцатаго вѣка въ столь значительной степени проникнута тенденціозностью, глубокимъ польскимъ патріотизмомъ, а часто прямою ненавистью къ Россіи и ко всему русскому, что выборъ поэтическихъ произведеній, удовлетворяющихъ художественнымъ требованіямъ и чуждыхъ узкой тенденціозности, представлялъ громадныя затрудненія. Въ Варшавѣ же, въ комитетѣ, образованномъ попечителемъ—при учебномъ округѣ и состоявшемъ изъ преподавателей польскаго языка въ Варшавскихъ учебныхъ

заведеніяхъ окончательныя выработка програмы сопровождалась страстными спорами и горячностію дебатовъ нѣкоторыхъ членовъ комитета, при чемъ споры отличались не только страстностію, но и рѣзкостью сужденій, такъ какъ поляки въ это время находились въ возбужденномъ состояніи и были окрылены надеждами и упованіями, тѣмъ болѣе, что обсужденіе программъ совпало съ временемъ открытія въ Варшавѣ памятника великому польскому національному поэту Мицкевичу, который до этого времени, въ значительной части своихъ поэтическихъ произведеній и по многимъ фактамъ своей эмигрантской жизни, находился подъ запретомъ.

Открытіе памятника Мицкевичу въ Варшавѣ, 11 декабря 1899 года, воодушевляло поляковъ въ такой степени, что, кажется, варшавская администрація имѣла основаніе раскаяваться въ томъ, что разрѣшила постановку памятника Мицкевичу. Въ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, сильно опасались безпорядковъ въ день открытія памятника, поэтому программа торжества была сужена до крайности и были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожностей, благодаря которымъ, можетъ быть, и не было особыхъ инцидентовъ при открытіи памятника. За нѣсколько дней до открытія памятника были весьма осторожно разносимы по домамъ и квартирамъ и совались въ двери и въ ящики у дверей прокламаціи, съ приглашеніемъ собраться во время открытія памятника, на углу улицы Сольцы и Іерусалимской аллеи. Но изъ этого приглашенія ничего не вышло, ибо полиціей были приняты мѣры. Громадная толпа студентовъ, душъ 500 — 600, медленно надвигавшаяся по Новому Свѣту, по направленію къ памятнику, съ цѣлію очевидно произвести демонстрацію, была во-время разсѣяна полиціей. Видимо предполагалось собрать депутатовъ отъ Варшавскихъ и провинціальныхъ учебныхъ заведеній, благо открытіе памятника совпало съ началомъ рождественскихъ каникулъ въ учебныхъ заведеніяхъ. У учениковъ Радомской гимназіи въ это время обнаружилось сильное желаніе, по важнымъ и неотложнымъ обстоятельствамъ, ѣхать въ Варшаву, какъ разъ ко дню открытія памятника Мицкевичу; но такъ какъ предписано было не отпускать въ Варшаву учениковъ безъ уважительной причины и безъ сопровожденія ихъ родителями, то разрѣшенія на поѣздку не давались; но, несмотря на это, два ученика, изъ коихъ одинъ еврей, побывали въ Варшавѣ въ качествѣ депутатовъ, что въ виду близости разстоянія между Варшавой и Радомомъ было легко осуществить. Стремленіе поляковъ имѣть,

при открытіи памятника Мицкевичу, представителей отъ Радома, тѣмъ болѣе понятно, что въ дѣлѣ возбужденія вопроса о постановкѣ этого памятника Радомъ игралъ выдающуюся роль. „Gazeta Radomska" первая возбудила вопросъ о постановкѣ памятника національному польскому поэту Мицкевичу; эта же газета смѣло, но неудачно подняла вопросъ о реставраціи находящагося въ Радомской губерніи памятника Костюшко. Въ день открытія памятника Мицкевичу полиціи въ Варшавѣ было чрезвычайно много; по дворамъ домовъ, на улицахъ Трембацкой, Краковскому предмѣстью и другимъ, были размѣщены казацкія сотни; за день до открытія памятника, въ самый день открытія и послѣдующіе два—три дня съ утра до глубокой ночи гуляли по Варшавѣ военные отряды. Самое открытіе памятника послѣдовало ровно въ 10 часовъ утра и ограничилось религіознымъ торжествомъ освященія памятника и возложеніемъ вѣнковъ у подножія его. Ни пѣнія, ни рѣчей не было. Сенкевичъ хотѣлъ было сказать рѣчь; цензура заставляла его четыре раза передѣлывать рѣчь, и въ результатѣ власти все-таки не дали разрѣшенія на произнесеніе ея. Оваціи также предъ памятникомъ никакихъ не было; даже въ тотъ моментъ, когда съ памятника спало покрывало и обнаружилась статуя Мицкевича, не раздалось ни одного звука, послѣдовало чисто гробовое молчаніе. Предполагавшійся послѣ открытія памятника въ домѣ Кроненберга обѣдъ, прибыть на который далъ свое согласіе князь Имеретинскій, не состоялся. Манифестаціи при открытіи памятника можно было ожидать прежде всего со стороны учащейся молодежи, которая къ концу девятидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ Варшавскомъ университетѣ, открыто волновалась и демонстрировала.

За годъ до открытія памятника Мицкевичу, въ Варшавскомъ университетѣ произошла шумная демонстрація, на политической почвѣ, противъ профессоровъ Зилова и Филевича. Означенные профессора провинились противъ поляковъ тѣмъ, что въ день открытія въ Вильнѣ памятника Муравьеву, послали изъ Варшавы комитету по устройству памятника привѣтственную телеграмму.

Демонстрація сперва произошла на лекціи Филевича; начался свистъ, шиканье, площадная брань и крики: „пошелъ вонъ"! Профессоръ предложилъ студентамъ, не желавшимъ его слушать, оставить аудиторію, что немедленно и было исполнено студентами поляками, и профессоръ продолжалъ читать

лекцію однимъ русскимъ студентамъ. На другой день, на лекціи профессора Зилова демонстрація превзошла всякія ожиданія: кромѣ свиста, крика и брани, пущены были въ ходъ галоши, и профессоръ принужденъ былъ прекратить лекцію. На университетскомъ дворѣ собралось нѣсколько сотъ студентовъ, и какъ ни храбро они держали себя, но при появленіи полиціи, значительная часть студентовъ разбѣжалась, даже убѣгали чрезъ университетскій садъ.

Въ Царствѣ Польскомъ демонстраціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ служатъ барометромъ, указывающимъ, какъ объ этомъ упомянуто выше,—неспокойное состояніе мѣстнаго общества, а распространеніе демонстрацій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ служитъ предвѣстникомъ начала активныхъ выступленій неспокойныхъ элементовъ этого общества. Возникновенію такихъ выступленій учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ способствовало не только политическое настроеніе польскаго общества, подъ вліяніемъ ослабленія въ краѣ режима и усиливающихся иллюзій поляковъ, но также этому способствовали и нѣкоторыя мѣры и реформы министерства народнаго просвѣщенія, которыя въ корнѣ подтачивали школьную дисциплину и старый, хотя и пользовавшійся симпатіями, но твердо установившійся въ школѣ учебный строй.

XIII.

Правительственныя мѣропріятія по школьной дисциплинѣ.

Къ числу мѣръ, имѣвшихъ вліяніе на дисциплину и строй среднихъ учебныхъ заведеній, принадлежатъ: 1) предоставленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній права обжалованія въ министерство рѣшеній начальства среднихъ учебныхъ заведеній, касающихся воспитанниковъ этихъ учебныхъ заведеній и при томъ, чрезъ посредство того же инкриминируемаго начальства. Это распоряженіе приказано было объявить и разъяснить воспитанникамъ и текстъ его выставить на видномъ мѣстѣ для свѣдѣнія учащихся. Предоставленіе воспитанникамъ права опротестовывать рѣшеніе своего ближайшаго начальства, посредствомъ апеллированія къ высшей учебной инстанціи, не только подрывало авторитетъ начальства среднихъ учебныхъ заведеній, но, предоставляя право подачи жалобъ ученикамъ, а не ихъ

родителямъ, подрывало авторитетъ родительской власти, подъ охраною и заботами которой находятся воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, какъ несовершеннолѣтніе. Нужно только представить себѣ картину, какъ ученикъ приготовительнаго или перваго класса является къ директору гимназіи съ бумагою въ рукахъ и на вопросъ директора: „что вамъ нужно", съ апломбомъ отвѣчаетъ: „я подаю господину министру жалобу на распоряженіе вашего превосходительства по касающемуся меня дѣлу". Къ счастью, этотъ циркуляръ, какъ мертворожденной, не вызывалъ серьезныхъ инцидентовъ, можетъ быть, потому, что въ польской семьѣ дѣти находятся въ строгомъ повиновеніи родителямъ, а родители понимали нецѣлесообразность предоставленія дѣтямъ дѣйствій, составляющихъ прерогативу родителей, или считали непрактичнымъ—боевымъ выступленіемъ ихъ дѣтей противъ начальства обострять взаимныя отношенія учащихъ и учащихся; но все же этотъ циркуляръ подрывалъ авторитетъ начальства въ глазахъ учащихся и колебалъ школьную дисциплину.

Если упомянутый выше циркуляръ министерства только подрывалъ авторитетъ начальства среднихъ учебныхъ заведеній, то тѣ пріемы, съ которыми министръ народнаго просвѣщенія Ванновскій принялся за реформированіе гимназій, окончательно подрывали и ниспровергали весь строй старой гимназіи. Реформа Ванновскаго началась съ признанія классической системы образованія непригодною и подлежащей совершенному упраздненію и замѣнѣ древнихъ языковъ естествовѣдѣніемъ и другими предметами. Если бы реформа Ванновскаго могла быть произведена въ теченіе одного года, чтобы въ теченіе же перваго года реформы новый порядокъ былъ примѣненъ во всѣхъ классахъ, то нравственное состояніе учениковъ было бы менѣе трагическимъ, нежели то, въ которомъ они очутились въ началѣ реформы: изученіе древнихъ языковъ признано было безцѣльнымъ и безполезнымъ; эти языки въ низшихъ классахъ гимназіи въ первый же годъ реформы были упразднены, а между тѣмъ ученикамъ старшихъ классовъ приходилось еще въ теченіе пяти лѣтъ изучать то, что самимъ министерствомъ признано было негоднымъ для цѣлей образованія. Въ циркулярѣ министра о реформѣ средней школы слишкомъ ярко просвѣчиваетъ не только нерасположеніе къ классической системѣ образованія, но видна и фанатическая ненависть его къ прежней гимназической системѣ образованія, самое имя которой онъ хотѣлъ искоренить изъ памяти, проектируя гимназіи на-

звать средними школами и даже ненавистный ему „аттестатъ зрѣлости“ замѣнить словомъ „свидѣтельство“.

Легко представить, каково было нравственное состояніе учениковъ, которымъ приходилось изучать то, что оффиціально признано не имѣющимъ ни образовательнаго, ни практическаго значенія. Только тотъ закалъ, который давала воспитанникамъ классическая система образованія, могъ сдѣлать ихъ настолько корректными, что они, даже и при дискретированіи изучаемаго ими предмета, сознавали необходимость закончить свое образованіе въ томъ направленіи, которому они посвятили значительное число лѣтъ своего школьнаго образованія. Но даже и самые корректные изъ учениковъ не могли не чувствовать фальшивости устоевъ своей школы, каковая фальшивость вмѣстѣ съ другими обстоятельствами не могла, въ свою очередь, не колебать режима и школьной дисциплины. При такомъ состояніи школы достаточно было нѣсколькихъ толчковъ и постороннихъ вліяній, чтобы вывести ее изъ равновѣсія и устойчивости. Гимназіи коренной Россіи были легко выведены изъ своей устойчивости революціонною пропагандою и нахлынувшею волною освободительнаго движенія, среднія же учебныя заведенія Царства Польскаго были выведены изъ своей устойчивости новыми вѣяніями въ краѣ и броженіемъ въ мѣстномъ обществѣ еще за долго до начала революціонной волны въ Имперіи, при чемъ толчкомъ, выведшимъ ихъ окончательно изъ равновѣсія, было обстоятельство, повидимому, имѣвшее мало отношенія къ учебнымъ заведеніямъ Варшавскаго учебнаго округа.

XIV.

Вржесненская школьная экзекуція въ Пруссіи и безпорядки въ Сѣдлецкой гимназіи.

Обстоятельство, выведшее окончательно среднія учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа изъ устойчивости, было слѣдующее. Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ въ Пруссіи, въ Силезіи и Познани, проводился съ особенною настойчивостью нѣмецкій культуръ-кампфъ. Въ польскихъ школахъ въ Силезіи и Познани энергично вводилось преподаваніе Закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ и налагались кары на родителей за уклоненіе ихъ дѣтей отъ изученія Закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ, а дѣти подвергались за это дисциплинарнымъ взысканіямъ до тѣлесныхъ наказаній розгами включительно, при

чемъ съ особенною настойчивостью и жестокостью проводилась эта мѣра въ Вржеснѣ. Противъ дѣйствій Пруссіи предпринятъ былъ цѣлый походъ не только въ польской, но и русской прессѣ, при чемъ особеннымъ усердіемъ въ этомъ отношеніи отличалось „Новое Время", которое въ яркихъ корреспонденціяхъ изъ Познани и Силезіи, особенно изъ Вржесны, изображало жестокость прусскаго правительства въ дѣлѣ проведенія нѣмецкаго языка въ школьномъ преподаваніи Закона Божія, а такъ какъ „Новое Время" считалось газетою, получающею внушенія изъ высшихъ сферъ, во всякомъ случаѣ „Новое Время" было газетою подцензурною, то многіе справедливо думали, что русское правительство не сочувствуетъ прусскимъ требованіямъ относительно преподаванія Закона Божія въ польскихъ школахъ Силезіи и Познани не на родномъ языкѣ поляковъ и что, слѣдовательно, если въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа Законъ Божій преподается для католиковъ на русскомъ языкѣ, то это происходитъ или по недоразумѣнію или вслѣдствіе того, что мѣстная бюрократія дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ въ цѣляхъ обрусѣнія и что въ данное время насталъ благопріятный моментъ довести до свѣдѣнія правительства о своевременности отмѣны оставшагося отъ прежнихъ лѣтъ распоряженія о преподаваніи въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ римско-католическаго Закона Божія на русскомъ языкѣ.

При организаціи учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ на началахъ общегосударственныхъ правительство не сразу произвело реформу и въ видѣ переходной мѣры, какъ объ этомъ уже упоминалось, устроены были учебныя заведенія, приспособленныя къ потребностямъ разныхъ въ Царствѣ Польскомъ населеній и, между прочимъ, открыты были мужскія гимназіи для греко-уніатскаго населенія въ Сѣдлецѣ и Холмѣ, прогимназіи въ Замостьѣ и Грубешовѣ, и въ то время какъ въ польскихъ гимназіяхъ большинство предметовъ, въ томъ числѣ и Законъ Божій, преподавались на польскомъ языкѣ, въ уніатскихъ гимназіяхъ всѣ предметы преподавались на русскомъ языкѣ, не исключая и Закона Божія для католиковъ, по тѣмъ соображеніямъ, что населеніе въ перечисленныхъ выше мѣстностяхъ было русское, хотя и перешедшее въ католичество, но понимавшее русскую рѣчь. Не было основанія населеніе окатоличенное ксендзами еще ополячивать введеніемъ преподаванія школьныхъ предметовъ на польскомъ языкѣ. Когда дѣленіе гимназій по національностямъ было уничтожено и за тѣмъ въ

1873/4 учебномъ году былъ примѣненъ къ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа Высочайше утвержденный 1871 года уставъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа узаконено введенное еще раньше преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ Закона Божія, который для католиковъ преподавался на польскомъ языкѣ, но въ учебныхъ заведеніяхъ, обслуживавшихъ уніатское населеніе, преподаваніе Закона Божія оставлено на русскомъ языкѣ; еще прочнѣе утвердилось преподаваніе этого предмета на русскомъ языкѣ, когда въ 1875 году уничтожена была унія и Сѣдлецъ, Холмъ, Замостье и Грубешовъ признаны были древне-русскими мѣстностями.

Когда въ концѣ девятидесятыхъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ начался новый режимъ, у поляковъ явились ожиданія и надежды на уступки русскаго правительства и когда въ русской прессѣ и отчасти въ русскомъ обществѣ начало проявляться суровое осужденіе прусскаго правительства за его репрессивныя мѣры противъ мѣстнаго польскаго населенія, не подчинявшагося распоряженіямъ правительства объ изученіи Закона Божія католиками на нѣмецкомъ языкѣ, поляки рѣшили добиться преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго, гдѣ онъ преподавался на русскомъ языкѣ.

Трудно сказать, были ли выставлены въ авангардѣ этого требованія воспитанники ихъ родителями, по обыкновенію поляковъ начинать всѣ безпорядки и революціи при выступленіи въ авангардѣ учащейся молодежи, или воспитанники, подъ вліяніемъ вѣяній въ обществѣ и внѣшнихъ возбужденій, сами выступили съ требованіями преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ, обнаружилось только, что въ одно прекрасное утро въ Сѣдлецкой мужской гимназіи на этой почвѣ не только возникъ прискорбный инцидентъ, но произошелъ форменный бунтъ. На урокѣ Закона Божія ученики 5 класса обратились къ своему законоучителю ксендзу съ просьбою излагать имъ предметъ на польскомъ языкѣ.

Ксендзъ отвѣтилъ ученикамъ, что своею волею, безъ разрѣшенія духовной или свѣтской власти, онъ не имѣетъ права перемѣнить языкъ преподаванія и сдѣлалъ имъ надлежащія разъясненія и наставленія относительно незаконности ихъ требованія. Послѣ этого въ классѣ, словно по сигналу, раздался свистъ, шумъ, крикъ: „вонъ изъ класса“ и вслѣдъ за этимъ

произведенъ былъ полный разгромъ сперва класса, въ которомъ были выбиты окна, поломана мебель, а затѣмъ, когда ученики 5 класса были поддержаны бунтарями въ другихъ классахъ, произведенъ былъ разгромъ и всей гимназіи. Очевидно, бунтъ произошелъ не внезапно, подъ впечатлѣніемъ возбужденія, а былъ подготовленъ предварительно и входилъ въ планъ дѣйствій воспитанниковъ, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ требованія.

Послѣдствіемъ бунта было исключеніе изъ гимназіи 53 учениковъ согласно опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи, а мѣстною администраціей приняты были крутыя мѣры противъ бунтарей: иногородніе ученики выселены были на мѣста ихъ жительства, имъ воспрещена была отлучка съ мѣста ихъ жительства и надъ всѣми исключенными установленъ былъ полицейскій надзоръ; но послѣднія мѣры оказалась мертворожденными. Можно было предполагать, что бунтъ въ Сѣдлецкой гимназіи, окончившійся строгою карою виновныхъ, не будетъ имѣть неблагопріятныхъ послѣдствій для другихъ гимназій; но оказалось, что этотъ бунтъ былъ тѣмъ толчкомъ, который вывелъ изъ устойчивости поколебленныя уже учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа и послужилъ сигналомъ къ безпорядкамъ въ другихъ заведеніяхъ. А почва для этого была благопріятна и была уже вполнѣ подготовлена.

XV.

Отраженіе Сѣдлецкихъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

Въ Варшавѣ, ко времени бунта въ Сѣдлецкой гимназіи, была полная распущенность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; на урокахъ учителей русскаго языка, особенно изъ числа слабохарактерныхъ, происходилъ шумъ, разговоры, учителей часто гнали изъ классовъ, устраивали всякія вредныя шалости: втыкали въ классныя кресла иголки, гвозди, на которые неосторожные учителя садились и причиняли себѣ пораненія. Въ Люблинской гимназіи совершенно неожидано произошелъ инцидентъ на праздникѣ древонасажденія: изъ толпы учениковъ брошены были комья земли, а ученики младшихъ классовъ, не дождавшись окончанія торжества и построенія въ строевыя колонны, побѣжали въ гимназію впередъ и побили въ зданіи окна; въ Плоцкой гимназіи на актѣ по случаю юбилея Гоголя, 21 февраля 1902 года, произошли безпорядки, съ битьемъ оконъ въ зданіи;

ученики Варшавскихъ гимназій порвали на улицѣ полученныя ими отдѣльныя изданія сочиненій на юбилейномъ актѣ, такъ что Краковское Предмѣстье, Новый Свѣтъ и улицы, прилегающія къ гимназіямъ, сплошь были усѣяны изодранными въ клочья сочиненіями Гоголя. Такимъ неспокойнымъ настроеніемъ учебныхъ заведеній задумали воспользоваться исключенные изъ заведенія воспитанники Сѣдлецкой гимназіи. Изъ числа 53 учениковъ Сѣдлецкой гимназіи, удаленныхъ изъ учебнаго заведенія, часть была исключена безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, а часть съ правомъ поступленія въ другія гимназіи, кромѣ Сѣдлецкой; но и исключенныхъ по послѣдней категоріи, въ виду участія ихъ въ крупномъ проступкѣ, ни одинъ директоръ не рѣшался принять въ свою гимназію. Исключенные всюду встрѣчали отказъ. Въ виду такого положенія дѣла, родители исключенныхъ учениковъ ходатайствовали о разрѣшеніи ихъ дѣтямъ поступить въ гимназіи Варшавскаго учебнаго округа; съ такою же просьбою они обращались и къ министру народнаго просвѣщенія, но въ обѣихъ инстанціяхъ въ ихъ просьбѣ имъ было отказано. Тогда родители исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназіи рѣшили дѣйствовать на директоровъ гимназіи Варшавскаго учебнаго округа терроромъ и устрашеніемъ—рѣшили угрозою непріятныхъ для подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній послѣдствій заставить ихъ ходатайствовать предъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа о разрѣшеніи принять во ввѣренныя имъ учебныя заведенія исключеннымъ изъ Сѣдлецкой гимназіи учениковъ.

Для осуществленія этой цѣли исключенные изъ Сѣдлецкой гимназіи ученики были подѣлены на небольшія группы и отправились въ тѣ города, гдѣ есть гимназіи,—съ миссіей взять съ учениковъ мѣстныхъ гимназій клятвенное обѣщаніе, что они будутъ просить свое ближайшее начальство о принятіи исключенныхъ изъ Сѣдлецкой гимназіи воспитанниковъ въ мѣстную гимназію; въ случаѣ же отказа директоровъ въ ихъ просьбѣ произвести въ гимназіи бунтъ и сигналомъ бунта въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ устрашить директоровъ остальныхъ гимназій и такимъ образомъ угрозою террора побудить ихъ быть уступчивыми и принять исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназіи.

И дѣйствительно, послѣ исторіи въ Сѣдлецкой гимназіи въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго округа начали обнаруживаться инциденты, выходящіе изъ ряда

обыкновенныхъ ученическихъ проступковъ, хотя до прямого бунта дѣло еще не доходило въ большинствѣ гимназій. Между тѣмъ до свѣдѣнія директора Радомской гимназіи дошло, что сѣдлецкіе агитаторы пріѣзжали въ Радомъ и уговаривали учениковъ Радомской гимназіи выступить предъ мѣстнымъ начальствомъ съ ультиматумомъ ходатайствовать предъ попечителемъ о разрѣшеніи поступить въ Радомскую гимназію тѣмъ изъ исключенныхъ учениковъ Сѣдлецкой гимназіи, которые обратятся съ прошеніемъ объ этомъ. Съ такою же миссіей агенты посѣтили и Лодзинскую гимназію, но и въ Радомѣ и въ Лодзи потерпѣли неудачу: воспитанники Радомской гимназіи категорически отказались не только отъ бунта, но и отъ предъявленія начальству гимназіи ходатайства о принятіи исключенныхъ учениковъ въ Радомскую гимназію, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ надежды на удовлетвореніе гимназіей такого ходатайства, въ виду извѣстнаго имъ вѣянія въ Радомской гимназіи и установившагося режима въ ней. Но первая неудача не обезкуражила агитаторовъ, они продолжали различными способами муссировать провинціальныя гимназіи и по мѣрѣ того, какъ дисциплина падала въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа и увеличивалось неспокойное настроеніе въ обществѣ, шансы ихъ на возбужденіе воспитанниковъ этихъ гимназій и выступленіе ихъ въ защиту предъявленныхъ ими требованій усиливались.

Напоръ былъ сдѣланъ агитаторами преимущественно на Радомскую гимназію, какъ на самую многолюдную гимназію въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и при томъ состоящую преимущественно изъ учениковъ поляковъ, такъ какъ русскіе ученики составляли въ ней 16% общаго числа 760 учениковъ; кромѣ того, Радомъ представлялъ вообще благопріятную почву для агитаціи и пособничества агитаторамъ со стороны мѣстнаго общества, среди котораго находилось значительное число личностей, сочувствовавшихъ возникавшему движенію въ польскомъ обществѣ и пользовавшихся мѣстнымъ авторитетомъ.

Въ это время получены были директоромъ Радомской гимназіи свѣдѣнія, что въ городъ вторично пріѣхали сѣдлецкіе агитаторы, а вскорѣ было обнаружено и мѣсто, гдѣ они дѣйствовали: обратило вниманіе директора появившееся въ эту пору у учениковъ Радомской гимназіи необыкновенное увлеченіе каткомъ. На катокъ начали отпрашиваться ученики, не умѣющіе кататься на конькахъ, а когда одинъ ученикъ 6 класса, не умѣвшій кататься на конькахъ, мальчикъ весьма скромный и

отличнаго поведенія, самовольно ушелъ съ урока на катокъ, дѣло показалось директору подозрительнымъ. Директоръ поручилъ дежурнымъ на каткѣ помощникамъ классныхъ наставниковъ наблюсти за поведеніемъ учениковъ на каткѣ, и тѣ доложили, что на каткѣ появились ученики посторонней гимназіи, которые ведутъ съ учениками Радомской гимназіи оживленныя сношенія. Потомъ было обнаружено, что агенты дѣйствовали не только на каткѣ, но и на боковыхъ улицахъ города и распространяли прокламаціи среди учениковъ. Были приняты мѣры къ наблюденію за учениками и усиленъ надзоръ за ними. Послѣ этого пріѣзжіе ученики исчезли; но дѣло, видимо, было сдѣлано.

Однажды является къ директору гимназіи учитель С. и докладываетъ, что на слѣдующій день, въ 11 час. утра, въ Радомской гимназіи долженъ произойти бунтъ; ученики обратятся къ нему съ просьбою ходатайствовать передъ попечителемъ округа о разрѣшеніи принять въ Радомскую гимназію тѣхъ воспитанниковъ Сѣдлецкой гимназій, которые подадутъ ему объ этомъ прошенія и, что въ случаѣ отказа его въ удовлетвореніи просьбы учениковъ Радомской гимназіи, они, по примѣру другихъ учебныхъ заведеній, произведутъ бунтъ: будутъ бить окна, ломать мебель и вообще произведутъ разгромъ гимназіи. Поблагодаривъ учителя С. за предупрежденіе, директоръ вмѣстѣ съ нимъ обсудилъ мѣры предупрежденія безпорядковъ. Учитель С. пользовался большимъ авторитетомъ у учениковъ и поэтому имъ обѣщалъ на слѣдующій день прибыть въ гимназію съ утра, хотя у него не было дополуденныхъ уроковъ, съ цѣлью воздѣйствія на учащихся и вразумленія ихъ. Хотя учитель С. былъ стойкій польскій націоналистъ, но отличался благоразуміемъ и тактичностью: онъ понималъ всю безцѣльность агитаціи и безразсудность поступка учениковъ Радомской гимназіи, такъ какъ ихъ выступленіе никакого практическаго результата имѣть не могло, а влекло только за собою безплодно новыя жертвы, поэтому директору тѣмъ цѣннѣе было его предупрежденіе, служившее выраженіемъ заботы его о благѣ воспитывающейся молодежи, увлекающейся и непрактичной, и о благѣ учебнаго заведенія. О готовившемся бунтѣ, безъ сомнѣнія, знали и другіе учителя-поляки, такъ какъ онѣ имѣли сношенія съ польскимъ обществомъ, содержали у себя на квартирѣ учениковъ, а многіе имѣли сыновей и родственниковъ, воспитывавшихся въ гимназіи, но никто изъ нихъ, кромѣ учителя С., не предупредилъ директора о грозившей опасности. Извѣстіе о готовившемся бунтѣ директоръ получилъ въ 11 часовъ ночи, и нельзя сказать

чтобы онъ спокойно провелъ ночь и наступившее утро; но директоръ понималъ, что только смѣлостью и твердостью можно предупредить катастрофу, и рѣшилъ дѣйствовать энергично, на собственный рискъ. Предложивъ инспектору и классным наставникамъ быть въ 11 часовъ при своихъ классахъ, директоръ въ 10 часовъ вошелъ въ 7 классъ, который долженъ былъ стать во главѣ бунта, и обратился, во время урока, къ ученикамъ съ слѣдующими словами: „Я, господа, много разъ предупреждалъ васъ, чтобы вы избѣгали сношеній съ людьми, которые могутъ имѣть на васъ вредное вліяніе, возбуждать васъ къ нарушенію порядка, школьной дисциплины и существующихъ распоряженій, но вы не послушались моихъ совѣтовъ и предостереженій и вошли въ сношенія съ прибывшими въ Радомъ агитаторами, которые уговорили васъ просить меня ходатайствовать предъ господиномъ попечителемъ округа о разрѣшеніи нѣкоторымъ изъ исключенныхъ изъ Сѣдлецкой гимназіи ученикамъ поступить въ Радомскую гимназію и, въ случаѣ отказа моего въ таковой просьбѣ вашей, произвести въ Радомской гимназіи бунтъ. Бунтъ назначенъ сегодня въ 11 часовъ и долженъ начаться въ 7 классѣ. Я скажу вамъ еще болѣе: мнѣ извѣстны фамиліи тѣхъ изъ васъ, которые входили въ переговоры съ учениками Сѣдлецкой гимназіи и которые должны стоять во главѣ бунта. Я теперь не называю фамилій этихъ учениковъ, ибо перечисленіе ихъ мною по фамиліямъ равносильно окончанію ихъ гимназической карьеры и повлечетъ за собою для нихъ непоправимыя бѣдствія, а я надѣюсь, что главные агитаторы ваши и вы всѣ сознаете безразсудность и преступность задуманнаго вами поступка, раскаетесь, и своимъ дальнѣйшимъ хорошимъ поведеніемъ искупите необдуманное увлеченіе воздѣйствіями на васъ агитаторовъ и сознаете ложность понятой вами товарищеской солидарности, которая привела васъ къ краю пропасти“. Затѣмъ почти въ теченіе цѣлаго часа директоръ развивалъ имъ мысль о серьезности ихъ проступка, нелѣпости и нецѣлесообразности принятаго ими на себя заступничества за учениковъ чужой гимназіи, равно и о легкомысленности ихъ, что онъ возьметъ на себя ходатайство за учениковъ Сѣдлецкой гимназіи, преступно нарушившихъ школьную дисциплину, при чемъ степень виновности каждаго изъ учениковъ этой гимназіи ему совершенно неизвѣстна, а извѣстна, только педагогическому совѣту Сѣдлецкой гимназіи. Первыя слова директора, что въ 11 часовъ въ Радомской гимназіи назначенъ бунтъ, что во главѣ бунта стоитъ седьмой классъ,

сказанныя смѣло и авторитетно, произвели на учениковъ ошеломляющее дѣйствіе; многіе изъ нихъ поблѣднѣли и стояли, какъ статуи, во время рѣчи директора. Въ 11 часовъ ударилъ звонокъ, началась перемѣна, затѣмъ по окончаніи третьяго урока наступила большая перемѣна, и ученики разошлись по корридорамъ и квартирамъ въ обычномъ порядкѣ и, такимъ образомъ, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, бунтъ не состоялся, бѣдствіе было предотвращено и спасены многіе десятки дурно настроенныхъ и увлекающихся юношей, наиболѣе впечатлительныхъ и способныхъ къ необдуманнымъ поступкамъ.

Бунтъ былъ предотвращенъ, но состояніе гимназіи было тревожное; можно было опасаться вспышки и какихъ-либо громкихъ инциндетовъ, тѣмъ болѣе, что агитаціонное воздѣйствіе на учениковъ не прекращалось и время отъ времени возникали слухи о возможности бунта въ одно прекрасное утро; наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что снова пріѣзжали агенты, взяли съ учениковъ клятву произвести въ гимназіи бунтъ, и что бунтъ окончательно назначенъ въ день празднованія юбилея Жуковскаго, перенесеннаго съ 12 апрѣля, по случаю страстной недѣли, на 25 апрѣля, на день рожденія Государыни Императрицы Александры Өеодоровны. Вслѣдствіе циркулированія такихъ слуховъ, нѣкоторые изъ учителей гимназіи, при обсужденіи въ педагогическомъ совѣтѣ программы празднованія въ Радомской гимназіи юбилея Жуковскаго, по случаю 50-лѣтія со дня его кончины, обратились къ директору съ просьбою, въ виду неспокойнаго состоянія учениковъ Радомской гимназіи, ходатайствовать предъ попечителемъ округа объ отмѣнѣ празднованія Радомскою гимназіею юбилея. Директоръ заявилъ педагогическому совѣту, что не только не допуститъ ходатайства предъ попечителемъ округа объ отмѣнѣ празднованія юбилея, но и самую мысль объ этомъ считаетъ позорною и равносильною страху предъ ученическими угрозами, что празднованіе юбилея по предварительно выработанной программѣ состоится во всякомъ случаѣ и что, если произойдутъ безпорядки, то виновные понесутъ суровое наказаніе, при чемъ гимназія не остановится предъ какимъ бы то ни было числомъ жертвъ и пощады не окажетъ никому изъ виновныхъ, такъ какъ, въ случаѣ бунта въ гимназіи послѣ сдѣланныхъ ученикамъ предостереженій и вразумленій, проступокъ ихъ будетъ грубымъ и возмутительнымъ актомъ съ ихъ стороны, и что о такомъ рѣшеніи педагогическаго совѣта должны быть поставлены въ извѣстность

родители и родственники учениковъ, къ которымъ и слѣдуетъ обратиться съ просьбою воздѣйствовать надлежащимъ образомъ на ихъ дѣтей и питомцевъ. Въ такомъ смыслѣ педагогическій совѣтъ сдѣлалъ постановленіе огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Директоромъ гимназіи принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ по предовращенію безпорядковъ и по воздѣйствію на учащихся и вразумленію ихъ. Прежде всего обращено было вниманіе на учениковъ сомнительнаго поведенія и сдѣланы имъ строгія предостереженія; родители такихъ учениковъ приглашены были въ гимназію и имъ разъяснено настроеніе ихъ дѣтей и поручено принять надлежащія мѣры къ вразумленію ихъ и наблюденію за ихъ поведеніемъ. Этимъ были парализованы неспокойные элементы гимназіи. Затѣмъ классными наставниками были посѣщены родители и опекуны всѣхъ остальныхъ учениковъ старшихъ классовъ.

При посѣщеніи классными наставниками родителей учениковъ наблюдались характерныя и интересныя сцены. Является, напримѣръ, классный наставникъ 7 класса учитель Гацкевичъ въ квартиру родителей неблагонадежныхъ учениковъ К...скихъ, застаетъ дома одну мать и сообщаетъ ей, что онъ прибылъ, по порученію директора гимназіи, сообщить, что какъ ей, вѣроятно, извѣстно, воспитанники Радомской гимназіи, подъ вліяніемъ воздѣйствія на нихъ разныхъ подстрекателей, намѣреваются произвести въ гимназіи, 25 апрѣля, въ день празднованія гимназіей юбилея поэта Жуковскаго, безпорядки, что въ числѣ воспитанниковъ, которые дали агентамъ обѣщаніе участвовать въ бунтѣ, находятся дѣти ея, и что директоръ проситъ родителей сказанныхъ учениковъ К... принять мѣры къ вразумленію ихъ дѣтей и предохраненію ихъ отъ проступка, участіе въ которомъ повлечетъ за собою строжайшую кару для виновныхъ. Мать изумлена; спрашиваетъ своихъ дѣтей, дѣйствительно ли правда, что они дали обѣщаніе участвовать въ гимназическомъ бунтѣ. Дѣти долгое время молчатъ, но наконецъ уступаютъ мольбамъ и слезамъ матери и сознаются, что они дали товарищамъ слово участвовать въ гимназическомъ бунтѣ. Мать въ отчаяніи, видя грозящее ея дѣтямъ бѣдствіе—исключеніе изъ заведенія и потерю всѣхъ трудовъ и затратъ, положенныхъ на ихъ воспитаніе. Является отецъ, узнаетъ, въ чемъ дѣло. Отецъ и мать начинаютъ уговаривать дѣтей опомниться, пощадить себя и пожалѣть родителей. Трагическое положеніе родителей усиливается, такъ какъ всѣ увѣщанія родителей не дѣйствуютъ на

учениковъ; мать начинаетъ истеречески рыдать, плачутъ и дѣти, и сквозь слезы старшій сынъ говоритъ родителямъ, что они дали товарищамъ слово участвовать въ бунтѣ и измѣнить своему слову не могутъ, что они могутъ дать родителямъ только обѣщаніе не принимать на себя иниціативы безпорядковъ, но когда бунтъ произойдетъ, отъ участія въ немъ они отказаться не могутъ. Такова сила товарищескаго вліянія, которое въ современныхъ дѣтяхъ сильнѣе вліянія родителей!

Гимназіей выработаны были мѣры предосторожностей по наблюденію за учениками въ день празднованія юбилея Жукувскаго. Предназначенныя для раздачи учащимся брошюры о Жуковскомъ и отдѣльныя изданія сочиненій его были снабжены печатью гимназіи, именемъ и фамиліей ученика и переномерованы. Во время торжества ученики были размѣщены въ актовой залѣ не сплошною массою по обѣимъ сторонамъ залы, а въ шахматномъ порядкѣ. Ученики вводились въ залъ классъ за классомъ, при чемъ самые классы были размѣщены въ смѣшанномъ порядкѣ, напримѣръ: рядомъ съ седьмымъ классомъ стоялъ второй, съ пятымъ классомъ восьмой и т. д., при каждомъ классѣ находится подлежащій классный наставникъ; впереди залы, на виду пѣвчихъ и музыкантовъ находился директоръ, позади залы стоялъ инспекторъ, такъ что ученики находились подъ перекрестнымъ взглядомъ классныхъ наставниковъ и лицъ учебнаго персонала. Въ такомъ порядкѣ предложено было директоромъ класснымъ наставникамъ и выводить учениковъ изъ залы по окончаніи акта, вводить ихъ въ надлежащій классъ, въ классахъ раздавать учащимся именныя брошюры и, по окончаніи этой операціи, выводить учениковъ изъ класса и на улицѣ сопровождать ихъ, пока классъ не разойдется по разнымъ улицамъ и не разобьется на малыя группы.

Юбилейный актъ прошелъ спокойно, хотя безъ воодушевленія и въ напряженномъ состояніи и никакихъ инцидентовъ не произошло, за исключеніемъ того, что среди музыкантовъ и пѣвчихъ кто-то разсыпалъ нюхательный табакъ. Болѣе значительный инцидентъ произошелъ по окончаніи акта, на улицѣ, но и тотъ могъ осуществиться только благодаря непредусмотрительности и неисполненію распоряженія директора гимназіи класснымъ наставникомъ седьмого класса, самаго неспокойнаго и подозрительнаго по поведенію. Наставникъ седьмого класса, вопреки распоряженію директора гимназіи, выпускалъ учениковъ по мѣрѣ раздачи имъ брошюры, а не цѣлымъ классомъ и не сопровождалъ ихъ на улицѣ, по выходѣ ихъ изъ гимназіи.

Нѣкоторые ученики 7 класса, по выходѣ изъ гимназіи, на Рванской улицѣ, торжественно порвали розданныя имъ юбилейныя брошюры о Жуковскомъ. Вскорѣ они сами испугались своего проступка, вызвали сторожей изъ нѣкоторыхъ домовъ по Рванской улицѣ и просили ихъ замести клочья разорванныхъ брошюръ, поэтому, когда директоръ, спустя минутъ двадцать, проходилъ по Рванской улицѣ по пути въ интернатъ, то никакихъ слѣдовъ уничтоженія брошюръ не замѣтилъ. Въ интернатѣ директоръ обратилъ вниманіе только на тотъ фактъ, что, сидя за столомъ, въ ожиданіи обѣда, никто изъ учениковъ не имѣлъ передъ собою полученныхъ брошюръ, какъ это было во время юбилея Гоголя.

Злостное уничтоженіе нѣкоторыми учениками полученныхъ ими брошюръ не могло укрыться отъ гимназіи, такъ какъ этотъ проступокъ учениковъ произошелъ на улицѣ, на виду расходившейся съ акта многочисленной публики и о немъ директоръ узналъ въ тотъ же день. Такъ какъ брошюры были розданы учащимся именныя, то легко было узнать, кто изъ учениковъ уничтожилъ свою брошюру.

Приказано было ученикамъ всѣхъ классовъ принести въ гимназію полученныя ими брошюры, и по повѣркѣ обнаружилось, что уничтожили свои брошюры 17 учениковъ 7 класса и около 10 учениковъ другихъ классовъ, при чемъ у малютокъ вырывали изъ рукъ брошюры ученики старшихъ классовъ и даже поджидавшіе ихъ въ Саксонскомъ саду ремесленники; были даже случаи уничтоженія брошюръ на дому членами семьи, въ которой жили ученики. Воспитанники младшихъ классовъ, представившіе удовлетворительныя объясненія уничтоженія брошюръ, никакимъ взысканіямъ не были подвергнуты. 17 же учениковъ 7 класса были подвергнуты наказанію арестомъ отъ 4 до 8 часовъ, на хлѣбѣ и водѣ. Но нѣкоторые арестъ обратили для себя въ тріумфъ. Такъ какъ ученики были разсажены подъ арестъ поодиночкѣ, то пришлось занять и классы, выходящіе на улицу, и вотъ ученики, сидѣвшіе въ этихъ классахъ, улучивъ удобную минуту, раскрывали окна, и въ окна имъ бросали цвѣты и сласти, а по выходѣ изъ-подъ ареста подвергнутые аресту ученики отправились въ городской садъ и тамъ панненки подносили имъ, какъ героямъ и мученикамъ идеи, цѣлые букеты цвѣтовъ. Таково было настроеніе нѣкоторыхъ элементовъ польскаго общества, поэтому неудивительно, что молодые и впечатлительные юноши поддавались вліянію этихъ элементовъ и агитаторовъ, которые прибыли въ

Радомъ даже ко дню юбилея наблюдать эффектъ грандіознаго бунта учениковъ Радомской гимназіи, не состоявшагося лишь благодаря принятымъ гимназіей мѣрамъ, несмотря на всѣ происки и агитаціи. Въ день самаго юбилея директоръ встрѣтилъ на улицѣ ученика Сѣдлецкой гимназіи, будто бы прибывшаго въ Радомъ заказать сапоги, которыхъ сколько угодно можно было купить въ томъ городѣ, куда онъ былъ высланъ на жительство къ родителямъ. Директоръ распорядился, чтобы онъ немедленно уѣхалъ изъ Радома.

Тяжела была въ это время педагогическая служба въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, особенно въ отвѣтственной должности директора гимназіи, обязанности котораго, состоящія въ спокойномъ и систематическомъ воспитаніи и умственномъ развитіи юношества, усложнялись посторонними задачами, отвлекавшими его отъ прямого и плодотворнаго дѣла воспитанія и обученія.

Такимъ образомъ вмѣсто грандіознаго погрома въ гимназіи, на который разсчитывали агитаторы, все „событіе" ограничилось рваньемъ 17 учениками 7 класса выданныхъ имъ брошюръ о Жуковскомъ. Объ этомъ событіи директоръ донесъ попечителю округа и департаменту министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ въ это время существовало распоряженіе министерства, чтобы начальники учебныхъ заведеній немедленно доносили, одновременно и попечителю округа и департаменту просвѣщенія, о всѣхъ случаяхъ нарушенія школьной дисциплины. Это распоряженіе, вѣроятно, было вызвано тѣмъ, что начальники учебныхъ заведеній не всегда доносили окружному начальству о случаяхъ нарушенія въ учебныхъ заведеніяхъ дисциплины, и въ свою очередь окружное начальство не очень усердно посвящало министерство въ детали тѣхъ инцидентовъ и прямыхъ нарушеній дисциплины, которые участились въ это время въ учебныхъ заведеніяхъ; одновременно должно было доносить и о наложенныхъ на учениковъ взысканіяхъ за нарушеніе дисциплины. Ни изъ министерства народнаго просвѣщенія, ни изъ округа никакихъ замѣчаній и указаній не было сдѣлано по поводу донесенія. Видимо высшее начальство не очень удивилось происшествію въ Радомской гимназіи, послѣ того, что ему извѣстно было объ инцидентахъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такъ взглянулъ на это дѣло и варшавскій генералъ-губернаторъ Чертковъ, посѣтившій около этого времени Радомъ; при докладѣ ему директоромъ, во время представленія мѣстныхъ

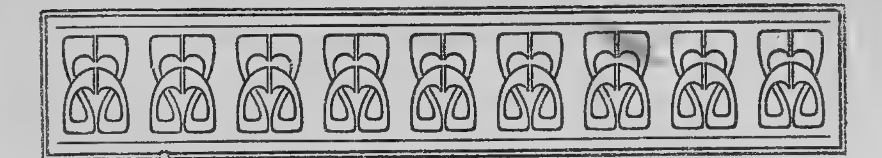
чиновъ, о происшедшемъ въ гимназіи эпизодѣ, онъ сказалъ директору: „Вы, вѣроятно, обладаете большою педагогическою опытностью“, на что директоръ отвѣтилъ ему словами: „Служу по министерству народнаго просвѣщенія тридцать седьмой годъ“. Видимо и генералъ-губернаторъ не придалъ особаго значенія происшедшему въ гимназіи инциденту.

То, что произошло въ Радомской гимназіи въ это смутное время, не было слѣдствіемъ дезорганизаціи этого учебнаго заведенія, а было результатомъ окружающихъ обстоятельствъ и постороннихъ воздѣйствій. Что гимназія не была глубоко потрясена, что и порывъ къ безпорядкамъ и случившійся эпизодъ произошли подъ внѣшнимъ напоромъ и явились какъ бы данью со стороны учениковъ духу времени и возбужденіямъ агитаторовъ, потвержденіемъ можетъ служить то обстоятельство, что послѣ эпизода 25 апрѣля жизнь гимназіи протекала сравнительно спокойно, въ обыденномъ темпѣ, безъ измѣненія установленнаго режима: 14 мая, по случаю празднованія годовщины священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, и 7 іюня, день годичнаго акта въ гимназіи, прошли спокойно, при обычной обстановкѣ, въ присутствіи учащихся и публики, при участіи гимназическаго оркестра и хора, и оба торжества закончились исполненіемъ народнаго гимна.

Съ концомъ 1902—1903 учебнаго года окончилась моя педагогическая дѣятельность и служба въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, продолжавшаяся свыше 35 лѣтъ. 1 августа 1903 года я вышелъ въ отставку и, благодаря этому, къ счастью, не былъ непосредственнымъ наблюдателемъ тѣхъ печальныхъ событій, которыя произошли въ освободительную эпоху въ Царствѣ Польскомъ вообще и въ Варшавскомъ учебномъ округѣ въ частности.

В. Г. Смородиновъ.

Младенчество и первая юность Одессы въ разсказѣ итальянцевъ-современниковъ.

Римскій книгопродавецъ-антикварій dr. Ванъ Риль (Van Riel) доставилъ мнѣ тененькую брошюрку 1817 года in 8, напечатанную во Флоренціи, въ типографіи Якоря (Insegna dell'Ancora), подъ названіемъ „Notizie di Odessa", „Извѣстія объ Одессѣ". Брошюра вышла въ свѣтъ, когда Одессѣ наступило гражданское совершеннолѣтіе: 21 годъ. Но содержаніе брошюры застаетъ Одессу еще моложе, такъ какъ большая часть описанія относится къ первымъ годамъ царствованія Александра I. Принадлежитъ оно довольно нескладному, за то очень дѣльному перу г. Л. К. (Sig. L. C.). Подъ этими инціалами скрывается, должно быть, какой-нибудь весьма практическій арматоръ изъ Ливорно. Специалисты по исторіи Одессы, можетъ быть, и узнаютъ, кто это такой,— я не знаю. Послѣ записки Л. К. брошюра дѣлаетъ хронологическій скачекъ на 10 лѣтъ впередъ и показываетъ Одессу уже въ 1816 году, въ моментъ ея посѣщенія великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, впослѣдствіи императоромъ. Отношеніе итальянской брошюры къ Одессѣ, въ общемъ, панегирическое. Авторы не скрываютъ, что ихъ прямая цѣль — расшевелить итальянскихъ негоціантовъ къ развитію торговаго обмѣна съ новымъ портомъ, будущность котораго они изображаютъ грандіозною: „Одесса должна встать вровень,—если только она не превзойдетъ ихъ,—съ главнѣйшими ввозными рынками обширной Русской Имперіи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ, брошюра не носитъ характера „заманиловки" и не скрываетъ отрицательныхъ сторонъ молодого города. Напрасно было бы искать въ брошюрѣ какихъ-либо историческихъ, этнографиче-

скихъ, поэтическихъ и эстетическихъ взглядовъ. Для авторовъ-практиковъ, Одесса простое новое поле, гдѣ можно сдѣлать капиталецъ, dove si fanno soldi, и все, что требуется для охотника fare soldi, въ ней есть, а на большемъ не взыщите. Видовъ Одессы и бытовыхъ картинъ Новороссіи къ брошюрѣ не приложено, но есть планъ порта и рейда, сдѣланный инженеромъ Ла Пи (La Pie) и — одесскій биржевой бюллетень отъ октября 1816 года (ст. стиля), изъ коего слѣдуетъ, что ведро малаги въ этотъ день стоило отъ 40 до 45 р. ассигнаціями, четверть крупчатки (grano tenere) отъ 41 до 43½, пшеницы отъ 41 до 45, а серебряный рубль—4 р. 4 копѣйки ассигнаціями.

Авторы осыпаютъ хвалами Екатерину II, Александра I и, въ особенности, дюка де Ришелье. Послѣдній, кажется, лишь однимъ ихъ разогорчилъ: закрывъ городъ со стороны моря какими-то сооруженіями, лишилъ негоціантовъ удовольствія видѣть, какъ приходятъ суда.

Богатырскій ростъ Одессы, дѣйствительно, рисуется въ итальянской брошюрѣ почти чудотворно.

Можно пропустить безъ вниманія краткую исторію превращенія турецкой деревушки Хаджибея въ портовый городъ Одессу: брошюра не вноситъ въ эту исторію какихъ-либо новыхъ чертъ.

Въ 1794 году Одесса едва извѣстна.

Въ 1796 году въ ея, еще лишь сооруженный, портъ вошло 60 судовъ подъ флагами австрійскимъ, неаполитанскимъ, русскимъ и греческимъ.

Въ 1799 году въ ней 5 церквей, капелла, синагога, 506 каменныхъ домовъ, 300 торговыхъ заведеній (botteghe), 5 гостиницъ, 36 складовъ и 18 фонтановъ. Число жителей обоего пола достигло 4.847, изъ нихъ 400 иностранцевъ и 300 евреевъ.

Въ 1802 году въ Одессѣ около 800 домовъ, а иностранцы получили свое особое управленіе. Франція учреждаетъ въ Одессѣ генеральное консульство, Австрія, Англія, Испанія, Неаполь, республики Рагузы и Іоническихъ острововъ присылаютъ въ нее консуловъ.

Въ 1803 году въ Одессѣ было уже 5 первоклассныхъ коммерческихъ фирмъ и нѣсколько маклеровъ.

Въ 1804 число жителей достигло почти 10.000, а число домовъ—1.400.

20 іюня 1816 года (день, когда въ Одессу прибылъ в. кн. Николай Павловичъ, впослѣдствіи Императоръ) Одесса считала

въ себѣ 35.000 жителей, 1.780 каменныхъ домовъ, 220 деревянныхъ, 250 магазиновъ и драматическій театръ, въ которомъ играли по-русски и по-итальянски.

Авторы брошюры находятъ Одессу удачнѣйшею находкою, которую когда-либо дѣлало русское правительство. Выстроена она въ результатѣ Очаковскаго разгрома и какъ бы культурнымъ оплотомъ противъ Турціи. Но, въ воспитаніи и развитіи своемъ, она счастливое дитя раздѣла Польши. Нельзя было искуснѣе вырыть каналъ для стока богатствъ изъ доставшихся Россіи польскихъ областей, Галиціи, которою завладѣла Австрія, и вассальныхъ туркамъ княжествъ, съ Бессарабіей, какъ создавъ этотъ русскій приморскій городъ между Днѣстромъ и Бугомъ, рынокъ-ключъ къ Константинополю и Средиземному морю. По взглядамъ нашихъ итальянцевъ, Одесса — городъ, неуязвимый въ торговомъ отношеніи. Даже войны Россіи съ Оттоманскою Портою приглушили новорожденную одесскую коммерцію лишь на короткій срокъ, послѣ котораго съ тѣмъ большею энергіей развивалась—искусственно задержанная—потребность Средиземнаго бассейна въ ея вывозѣ. Что касается до Наполеоновскихъ войнъ, то онѣ оказались для Одессы такими же кормильцами и поильцами, какъ раздѣлъ Польши. Одесса, до извѣстной степени, стала крѣпнуть на костяхъ тѣхъ, кто сложилъ свои головы въ европейскихъ кампаніяхъ 1813—1815 гг. „Нужда въ съѣстныхъ припасахъ, которую испытывала Европа въ эти послѣдніе три года, настолько перетянула коммерческій балансъ въ пользу одесскаго рынка, что мудрено и вычислить громадныя суммы, хлынувшія (изъ Европы) въ кассы его негоціантовъ для закупа хлѣба". Множество негоціантовъ французскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, не считая своихъ, русскихъ, понесли въ Одессу свои капиталы и свою энергію.

Такъ какъ постоянный житель Одессы и Херсона, будучи обладателемъ недвижимой собственности или за поручительствомъ собственниковъ, пріобрѣталъ право снаряжать и отправлять суда свои подъ русскимъ флагомъ, то съ этого времени русскій коммерческій флагъ становится гостемъ постояннымъ, повсемѣстнымъ и частымъ во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря. Вотъ какъ итальянцы рисуютъ картину роста одесскаго порта.

Въ 1796 году одесскій портъ обновленъ 60 флагами.

Въ 1802 году одесскій рейдъ, немного лѣтъ назадъ едва посѣщаемый случайно захожими турецкими барками, принялъ

333 судна, изъ коихъ 272 ушли съ грузомъ. Вывозъ поднялся до 1.520.671 р. 7 коп., а ввозъ до 772.047 р. 94 коп. Балансъ въ пользу Россіи давалъ уже 753.623 р. 76 к., не считая ввозныхъ пошлинъ.

Въ 1803 году число судовъ возрастаетъ до 552. Что касается вывоза, то лишь подольскаго и украинскаго хлѣба было въ этомъ году погружено на сумму $1^1/_2$ милл. рублей.

Въ 1805 году Одесса пріютила уже 1.002 судна. Болѣе всего англійскихъ—509, затѣмъ отъ разныхъ германскихъ государствъ и вольныхъ городовъ—213, есть уже американцы—70, меньше всего португальцевъ—12; итальянцевъ почему-то совсѣмъ не было. Своихъ русскихъ еще только 29. Въ томъ числѣ, всего 360 пришли съ торговымъ грузомъ, 112 частію съ грузомъ, частію съ балластомъ, и остальныя всѣ только съ балластомъ. А выпустилъ обратно одесскій портъ въ томъ же году 960 судовъ, изъ нихъ съ хлѣбнымъ грузомъ 815. „Въ три съ половиною года Одесса перегнала коммерческія операціи портовъ Петербургскаго и Кронштадтскаго, а вѣдь для того, чтобы достигнуть такихъ цифръ, этимъ двумъ портамъ надо было развиваться болѣе 80 лѣтъ“.

Въ 1816 году въ теченіе весны послѣ 1 марта,—такъ какъ, въ эпоху паруснаго флота, Черное море зимою считалось несудоходнымъ,—въ одесскій портъ прибыли 498 судовъ подъ всевозможными флагами, со ввозомъ иностранныхъ товаровъ на $1^1/_2$ милліона рублей. И 249 изъ этихъ судовъ уже вышли изъ порта обратно съ грузомъ русскихъ продуктовъ на сумму 15.220.000 рублей. Во вторую половину года величайшее множество судовъ прибывало за хлѣбными грузами, главный подвозъ которыхъ въ Одессу былъ въ августѣ. Поэтому жизнь въ Одессѣ,—въ особенности съѣстные припасы,—въ эту пору начинала дорожать и въ сентябрѣ, что называется, кусалась. О значительности выпускаемыхъ Одессою грузовъ авторъ брошюры предлагаетъ судить по тому, что „уже одинъ портъ въ Ливорно еженедѣльно принимаетъ пять-шесть судовъ изъ Одессы, не считая зафрахтованныхъ въ другіе порты Средиземнаго и Адріатическаго моря“. Весь вывозъ Одессы въ Средиземный бассейнъ авторъ опредѣляетъ для 1816 года не менѣе, какъ въ 50 милліоновъ рублей. „Несмотря на то, что ввозъ иностранныхъ товаровъ былъ въ этомъ году выше предыдущихъ, торговый балансъ такъ рѣзко склоняется въ пользу одесскаго рынка, что обезпечиваетъ ему необычайныя прибыли (straordi-

nario vantaggio)". Главный предметъ одесскаго вывоза, конечно, какъ и теперь, былъ—польское (т. е. изъ Подольской, Волынской губ. и изъ Бессарабіи) зерно. Уже въ 1803 году Одесса нагрузила имъ 600 судовъ. „Зерна—два сорта: пшеница (grano duro) и крупчатка (grano tenero). Послѣдній труднѣе поддается перевозкѣ, такъ какъ портится въ пути, а между тѣмъ хлѣбные магазины въ Одессѣ такъ ненадежны, зачастую страдая небрежностью въ необходимомъ присмотрѣ" (si trascurino piuttosto le diligenze). Другихъ товаровъ—ни изъ Россіи, черезъ Херсонъ на баркахъ, ни изъ Польши на возахъ,—почти не поступало. Синьоръ Л. К. упоминаетъ сало, коноплю, ленъ, воскъ, шерсть, поташъ, заячьи шкурки, но—лишь въ качествѣ второстепенныхъ товаровъ, не игравшихъ сколько-нибудь важной роли въ одесскомъ вывозѣ. Изъ Херсона хлѣбъ приходилъ на „тумбасахъ" (tombase)—родъ барокъ или галіотовъ (alleggi). Этого слова нѣтъ у Даля и въ старомъ академическомъ словарѣ. Перевозъ обходился въ 40—50 к. съ четверти (9½ пудовъ—330 французскихъ фунтовъ). Итальянецъ не хвалитъ этого пути: онъ не опасенъ за исключеніемъ развѣ только поздней осени, но капризенъ въ срокѣ, ибо зависитъ отъ вѣтровъ. Иной разъ для него достаточно одной ночи, а случается, что эти 180 верстъ барка ползетъ 10—15 дней.

Доставка польскаго хлѣба продолжалась съ мая по конецъ августа. „Возчики отправляются въ путь весною цѣлымъ отрядомъ или караваномъ, переходы ихъ опредѣляются усталостью воловъ; останавливаются таборами и пускаютъ воловъ пастись на необитаемыя степи вокругъ дороги,—такимъ образомъ, они свершаютъ путь, не истративъ ни копейки". Въ иной день входило въ Одессу 500, 700 даже 1.000 возовъ, запряженныхъ волами. Отсюда возникали большія затрудненія съ водопоемъ для столь огромнаго количества скота. Воды въ колодцахъ едва хватало по нуждѣ туземныхъ обывателей, и вотъ приходилось искать ее Богъ знаетъ, какъ далеко. Къ тому же воды не только было мало, но она была и дурного качества. Поэтому изъ двухъ-трехъ тысячъ воловъ, вошедшихъ въ Одессу, то и дѣло пропадала большая часть отъ худого водопоя. „Надо бы противъ этой бѣды еще нарыть колодцевъ, а, въ частности, воспользоваться водою источника, который не слишкомъ далеко отъ города" (Большой фонтанъ?).

Найти въ Одессѣ суда для фрахта было очень трудно. Поэтому они фрахтовались обыкновенно въ тѣхъ портахъ Средиземнаго моря, въ которые должны были возвратиться съ одес-

скимъ грузомъ. Въ Ливорно фрахты на Одессу въ октябрѣ 1816 года таксировались туда и обратно отъ 4 до 5 лиръ съ мѣшка (sacco, около 1/3 четверти) плюсъ страховка въ 4 или 5 проц., „по обычаю ливорнезскому".

Заботы правительства объ экспортѣ выразились въ 1803 году пониженіемъ на 25% таможенныхъ ставокъ, во всѣхъ портахъ Чернаго моря, какъ на ввозъ, такъ и на вывозъ. Но дѣйствительною эта мѣра оказалась только для вывоза, пошлины котораго оплачивались государственными ассигнаціями. Ввозныя же пошлины, хотя и пониженныя на 25%, уплачивались непремѣнно голландскими риксдалерами, по курсу 140 копѣекъ, гораздо низшему ихъ дѣйствительной стоимости. Кромѣ чисто таможенной доходности, эта мѣра преслѣдовала цѣль—развить въ странѣ обращеніе серебряной монеты. Понятно, что раздобываться голландскими риксдалерами было не такъ-то легко для импортеровъ изъ портовъ Чернаго моря. Поэтому таможеннымъ было разрѣшено принимать уплату пошлинъ банковыми билетами, но съ громаднымъ учетомъ послѣднихъ: изъ—50% суммы, подлежащей оплатѣ. Если счетъ таможни равнялся 100 рублямъ, то, согласно указу, уплатѣ подлежали въ немъ только 75, но, по разницѣ принудительной и настоящей курсовой цѣны на риксдалеры, эти 75 рублей таможенныхъ равнялись 112 р. 50 коп. бумажнымъ. Такъ что 100 рублей пошлины для экспертера равнялись 75 рублямъ ассигнаціями, а для импортера—112 р. 50 к. Съ транзита одесскаго на Молдавію и Валахію, черезъ таможни Могилевскую и Дубоссарскую, на Австрію черезъ Радзивиловъ, на Пруссію черезъ Кекзинцы, ввозныя пошлины были сняты указомъ Александра I, а вывозныя взимались, на названныхъ таможняхъ, лишь въ размѣрѣ 1/8 обложенія, слѣдуемаго съ заявленной суммы. Кромѣ таможенныхъ пошлинъ платилась пошлина полицейская (Dazio di Polizia) въ размѣрѣ одного процента съ заявленной стоимости. Безъ этой уплаты нельзя было получить необходимую таможенную квитанцію (polizza di carico bollata). Другимъ одновременнымъ указомъ Александръ учредилъ въ Одессѣ товарное депо. Ввозимые товары могли оставаться въ складахъ депо, безъ уплаты пошлинъ, 18 мѣсяцевъ; пошлины и полежалое очищались только по продажѣ товара для ввоза внутрь имперіи. Это облегченіе имѣло тѣмъ больше значенія, что пошлины въ Россіи были высокія, и очищать ихъ немедленно для негоціантовъ значило вынимать изъ дѣла своего немалую часть оборотнаго капитала. Провозъ товаровъ внутри имперіи на колесахъ такси-

ровался 6 октября 1816 года въ 2 р. (ассигнаціями) съ пуда на Броды и въ $2^1/_2$ рубля—до Москвы.

Какъ въ Херсонѣ, такъ и въ Одессѣ, подобно тому, какъ и нынѣ въ левантинскихъ портовыхъ городахъ, находила широкое обращеніе монета иностраннаго чекана. Черезъ Броды и Константинополь въ Одессу притекали испанскіе піастры, талеры съ изображеніемъ Маріи Терезіи и голландскіе дукаты. Поэтому мѣняльный промыселъ былъ широко развитъ, но отличался такою же произвольностью курсовъ, какъ сейчасъ въ Салоникахъ, Бейрутѣ и т. п., гдѣ на одномъ рынкѣ одну и ту же монету можно размѣнять по тремъ разнымъ валютамъ. Мѣдной монеты было мало, и промѣнъ мѣди на ассигнаціи былъ добычею ажіотажа до учрежденія Александромъ I размѣннаго банка, обязаннаго принимать мѣдь и ассигнаціи al pari.

Еще въ 1804 году одесскій денежный рынокъ замкнутъ и хаотиченъ. Биржа или сходка (adunanza) негоціантовъ учреждена была въ Одессѣ одновременно съ самимъ городомъ, но она долго не имѣла твердыхъ курсовъ, открытыхъ на иностранные рынки. Въ октябрѣ 1816 года они были установлены, и напечатанъ былъ первый биржевой бюллетень (въ брошюрѣ онъ приведенъ), съ курсами ввоза и вывоза, по сдѣлкамъ, засвидѣтельствованнымъ биржевыми маклерами.

Можетъ быть, кого-нибудь заинтересуетъ вексельный курсъ перваго одесскаго биржевого бюллетеня.

Cambi di Odessa li 6 Ottobre 1816 V. S.
Vienna a 2 mesi data $41^1/_8$ a $41^1/_2$ Rubli.
Constantinopoli a 21 giorno vista $78^1/_2$ a 79.
Livorno d...... 4,68 a 4,67.
Genova 75 72.

Это, въ своемъ родѣ, была эра. Начиная съ 1816 года, расширяются страховыя операціи одесскаго рынка. Его состояніе начинаетъ внушительно отзываться на всѣхъ рынкахъ Средиземнаго моря, а въ особенности на Константинопольскомъ. „Въ настоящее время взоры всѣхъ спекулянтовъ въ портахъ средиземнаго бассейна—обращены въ сторону Одессы, и, по видимому, ея коммерція все будетъ рости и рости“ (ha la buona apparenza di un continovo aumento).

Авторъ брошюры особенно совѣтуетъ ѣдущимъ въ Одессу запасаться испанскимъ серебромъ (pezze forti), которое въ Одессѣ во всеобщемъ употребленіи, ходя по 260 копеекъ за монету. „А если пошлете по почтѣ въ Москву, съ страховкою

по $^1/_2$% со ста, то можете размѣнять по гораздо болѣе высокой валютѣ". Почта въ Одессѣ установилась правильно съ 1803 года, при чемъ итальянецъ хвалитъ ея дешевизну. „Плата за пересылку писемъ была уменьшена на половину"—противъ чего? Противъ общаго русскаго тарифа или прежняго мѣстнаго?—онъ не говоритъ. Контракты по срочнымъ поставкамъ свидѣтельствовались правительственнымъ маклеромъ. Должно быть, контракты соблюдались плохо, и управа на нарушителей была слабая. „Казалось бы приличнымъ,—говоритъ нашъ итальянецъ,—заставить русскихъ купцовъ исполнять свои обязательства (impegni) съ иностранными негоціантами съ тою же аккуратностью, которая требуется отъ купцовъ петербургскихъ; но возражаютъ на это: а ну, какъ—черезчуръ суровымъ примѣненіемъ закона—мы отобьемъ отъ Одессы охотниковъ завести въ этой новой колоніи коммерческія дѣла"? Столкновенія интересовъ на почвѣ коммерціи или судоходства подлежали разбирательству спеціальнаго Совѣстнаго третейскаго суда (Tribunale dei arbitri). Стороны выбирали своихъ судей, а если не могли согласиться о таковыхъ, то правительство назначало ихъ ex officio.

Авторъ хвалитъ живительный климатъ Одессы, здоровый воздухъ, мягкую температуру. „Безграничныя равнины, ее окружающія, очень плодородны, но не обработываются за недостаткомъ рукъ. Эти обширныя степи или пустыни, буквально голыя, въ которыхъ кругозоръ только горизонтомъ ограниченъ, совершенно лишены лѣсовъ. Поэтому городу недостаетъ дровъ для топлива". Число домовъ и магазиновъ, хотя и быстро умножалось, однако не успѣвало за приростомъ населенія, пополняемаго наплывомъ иностранцевъ, и прогрессомъ коммерческихъ оборотовъ. Поэтому квартирныя платы стояли высочайшія. Дороги были и съѣстные припасы, въ особенности, вся привозная. Наоборотъ, привозъ иностранныхъ товаровъ былъ каждую весну настолько обиленъ, что значительно превосходилъ потребности провинцій, непосредственно обслуживаемыхъ Одесскимъ портомъ. Бутылка лучшаго испанскаго вина стоила 2 р. ассигнаціями: по тогдашнему курсу—50 копеекъ серебр. Около того же фунтъ кофе мокка, а низшіе сорта—въ половину. Икра—5 рублей пудъ (22 ассигн.) и т. п. Навозили всего этого такъ много, что привозъ 1803 г. былъ не распроданъ къ веснѣ 1804. Ввозъ иностранныхъ водокъ въ Одессу былъ строжайше запрещенъ. Въ 1804 году Императоръ разрѣшилъ ввозъ рома, но обложилъ его высокою пошлиною.

Улицы юной Одессы были широкія и длинныя, но не мощенныя, и тысячи возовъ, ежедневно по нимъ проходившихъ, мѣсили на нихъ то грязь, то пыль, что не мало отравляло жителямъ существованіе. Желавшимъ строиться отводились даровые участки земли съ единственнымъ обязательствомъ построиться на нихъ въ теченіе двухъ лѣтъ; въ противномъ случаѣ участокъ отбирался. Въ энергически строющемся городѣ всегда чувствовалась недостача рабочихъ рукъ; правительство старалось привлечь ихъ въ Одессу всевозможными льготами и средствами поощренія. Упоминаетъ брошюра о томъ, какъ русское правительство и, въ частности, одесская администрація старались развить эмиграцію въ Новороссію изъ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи. Переселенцамъ давали домъ, пару воловъ, плугъ, снабжали ихъ земледѣльческимъ инвентаремъ по мѣрѣ надобности, а, главное, освобождали ихъ на 25 лѣтъ впередъ отъ налоговъ и рекрутчины.

Брошюра восхваляетъ одесскій портъ, но весьма отрицательно относится къ крѣпости, выстроенной генералъ-маіоромъ де-Больтою, и одобряетъ Ришелье, который обратилъ ее въ карантинъ, такъ какъ „крѣпость, расположенная на берегу моря, въ верстѣ отъ города, плохая защита послѣднему. Выстроена она очень хорошо, но валы (ramparі) слабоваты, а близость глубокаго оврага дѣлаетъ ее неспособною къ долговременной защитѣ“. Для того, чтобы поддержать соорудительныя средства города въ тяжелыхъ расходахъ по работамъ въ Карантинѣ (Lazzaretto) и Портѣ, императоръ Александръ, между прочими льготами и привилегіями, передалъ одесскому городскому обществу откупъ по продажѣ спиртныхъ напитковъ и десятую долю таможеннаго дохода, который уже въ 1803 г. достигъ 70.000 рублей. Очень хвалятъ итальянцы Карантинъ одесскій, скопированный въ статутѣ своемъ съ марсельскаго Bureau de la Santé. „Вамъ позволяютъ совершенно разгрузиться и принять обратный грузъ, 15 дней спустя послѣ вашего прихода, слѣдовательно, еще во время нашего карантина (считая таковой въ 35—40 дней). Затѣмъ, принявъ грузъ, вы можете отплыть—при условіи не сноситься съ городомъ. Всѣ эти порядки весьма благопріятны для торговли, а, между тѣмъ, нисколько не повредили покуда здоровью края,—настолько благоразумны и предусмотрительны принятыя противъ того мѣры“.

Вотъ, кажется, и все, что можно извлечь изъ итальянской одессофильской брошюры, которая видѣла и воспѣла, бряцая если не на лирѣ, то на счетахъ, зарю прекраснаго города, про-

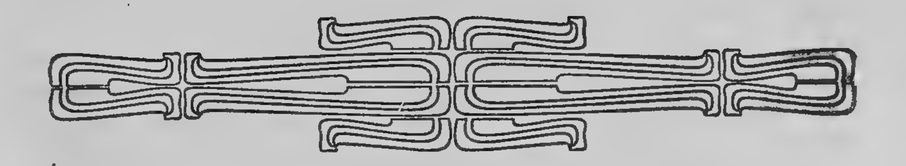
стоявшаго сто лѣтъ особнякомъ въ семьѣ русскихъ городовъ. Я почти не знаю Одессы, и потому для меня нечувствительны тѣ, можетъ быть, наивности, ошибки или маленькія лжи ради заманчивости, которыя авторы-итальянцы могли допустить по невѣжеству либо по черезчуръ послѣдовательному одессофильству и желанію заразить родную Тоскану своимъ энтузіазмомъ къ новому порту и хозяину его дюку де-Ришелье, „доказательствами благодѣяній и покровительства котораго засыпаны иностранцы, обильно обитающіе въ городѣ... Жители Одессы каждодневно благодарятъ судьбу свою съ тѣмъ, что у нихъ такой генералъ-губернаторъ“...

Ну, такъ слышите ль, ребята,
Какъ живали въ старину?
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Ваши дѣды и отцы!..

Тѣ читатели, которые изучали Аскольдовы вѣка Одессы, благоволятъ ужъ сами внести должныя поправки въ легенду, если таковая въ томъ нуждается, и обратить ее въ исторію.

Александръ Амфитеатровъ.

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ [1]).

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Въ теперешнихъ воспоминаніяхъ, больше всего у насъ держится въ памяти то удовольствіе, которое мы всѣ, юнкера, испытывали послѣ нѣсколькихъ недѣль слушанья лекцій, читавшихся для насъ профессорами Московскаго университета. Тогда же на первыхъ порахъ между нами ходило много разсказовъ о томъ, что Б. А. Шванебахъ, неустанно сновавшій по корридорамъ училища и не пропускавшій случая поговорить со встрѣчавшимися ему юнкерами, на вопросъ, который онъ задавалъ, то одному, то другому изъ нихъ,—довольны ли пребываніемъ въ заведеніи, получалъ отъ нихъ почти всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ, точно отъ сговорившихся: да, очень довольны, не находитъ словъ благодарить за лекціи, кои намъ читаются въ аудиторіи.

— Ну, слава Богу, отвѣчалъ Б. А., изъ этого я вижу, что Николай Васильевичъ Исаковъ очень кстати затѣялъ это дѣло и провелъ его для насъ; не имѣй онъ добрыхъ отношеній съ университетомъ, не сохрани ихъ и не позаботься о томъ, чтобы намъ подарить эти лекціи, никогда намъ не посчастливилось бы такъ въ этомъ отношеніи, не довелось бы послушать первыхъ и лучшихъ профессоровъ нынѣшняго времени;—въ добрый часъ, будемъ продолжать поучаться, добавлялъ при этомъ Б. А.

* * *

Николай Васильевичъ Исаковъ, въ то время (1863 г.) свиты Его Величества генералъ-маіоръ, занималъ постъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ 1840-мъ году онъ окончилъ

---

1) См. „Русск. Стар.“ апрѣль 1914 г.

курсъ ученья въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ офицеры въ одну изъ батарей полевой конной артиллеріи. По своему семейному положенію онъ, съ первыхъ дней своей службы, сталъ извѣстенъ Государю Императору Николаю Павловичу, находился вообще на виду и вскорѣ послѣ выпуска изъ Николаевской военной академіи, курсъ которой окончилъ въ первые же годы пребыванія въ офицерскихъ чинахъ,—былъ отличенъ назначеніемъ въ званіе флигель-адъютанта.

Послѣ исполненія различныхъ должностей въ штабахъ, онъ вообще обращалъ на себя вниманіе всѣхъ встрѣчавшихся съ нимъ по службѣ и, какъ выдѣлявшійся офицеръ, скоро былъ переведенъ въ свиту Государя. Здѣсь онъ былъ застигнутъ временемъ отправленія Его Величества въ венгерскую 1849 года кампанію, во время которой Государь призналъ необходимымъ находиться при арміи, когда Россія, по его державному велѣнію, взялась отстоять отъ захвата возставшей Венгріей престолъ юнаго австрійскаго императора Франца-Іосифа,—нынѣ, на закатѣ дней своихъ, уже не въ первый разъ поражающаго весь міръ самою черною неблагодарностью противъ Россіи, облагодѣтельствовавшей его, очевидно не въ добрый часъ совершенно не кстати. Молодой флигель адъютантъ Н. В. Исаковъ былъ взятъ на театръ военныхъ дѣйствій; тамъ былъ волею Царя отправляемъ въ разныя командировки, въ которыхъ точностью, исполнительностью, здравостью сужденій и умѣлостью своего обращенія снискалъ особое къ себѣ расположеніе Государя.

Къ времени вступленія на престолъ Государя Александра Николаевича, онъ уже, по своему старшинству въ чинахъ, подошелъ къ чину генералъ-маіора, въ каковой и былъ произведенъ въ день коронаціи 26 августа 1856 года, а затѣмъ, въ 1859 году, по указанію министра народн. просв. Евграфа Петровича Ковалевскаго, призванъ былъ въ должность попечителя Московскаго учебнаго округа [1]).

Въ 1862 году Государь намѣтилъ его къ назначенію на постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ должность, которую въ моментъ кончины Императора Николая I занималъ Государь, будучи Наслѣдникомъ, а впослѣдствіи занялъ ген.-ад. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Передавая эту должность генералу Исакову, Государь на

---

[1]) Е. П. Ковалевскій былъ призванъ на постъ министра въ 1859 году; ранѣе онъ состоялъ попечителемъ Моск. учебн. округа и только-что успѣлъ быть замѣщенъ Бахметевымъ, на мѣсто котораго и указалъ Н. В. Исакова.

него возложилъ исполненіе преобразованія военно-учебныхъ заведеній не безъ того, что въ назначеніяхъ Н. В. Исакова игралъ роль Я. И. Ростовцевъ при своей жизни. Извѣстно, что Яковъ Ивановичъ между прочимъ занималъ до самой своей кончины должность члена главнаго правленія училищъ при министрѣ народнаго просвѣщенія, какъ во времена А. С. Норова, такъ и подъ предсѣдательствомъ его преемника Е. П. Ковалевскаго; — въ этой должности онъ много потрудился вмѣстѣ со своимъ сочленомъ ген.-ад. П. Н. Игнатьевымъ; оба они хорошо знали и не мало отличали молодого Н. В. Исакова.

Такъ со словъ Б. А. Шванебаха всѣ мы и знали, что Ник. Вас. Исакову были мы обязаны полученіемъ возможности слушать по нѣкоторымъ наукамъ лекціи профессоровъ высшаго учебнаго заведенія,—Московскаго университета.

Въ 1866 году я былъ произведенъ въ офицеры. Лѣтъ черезъ двѣнадцать,—вскорѣ послѣ войны $187^7/_8$ годовъ, случилось мнѣ въ Петербургѣ заѣхать съ визитомъ къ знакомой дамѣ—вдовѣ штабсъ-ротмистра л. гв. конно-гренадерскаго полка Е. Н. Леонтьевой. Просидѣвъ съ полчаса, я уже собрался уходить, но услышалъ отъ нея до ласковости любезное приглашеніе подождать.

— Сейчасъ пріѣхалъ мой добрый знакомый—Ник. Вас. Исаковъ, я хочу васъ ему представить, сказала она.

Я приготовился начать свои возраженія, какъ вдругъ величественная, давно знакомая, красивая фигура генерала уже показалась на порогѣ.

— Зачѣмъ же представлять, сказалъ Ник. Вас., подходя къ ручкѣ красавицы Екатерины Николаевны,—мы съ капитаномъ давно знакомы и знакомы разносторонне: теперь познакомились по свитѣ, въ которой состоимъ сослуживцами, а были знакомы раньше,—съ тѣхъ поръ, какъ встрѣчались въ стѣнахъ Александровскаго военнаго училища,—обратился онъ ко мнѣ и очень любезно спросилъ:—вы помните ту нашу встрѣчу, когда отъ васъ я выслушалъ одинъ изъ первыхъ рапортовъ?

Дѣйствительно, въ первый годъ своей бытности юнкеромъ, я, будучи дежурнымъ по 3-ей ротѣ, раза два рапортовалъ ему, какъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, во время его наѣздовъ въ училище.

— Какъ же не помнить, сказалъ я. Генералъ Шванебахъ доложилъ вамъ тогда, какъ юнкера были довольны профессорскими лекціями, а также въ какой степени удачно и хорошо многіе изъ нихъ занимались записываніемъ за Соловьевымъ и за другими профессорами. Вы тогда со вниманіемъ разсмотрѣли

нѣкоторыя тетради и высказались о крайней полезности веденія тѣхъ записей; мы же считали себя безконечно обязанными вамъ за то, что вы устроили намъ эти лекціи...

— Это не я, нѣтъ, не я, вдругъ спѣшно перебилъ меня Н. В.; этимъ вы были всецѣло обязаны генералу Шванебаху.

— Какъ ген. Шванебаху? А онъ еще тогда намъ очень часто и опредѣленно указывалъ на васъ, а затѣмъ, не далѣе какъ третьяго дня, на очередномъ нашемъ товарищескомъ обѣдѣ, происходившемъ въ татарскомъ ресторанѣ, отъ начала до конца подтвердилъ, что именно вы затѣяли и устроили это дѣло, облагодѣтельствовавъ имъ насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ сознаться, что самому мнѣ это и въ голову не пришло; правда, я очень обрадовался, когда генералъ (въ ту пору впрочемъ еще полковникъ) Шванебахъ, явившись однажды ко мнѣ, подалъ мнѣ эту мысль, а затѣмъ обстоятельно развилъ возможность и указалъ важность этого нововведенія. Я очень охотно взялся переговорить съ профессорами, но только при помощи его же, Б. А. Шванебаха, мнѣ удалось убѣдить ихъ въ возможности этого съ той стороны, что слушатели способны воспринять и усвоить лекціи... Вы знаете, что изъ восьми профессоровъ, къ которымъ я обратился съ просьбой,—двое или трое наотрѣзъ отказались, да такъ никогда и не дали своего согласія; они остались при твердомъ нежеланіи „метать бисеръ". Не только большого, но громаднаго труда стоило Борису Антоновичу помочь мнѣ убѣдить тѣхъ, которые впослѣдствіи снабжали васъ знаніями,—они сначала тоже упорно отказывались; онъ ихъ уговорилъ и привлекъ къ чтенію; въ этомъ его неисчерпаемая заслуга. А что онъ, какъ вы подчеркиваете, сваливаетъ на меня,—это его манера; въ этомъ отношеніи и Государь его прекрасно знаетъ: „во всемъ, по словамъ Шванебаха, заслуга Слуцкаго, Юшенова, Исакова и кого угодно, только не его; онъ самъ, Шванебахъ, ничего не сдѣлалъ", говоритъ не рѣдко про него Государь. И еще у него есть привычка всегда во всемъ оправдать, защитить каждаго! Государь вспоминаетъ: случалось мнѣ противъ нѣкоторыхъ быть возстановленнымъ разными толками и слухами, доводившимися до меня, и только Шванебахъ, горячо отстаивая ихъ добрымъ словомъ, совершенно мирилъ меня съ ними. Всегда онъ за каждымъ найдетъ какую-либо заслугу; про себя ничего никогда не выставитъ; честь ему и слава, это рѣдко благородный начальникъ! такъ Государь высказывается о немъ при каждомъ удобномъ случаѣ...

Молчаливый, суровый Н. В. Исаковъ вообще казался намъ человѣкомъ не только въ высшей степени уравновѣшеннымъ, но и во всемъ спокойнымъ до равнодушія. Я очень удивился сильной экспансивности, проявленной имъ въ томъ его со мной разговорѣ; нельзя было не приписать этого присутствію и вліянію такой красивой, обаятельной дамы, какою являлась Екатерина Николаевна. Кромѣ красоты, любезности и ласковости, она вообще проявляла массу жизненной опытности и знаній, которыхъ начиталась и набралась въ безконечныхъ заграничныхъ путешествіяхъ; она часто подолгу живала въ Испаніи, во Франціи и въ особенности въ Англіи.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, при ней находились двое сыновей, воспитывавшихся въ Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ; впослѣдствіи они окончили курсъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и одинъ изъ нихъ получилъ большую извѣстность, сдѣлавшись правою рукою негуса Менелика II.

Кто не помнитъ Леонтьева, случайнаго абиссинскаго министра, игравшаго въ свое время видную роль!

Много носилась она со своими симпатичными сынками, сколько помнится, въ тотъ разъ она обратилась къ генералу Исакову относительно затрудненія, встрѣтившагося при переходѣ одного сына изъ класса въ классъ и просила назначить,— когда она могла бы къ нему, какъ начальнику военно-учебныхъ заведеній, заѣхать; въ отвѣтъ на это онъ, по-рыцарски, самъ заѣхалъ ее навѣстить съ полнымъ желаніемъ выслушать ея просьбу.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ случилось, при свиданіи съ Борисомъ Антоновичемъ, сообщить ему о томъ, какъ рѣшительно и твердо Н. В. Исаковъ отказывается принять на себя приписываемое ему дѣло приглашенія профессоровъ; онъ сконфузился, разсмѣялся, однако, въ смущеніи, продолжалъ сваливать все на Ник. Васильевича.

* * *

Изъ числа профессоровъ, великодушно взявшихъ на себя чтеніе намъ лекцій, мы заранѣе были крайне заняты личностью Сергѣя Михайловича Соловьева, уже тогда представлявшаго собою знаменитость.

Въ частности мы,—бывшіе воспитанники 1-го и 2-го Московскихъ корпусовъ, интересовались имъ больше всего по той причинѣ, что учителя, преподававшіе у насъ русскую исторію,

между прочимъ Сергѣй Михайловичъ Шпилевскій [1]), бывшій ученикъ Соловьева,—много разсказывали намъ объ его научныхъ трудахъ, объ принятыхъ имъ методахъ преподаванія и о взглядахъ его на исторію, какъ науку. Мы уже знали, что С. М. Соловьевъ, съ 1851-го года, ежегодно издавая по одному тому своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ", къ началу чтенія у насъ въ училищѣ лекцій, издалъ 12 томовъ и съ точною пунктуальностью, проявлявшеюся имъ всегда во всемъ,—аккуратно продолжалъ изъ года въ годъ издавать ихъ дальше. Мы также знали, что его преподаваніе и изученіе исторіи отнюдь не представляло собой простого перечисленія фактовъ исторіи или наименованія правителей странъ и главъ государствъ. Вообще мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали тогда же, изъ устъ самого Соловьева, услышать подведеніе подъ извѣстныя разсужденія всего того, что произошло въ нашемъ отечествѣ съ момента призыва нами Рюрика, Синеуса и Трувора. Поэтому мы приготовились все это слушать внимательно и слушали съ громаднымъ интересомъ его живое, нерѣдко поэтически излагавшееся, чтеніе. С. М. Соловьевъ читалъ намъ въ младшемъ классѣ курсъ новой всеобщей исторіи, а въ старшемъ—исторію Россіи,—все по установленной, утвержденной и извѣстной намъ программѣ.

С. М. Соловьеву шелъ въ то время сорокъ третій годъ. — Ничего не ожидая отъ Михаила Николаевича Капустина [2]), который долженъ былъ намъ читать „законовѣдѣніе", мы вдругъ какъ-то особенно раскрыли на него свои глаза и отдали его персонѣ свои юныя мысли. Извѣстно, какой перечень законовъ, свода ихъ и законодательныхъ документовъ преподавался въ кадетскихъ корпусахъ по утвержденнымъ программамъ этого предмета. Мы ихъ слушали послѣдній годъ не съ особенно большимъ вниманіемъ, и нельзя сказать, чтобы наука эта была у насъ въ громадномъ фаворѣ.

Когда довелось намъ слушать чтеніе Капустина, признаться сказать, не всѣмъ изъ насъ было ясно и одинаково понятно,— какимъ образомъ и для чего этотъ молодой тридцатипятилѣтній профессоръ, при чтеніи этой науки, вклеилъ въ нее и съ нею сцѣпилъ массу именъ ученыхъ,—экономистовъ, соціаль-

---

[1]) Впослѣдствіи видный профессоръ Казанскаго университета, а затѣмъ директоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея.

[2]) Впослѣдствіи онъ преподавалъ законовѣдѣніе Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу—нынѣ благополучно царствующему Государю Императору.

ныхъ реформаторовъ, энциклопедистовъ, позитивистовъ, философовъ. Однако мы ими сразу сильно заинтересовались. Казенная программа была отброшена въ сторону, а на составленномъ, вѣроятно съ одобренія высшей военной власти, профессоромъ Капустинымъ программномъ листкѣ, по которому мы были обязаны отвѣчать на репетиціяхъ и особенно на экзаменахъ, рябили дотолѣ незнакомыя намъ имена: родоначальника сенъсимонизма—Сенъ-Симона, его ученика Огюста Конта, Фурье, Оуэна, Прудона, д'Аламбера и друг.

Если ученіе иныхъ изъ этихъ господъ не было для всѣхъ насъ тогда одинаково понятно, то весь характеръ и тонъ преподаванія о нихъ насъ тогда сразу крайне заинтересовалъ и увлекъ, онъ втягивалъ насъ въ улавливанье всевозможныхъ свѣдѣній; мы съ особымъ удовольствіемъ набирали ихъ изъ его мастерски составлявшихся и не менѣе искусно сообщавшихся намъ крайне интересныхъ лекцій.

Все наше начальство, въ перебой, пользовалось свободной минутой для посѣщенія лекцій этого профессора; Б. А. Шванебахъ нерѣдко на нихъ просиживалъ, а послѣ того старался вести съ нами бесѣды о пройденномъ, давалъ намъ не мало поясненій и еще больше развертывалъ предъ нами интересъ къ новой для насъ наукѣ. И онъ и другіе разспрашивали насъ,—насколько все это для насъ интересно и понятно; кромѣ того сами себѣ они задавали вопросъ,—дѣйствительно ли все слышанное нами приносило намъ ту пользу, которой несомнѣнно профессоръ ожидалъ, вводя эти знанія въ нашъ курсъ и выбирая ихъ изъ того, что онъ въ университетѣ преподавалъ въ читавшемся имъ тамъ курсѣ международнаго права.

Лекціи профессоровъ Бабста, — по статистикѣ и Лясковскаго—по химіи чрезвычайно привлекали наше вниманіе, — и какъ новыя для насъ науки, начинавшіяся нами съ этого класса, и какъ науки, читавшіяся намъ съ особымъ искусствомъ: Бабстъ вводитъ массу таблицъ и цифровыхъ данныхъ, неизвѣстныхъ намъ до того времени и съ новыхъ точекъ освѣщавшихъ разные факты и событія; Лясковскій же занималъ насъ крайне интересными химическими опытами и манипуляціями; и, если теперь иногда можетъ намъ казаться что онъ своими опытами дѣйствовалъ на насъ, какъ фокусами на дѣтей, то во всякомъ случаѣ тогда мы именно изъ-за этого чувствовали вовлеченіе себя этимъ самымъ въ болѣе серьезное усвоеніе преподававшагося намъ курса этой науки.

Надо помнить, что тѣ годы были годами особаго развитія

обѣихъ этихъ наукъ—статистики и химіи, каждая изъ нихъ, сама по себѣ, въ тѣ именно годы подвигалась усиленно впередъ [1]).

Казалось намъ тогда, что жаль было того времени, которое доводилось нерѣдко тратить на слушаніе чтеній профессора Юркевича: онъ былъ, видимо, хорошій ученый, богатый даромъ слова, надѣленный вообще способностями, всѣ силы свои направлялъ къ тому, чтобы насъ своимъ чтеніемъ заинтересовать, но представлялось вполнѣ яснымъ, что мы не доросли тогда до умѣнья вполнѣ схватить положенія преподававшихся намъ этимъ профессоромъ наукъ—логики и психологіи; мы терялись въ разборѣ преподававшагося намъ въ нихъ матеріала и съ легкостью, быть можетъ въ нѣкоторой степени предсудительною, какъ бы успокоивались на томъ, что науки тѣ являлись крайне сухими.

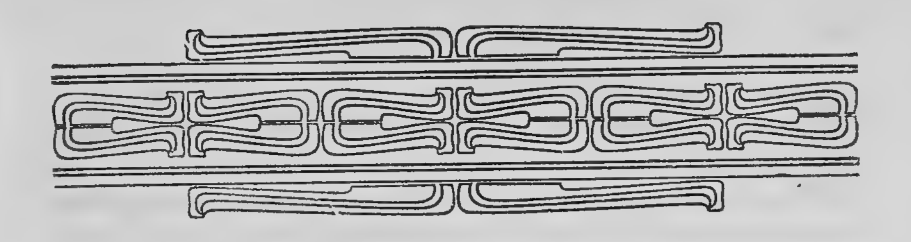
Вообще же обо всѣхъ чтеніяхъ профессоровъ у насъ возбуждалось тогда очень много разнообразныхъ разговоровъ; они насъ непривычно оживили, заставивъ предаваться совершенно новымъ для насъ сужденіямъ и давъ пищу небывалому нарожденію того развитія, которое ясно показывало въ насъ усиленную работу мысли, а также возбужденіе большей и большей жажды знаній. Впечатлѣніе было такое, что весь нашъ кругозоръ съ теченіемъ времени быстро становился шире; массу сочиненій, мало доступныхъ нашему пониманію и даже вовсе непонимавшихся нами, стали мы прочитывать съ большой легкостью и съ полнымъ интересомъ,—пересказывали мы другъ другу прочитанное, торопились дѣлиться вновь пріобрѣтавшимися знаніями, съ жадностью схватывая отъ другихъ то, что они вычитывали и чѣмъ они могли съ нами дѣлиться.

Такимъ образомъ, не забывая совѣта Б. А. Шванебаха, мы больше и больше „поучались", знаній набирались и благодарили судьбу, которая такъ щедро намъ все это послала. Все это мы очень цѣнили, а если о чемъ теперь приходится жалѣть, то лишь о томъ, что не такъ долго продолжалось это чтеніе такихъ „учителей" (съ переходомъ черезъ два года въ Мих. артил. учил. мы этого лишились).

К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Статистическіе конгрессы, теорія Кетле, нашъ центральный статистическій комитетъ, статистическій совѣтъ, работы К. Арсеньева, Бабста, Тройницкаго, А. Бушена. По химіи успѣшныя работы Менделѣева, Бутлерова, Попова (А. Н.) (Казань, Варшава).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.[1])

Глава XXX.

Эгейское море шумѣло и ревѣло бурями и штормами осенняго равноденствія. Волны съ протяжнымъ стономъ, толкая другъ друга, бросались къ подножіямъ скалъ Архипелага, шептались между собой, уходили неизвѣстно куда возвращались обратно легіонами и разсказывали намъ о томъ, что слышали онѣ у береговъ европейскаго материка Турціи.

Съ воцареніемъ Абдулъ-Гамида паша сконфуженная дипломатія ушла еще дальше за кулисы прелестныхъ декорацій на Босфорѣ. Новый султанъ также покинулъ роковую арену Дольма-Бахче, гдѣ все еще бродили, какъ ему казалось, грозные фантомы, игравшіе судьбами оттоманскаго трона, побѣдителя древней Византіи, и удалился въ Кіоскъ „Звѣзды" [2]) подъ охрану албанской стражи, не довѣряя своей особы туркамъ, захваченнымъ тогда психозомъ дворцовыхъ переворотовъ. Окруживъ себя людьми, беззавѣтно ему преданными, онъ сразу выигралъ, такимъ образомъ, нѣсколько лишнихъ шансовъ противъ ночныхъ визитеровъ съ ножницами въ карманахъ...

Здѣсь будетъ кстати добавить такую интересную подробность изъ интимной жизни султана Гамида въ новой его резиденціи, служившей при Абдулъ-Азисѣ лѣтней дачей и получившей свое названіе въ честь любимой его одалиски, прекрасной черкешенки „Ильдызъ". Но Абдулъ-Гамидъ превратилъ это убѣ-

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1912 г.
[2]) Звѣзда по-турецки „Ильдызъ"—отсюда Ильдизъ-Кіоскъ.

жище богини любви въ сложную крѣпость, за стѣнами которой населеніе въ 15.000 человѣкъ окружало повелителя мусульманскаго міра.

Проникнуть за ограду этой цитадели, минуя стражу вѣрныхъ албанцевъ, не было ни малѣйшей возможности: черезъ каждые нѣсколько шаговъ стояли они за внѣшними стѣнами Ильдызъ-Кіоска; вокругъ зданій дворца и у каждой двери аппартамента дежурили тѣлохранители зейбеки, арнауты, лазы, черкесы безусловно преданные до обожанія своему господину. Они также всѣми фибрами своей души раздѣляли глубокую антипатію Абдулъ-Гамида къ прогрессивному Мидхатъ-пашѣ, забравшему себѣ тогда привилегію мѣнять султановъ по личному усмотрѣнію.

Если еще добавить къ сказанному, что нѣсколько сотъ евнуховъ и черныхъ рабовъ съ великолѣпно дрессированными собаками обходили дозоромъ обширные сады, окружавшіе резиденцію падишаха, то картина этого вооруженнаго лагеря говорила сама за себя. Къ тому же людямъ, о которыхъ я говорю сейчасъ, такъ хорошо платили, такъ хорошо имъ жилось подъ крыломъ намѣстника пророка на земномъ шарѣ, что мысль о предальствѣ не могла даже родиться съ ихъ стороны.

Но мятежная душа Абдулъ-Гамида не знала покоя, блуждая въ области грозныхъ явленій и призраковъ убійцъ его дяди.

А между тѣмъ истина требуетъ сказать, что манія преслѣдованія, которой несомнѣнно былъ захваченъ Абулъ-Гамидъ имѣла свое оправданіе. Дѣло въ томъ, что по установленному обычаю оттоманскаго двора царствующій султанъ изъ предосторожности не имѣетъ постояннаго аппартамента, гдѣ бы онъ спалъ и работалъ всегда, какъ обыкновенный смертный: онъ проводитъ ночь въ одной изъ комнатъ своего обширнаго дворца или въ спальнѣ у какой-нибудь одалиски, а гдѣ именно, объ этомъ знаетъ только одинъ главный евнухъ его гаремовъ.

Такого порядка держался и Абдулъ-Азисъ, что однако не спасло его отъ руки предателя, открывшей двери заговорщикамъ въ роковую для него ночь 30 мая 1876 года, а иначе Редифъ-пашѣ не пришлось бы такъ легко и свободно найти свою жертву въ лабиринтахъ обширнаго зданія.

Все это было слишкомъ хорошо извѣстно Абдулъ-Гамиду, и онъ принималъ мѣры, чтобы довести сложную систему охраны его личности до возможнаго совершенства.

Первые дни царствованія этого монарха были ознаменованы перемиріемъ на двѣ недѣли съ Черногоріей и Сербіей: Керимъ-

паша вернулся къ своимъ позиціямъ, а въ армію Черняева стали прибывать наши волонтеры; но Марсъ уже ковалъ другой мечъ для европейской войны на берегахъ Дуная, и „неизбѣжное должно было совершиться“, какъ увѣряли сановники Порты, когда генералъ Игнатьевъ, пользуясь временнымъ затишьемъ на Балканахъ, предложилъ разрѣшить славянскій вопросъ, не поднимая снова оружія путемъ мирныхъ соглашеній и не нарушая суверенныхъ правъ Оттоманской имперіи.

На это султанъ отвѣтилъ, что миръ онъ подпишетъ остріемъ меча въ Бѣлградѣ и на вершинѣ „Черной Горы“.

Такимъ образомъ, Блистательная Порта, чрезмѣрно увѣренная въ безкорыстной дружбѣ западныхъ державъ, не шла ни на какія уступки съ нашей дипломатіей, а борьба съ оружіемъ въ рукахъ во славу знамени Полумѣсяца казалась ей весьма желательной и единственнымъ выходомъ изъ критическаго положенія государства.

Тѣмъ временемъ башибузуки и черкесы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на голосъ общественной совѣсти, продолжали свою ужасную работу въ Болгаріи и Македоніи при благосклонномъ участіи авторовъ конституціи.

Тогда наша дипломатія предъявила турецкому правительству ультиматумъ, въ которомъ было заявлено требованіе отозвать съ театра возстанія Малоазіатскіе редифы, совершавшіе злодѣянія надъ мирнымъ населеніемъ Балканскихъ вилайетовъ.

Документъ этотъ прочитали тамъ, гдѣ слѣдовало, а затѣмъ, вѣроятно, бросили въ корзину подъ столъ — съ нами тогда не церемонились...

Чтобы задержать движеніе турецкой арміи къ Бѣлграду и, такимъ образомъ, подойти вплотную къ рѣшенію вопроса о мирѣ, генералъ Игнатьевъ кончилъ тѣмъ, что пустилъ въ ходъ угрозу покинуть территорію Оттоманской имперіи, а для апоѳеоза своего ультиматума перебрался даже на стаціонеръ, какъ бы отплывая въ Россію. Но вся шумиха эта ровно ничего не измѣнила въ планахъ и комбинаціяхъ тѣхъ, кто безъ всякихъ церемоній тащилъ насъ къ берегамъ Дуная съ тѣмъ, чтобы трофеи побѣдителя, кто бы онъ ни оказался, раздѣлить между собой, такъ какъ прежде всего обѣ зачинщицы, поднявшія знамя возстанія, Боснія и Герцоговина, чрезвычайно нравились „рыжему швабу“ [1]. Мы теперь это знаемъ, но въ

[1]) Австрія.

тѣ времена роль Австріи была какъ-то затушевана, и наша дипломатія не совсѣмъ понимала ее. Это фактъ, и къ нашему глубокому прискорбію онъ существовалъ.

Впрочемъ, я должна здѣсь оговориться: вся бѣда заключалась въ томъ, что не понималъ ее главный руководитель нашей политики, свѣтлѣйшій князь Горчаковъ, а тамъ на мѣстѣ все-таки разбирались кое-какъ въ потемкахъ этой дипломатической комедіи на берегахъ Босфора.

Для иллюстраціи сказаннаго достаточно будетъ, если я передамъ здѣсь мои воспоминанія объ одномъ великосвѣтскомъ раутѣ, гдѣ присутствовали и наши посольскіе чиновники.

Въ началѣ августа 1876 года, въ тревожные и смутные дни царствованія Мурада, мы были въ Константинополѣ. Эта поѣздка уже описана мною въ XXIV главѣ настоящей книги, а теперь я снова возвращаюсь къ ней.

Лѣтній сезонъ продолжался: въ роскошныхъ виллахъ—дворцахъ европейскихъ посольствъ танцовальные вечера, рауты смѣнялись на утро блестящими кавалькадами за городъ, веселыми экскурсіями на Малоазіатскій берегъ и другими затѣями великосвѣтскаго общества.

Въ число „избранныхъ“ попали и мы, какъ принадлежавшіе къ семьѣ дипломатическаго корпуса, и, такимъ образомъ, я была на раутѣ французскаго посла графа Боргоэнъ.

По роскошной анфиладѣ комнатъ, ярко освѣщенныхъ огнями люстръ и кенкетовъ, двигалась нарядная толпа гостей: дамы въ шикарныхъ туалетахъ; морскіе офицеры, расшитые мундиры турецкихъ пашей, ихъ адъютанты, изъ которыхъ многіе были польскіе эмигранты и венгерцы; знатные иностранцы-туристы, а также мѣстные богачи-коммерсанты и банкиры. Здѣсь же проводили время въ интимныхъ бесѣдахъ съ дипломатами Мидхадъ, Саффетъ, Рушди, Эдхемъ, Нури, Серверъ-паши и другіе, имена которыхъ ежедневно украшали столбцы газетъ всего міра.

Но центромъ вниманія общества служилъ Гобартъ-паша, чистокровный англичанинъ, приглашенный послѣ Крымской войны командовать турецкимъ флотомъ. Въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, въ малиновой фескѣ на головѣ, какъ всѣ иностранцы, состоявшіе на службѣ у Оттоманскаго государства, адмиралъ показался мнѣ сначала даже комичнымъ въ своемъ недосягаемомъ величіи: прямой, какъ палка, скрестивъ руки на груди и не сгибая колѣнъ, онъ двигался между нами, точно

статуя командора, вызванная Донъ-Жуаномъ на пиръ къ живымъ людямъ.

Меня окликнулъ дядя именно въ тотъ моментъ, когда я съ исключительнымъ вниманіемъ разсматривала фигуру турецкаго адмирала, о которомъ Стамбульская пресса говорила, что онъ разнесетъ нашъ флотъ въ пухъ и прахъ, если Россія объявитъ войну имперіи падишаха.

— Marie зоветъ тебя—не хочешь ли закусить? — спросилъ дядя,—идемъ въ буфетъ: мы тамъ своей компаніей заняли отдѣльный столикъ.

Я послѣдовала за нимъ. Въ обширной галлереѣ дворца куда мы вошли, былъ сервированъ холодный ужинъ à la fourchette. За однимъ изъ столовъ, убранныхъ вазами съ цвѣтами и фруктами, сидѣла моя тетушка Marie, Ону съ женою, Макѣевъ, attaché посольства Гриневъ и какой-то сильный брюнетъ греческаго типа, Аристархъ Варваци, какъ мнѣ назвали его. Я заняла мѣсто рядомъ съ госпожей Ону и вся обратилась въ слухъ, такъ какъ собесѣдники передавали другъ другу очень интересныя новости; но больше всего говорили о Мидхатъ-пашѣ.

— Въ концѣ концовъ онъ сломитъ себѣ шею на этихъ авантюрахъ, — продолжалъ Ону: — „турецкая республика“ и Мидхатъ—президентъ?!.

— А кто же будетъ замѣщать „пророка“ на землѣ? Кто, будетъ калифомъ?—улыбаясь, спросилъ дядя.

— Почему и не такъ?! Вспомните сказку Шехерезады „Калифъ на часъ“,—возразилъ Гриневъ.

— Неужели онъ зашелъ такъ далеко?—спросила Marie, въ тонѣ грустнаго недоумѣнія.

— Ну, а какъ онъ устроилъ бы дѣло съ „тѣнью Аллаха“, которой полагается лежать только на лицѣ падишаха?! — задорно перебилъ Гриневъ съ громкимъ смѣхомъ.

— Ахъ! онъ такой ловкій дипломатъ, — подалъ реплику всегда остроумный Макѣевъ, — ну, отразитъ ее на собственной физіономіи—вотъ и все!..

— Нѣтъ, до президентства ему не дойти,—убѣжденно заговорилъ серьезный Ону:—а что конституція будетъ подписана—это вѣрно и очень даже скоро...

— А! Максимовъ и Вурцель! надо пригласить ихъ въ нашу компанію — не правда-ли? — обращаясь къ намъ, спросилъ Гриневъ, замѣтивъ въ толпѣ передъ однимъ изъ буфетовъ своихъ

товарищей. И онъ еще разъ окликнулъ ихъ. Оба подошли къ нашему столу и усѣлись за нимъ.

— Откуда такъ поздно?—спрашивали ихъ.

— Катались по Босфору,—угрюмо отвѣтилъ желчный Максимовъ, видимо чѣмъ-то раздраженный. За то веселый, жизнерадостный Д. Вурцель такъ и сіялъ улыбками. Онъ принесъ въ своихъ карманахъ цѣлую коллекцію памфлетовъ и каррикатуръ, перлы остроумія левантійской печати, гдѣ каждая строка дышала злобой на Россію, и гдѣ разсказывали невѣроятныя вещи о „Московскомъ правительствѣ".

— Ну, и гадость какая! — закипѣлъ негодованіемъ маленькій, живой, какъ ртуть, П. Б. Максимовъ, картавя и дѣлая энергичные жесты, при чемъ нѣсколько листковъ полетѣли со стола. Интересно было бы знать, — продолжалъ онъ угрюмо,— кто стряпаетъ всю эту мерзость?..

— Ахъ, какая наивность! — перебилъ Вурцель, — точно не знаете?

— Положимъ, что знаю! — согласился Максимовъ, — а все-таки не могу заставить себя думать иначе — мерзость и подлость!..

— Никто и не собирается оспаривать ваши афоризмы, отвѣтилъ Макѣевъ: — подлость, какъ ни разсматривай ее, хотя бы въ микроскопъ, тѣмъ не менѣе останется подлостью...

— Нѣтъ! нѣтъ!—какъ бы продолжая свою мысль, говорилъ Максимовъ,—такъ нельзя: съ нашимъ Горчаковымъ мы далеко не уйдемъ: это человѣкъ фразы и безграничнаго самообожанія...

— „La Russie ne boude pas, mais se recueille"—что можетъ быть эффектнѣе?!.—добавилъ Гриневъ, дѣлая серьезное лицо, тогда какъ ему хотѣлось смѣяться и шутить.

— Да, дѣйствительно, на эффектахъ далеко не уѣдешь,—замѣтилъ Ону,—а какъ обидно сознавать, что эти трескучіе, свѣтовые эффекты не даютъ хода серьезной работѣ здѣсь и приходится только лавировать. Но истина въ томъ, что теперь всѣ дороги ведутъ не въ Римъ, какъ говорили прежде, а въ Берлинъ, именно въ Берлинъ, господа,—подчеркнулъ онъ, замѣтивъ на лицахъ собесѣдниковъ нѣмой вопросъ, такъ какъ германскаго вліянія на зыбкой почвѣ Балканскаго вопроса въ тѣ времена не существовало.

— Въ Берлинъ?!—повторилъ какъ эхо Варваци, мѣстный уроженецъ и владѣлецъ обширныхъ факторій въ Малой Азіи. Видимо ему доставляло большое удовольствіе то обстоятельство, что онъ, простой коммерсантъ, и вдругъ попалъ въ сферу закол-

дованнаго круга посольскихъ чиновниковъ, съ которыми можно было вести бесѣду, какъ съ обыкновенными людьми.

— Вѣроятно, мнѣ такъ кажется, извините пожалуйста, вы хотѣли сказать, что всѣ дороги ведутъ теперь въ Лондонъ, а не въ Берлинъ?—смущаясь, говорилъ онъ,—я, напримѣръ, не вижу здѣсь ни одного нѣмца, за исключеніемъ барона Вертера, германскаго посла и его штата, а въ Малой Азіи у насъ даже не имѣютъ о нихъ понятія—знаютъ, что Бисмаркъ взялъ Наполеона III въ плѣнъ—только и всего...

— Только и всего?—безстрастно повторилъ Ону и обратился къ дядѣ съ какимъ-то вопросомъ о Хіосѣ. Между ними завязался дѣловой разговоръ, а я принялась за газетные листки, принесенные Вурцелемъ.

— Ну, вотъ и наши старые знакомые!—передавая мнѣ одинъ изъ рисунковъ, хохоталъ Гриневъ, и такъ громко, что всѣ находившіеся за другими столиками, поворачивали головы въ нашу сторону.

— Вѣроятно „le knout, les cosaques“?—улыбаясь, спросила моя тетушка.

— Нѣтъ! нѣтъ! здѣсь уже варіантъ—не угодно ли!—отвѣтилъ ей Гриневъ, указывая на изображеніе фигуръ кн. Горчакова, Биконсфильда и Андраши...

Правда, и обидно казалось намъ все это, а тѣмъ не менѣе нельзя было также и не сказать, что въ иллюстраціи, о которой идетъ рѣчь, нашъ блистательный князь находилъ себѣ вѣрное отраженіе.

Исторія уже давно нарисовала его портретъ; но тогда въ дипломатическихъ кругахъ о немъ разсказывали много анекдотовъ. О Бисмаркѣ, напримѣръ, какъ говорили въ посольствѣ, онъ выражался такъ: „ахъ, этотъ шутъ гороховый—я ему покажу, гдѣ раки зимуютъ“. Или еще: „я далъ понять этой нѣмецкой колбасѣ, что ему ровно нечего дѣлать на Балканахъ—онъ знаетъ, что со мной шутки плохи“... Къ несчастію, на Берлинскомъ конгрессѣ ему пришлось говорить „съ нѣмецкой колбасой“ уже другимъ языкомъ...

Соль карикатуры заключалась въ томъ, что за спиной вѣнскаго дипломата сидѣлъ Бисмаркъ и показывалъ оттуда Горчакову популярную въ нашемъ житейскомъ обиходѣ комбинацію изъ трехъ пальцевъ, а внизу, подъ фигурой „великолѣпнаго князя“ стояло знаменитое его изреченіе: „и эти пигмеи воображаютъ себѣ, что могутъ провести меня“!..

— Австрія, собственно говоря, большая дура!—разсматривая картинку, сказалъ Максимовъ:—она не замѣчаетъ даже, что на ея плечахъ ѣдетъ къ Средиземному морю самъ господинъ Бисмаркъ, а не генералъ Игнатьевъ, какъ мерещится ей во снѣ и на яву...

— И охота же вамъ, господа, заниматься политикой?—окликнула насъ проходившая мимо хозяйка дома, графиня Боргоэнъ:—будемъ лучше танцовать, а міровые вопросы оставимъ пока до времени...

— Вы правы, какъ и всегда, графиня, — отвѣтилъ ей Макѣевъ.

Она улыбнулась и граціознымъ жестомъ руки пригласила насъ слѣдовать за ней.

Стеклянная веранда, куда мы вошли, была освѣщена цвѣтными фонарями, музыка гремѣла и пары кружились, словно мотыльки вокругъ огня.

Глава XXXI.

Вслѣдъ за окончаніемъ перемирія Абдулъ-Гамидъ снова двинулъ свою армію въ предѣлы Сербіи и Черногоріи: Керимъ-паша развернулъ наступательныя дѣйствія къ Алексинацу, а затѣмъ уже ничто не могло остановить его побѣдоноснаго шествія на столицу князя Милана.

Такъ закончилась первая глава исторіи царствованія Абдулъ-Гамида, а слѣдующая за ней уже обнимаетъ эпоху дарованной имъ конституціи и паденія всемогущаго диктатора Мидхатъ-паши.

Но такъ какъ я веду разсказъ о своихъ чисто субъективныхъ впечатлѣніяхъ, то оставляю пока арену борьбы на Балканахъ и возвращаюсь опять въ Хіосъ, откуда и пришлось наблюдать ходъ міровыхъ событій до момента объявленія нами войны Турецкой имперіи.

Послѣ раута у Кіамиль-паши въ честь воцаренія Абдулъ-Гамида, а именно на другой день, въ понедѣльникъ утромъ, меня разбудили и передали записочку отъ Элиме съ такимъ содержаніемъ: „Вчера мы только смотрѣли издали, какъ веселились франки, а сегодня паша разрѣшилъ и намъ устроить пирушку въ гаремѣ для нашихъ друзей, въ числѣ которыхъ просимъ и васъ пожаловать къ намъ—будетъ музыка и танцы баядерокъ. Гости соберутся къ 5 часамъ, но если вы придете раньше; то я сообщу вамъ „удивительную новость“, о которой еще никто пока не знаетъ“...

— Вѣроятно, какая-нибудь сплетня,—думала я, читая эти строки и раздражаясь противъ ихъ автора:—ну, чѣмъ она можетъ удивить меня, когда все уже сказано и все рѣшено безповоротно...

Тетушка моя получила отдѣльное приглашеніе; но, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, она уполномочила меня замѣнить ея особу на раутѣ у губернаторши. Я не заставила себя ждать и къ назначенному времени была уже въ гаремѣ.

— Бѣдный, бѣдный ягненочекъ! Значитъ, такова священная воля Аллаха!—говорила нараспѣвъ красавица Ашима, обмѣниваясь со мной привѣтствіями.

— Въ Коранѣ сказано, что Аллахъ не любитъ франковъ,— угрюмо добавила толстая Базя:—вотъ оно такъ и случилось!..

— Не всѣхъ, не всѣхъ!—возразила ей добродушная Лазя.

— Ну, конечно, не всѣхъ, а только злыхъ и обманщиковъ,— подтвердила Ашима.

— Да въ чемъ дѣло? что случилось? Элиме, вы писали мнѣ о какой-то „удивительной новости?“ улыбаясь, спрашивала я съ дѣланнымъ равнодушіемъ, чтобы не дать ей замѣтить моего волненія.

— А! вамъ кажется смѣшно?!—блеснувъ на меня своими хищными глазами, отвѣтила она:—ну, вотъ увидимъ дальше, какъ-то вы будете смѣяться?!.

— Тогда скажите въ чемъ дѣло, а затѣмъ уже торжествуйте побѣду,—возразила я.

Ашима, укоризненно взглянувъ на меня, покачала своей прелестной головкой,—видимо ей хотѣлось что-то объяснить мнѣ,—но Элиме перебила:

— Если бы вы поменьше ломались и не важничали бы такъ, не скрывали вашихъ секретовъ отъ меня, то, конечно, все уже давно было бы устроено! А теперь,—продолжала она въ тонѣ судьи, облеченнаго властью карать и миловать,—вамъ придется „собирать жатву послѣ бури“ [1]), такъ какъ вашъ прекрасный бей на дняхъ уѣзжаетъ въ армію, и только одному Аллаху извѣстно, какъ тяжело мнѣ будетъ, если вы умрете отъ горя...

— Напрасно безпокоитесь!—былъ мой отвѣтъ,—умирать, какъ видите, еще не собираюсь! А о томъ, что Тафти-бей уѣдетъ на Балканы, я уже знала вчера...

Это несказанно озадачило турчанокъ:

[1]) Турецкая поговорка.

— Что-о-о?! что вы сказали?!—протянули онѣ и какъ на пружинахъ завертѣлись вокругъ меня.

Я повторила мои слова.

— Нѣтъ! вы не могли этого знать вчера, такъ какъ бумага изъ Константинополя получена сегодня утромъ,—теряясь въ догадкахъ, возражала Элиме.

— Да! вы не могли знать этого,—робко подала свой голосъ Ашима.

— Здѣсь что-то другое?!—размышляла моя турецкая подруга:—или вы гадали на картахъ и узнали, или же вамъ приснилось, какъ тогда, передъ затменіемъ луны?..

— Ай, какъ страшно—она колдуетъ опять!—прошептала за моей спиной толстая Базя и шарахнулась въ сторону.

— Нѣтъ, зачѣмъ приснилось!—еле сдерживая себя, чтобы не расхохотаться, говорила я,—у насъ есть такая книжка и по ней можно читать будущее...

Турчанки боязливо переглянулись между собой.

— А! календарь!—нашлась моя собесѣдница,—вотъ откуда вы узнали... но тамъ пишутъ ученые?—презрительно добавила она.

— Нѣтъ, другая!—возразила я этой дѣвицѣ, для которой слово „ученый" было синонимомъ дьявола,—и называется она астрологіей...

— Чего только на свѣтѣ не бываетъ по волѣ Аллаха и его пророка,—отозвалась губернаторша, лишь бы сказать что-нибудь пріятное своей гостьѣ; но Элиме не сдавалась еще:

— Астрологія?.. астрологія?—повторяла она, какъ бы не довѣряя, что такое мудреное слово могло существовать на человѣческомъ языкѣ:—дѣйствительно, по волѣ Аллаха и камни говорятъ—въ Коранѣ я сама читала объ этомъ... Значитъ, и моя судьба написана въ астрологіи?..

— Ну, да!—подтвердила я, забавляясь ея невѣроятной глупостью,—и ваша такъ же, какъ и всѣхъ людей...

Она хотѣла что-то сказать или спросить, но ее перебили: евнухъ распахнулъ двери, и вошла дама безъ яшмака на лицѣ—слѣдовательно, христіанка.

Вся комната вдругъ огласилась шумными восклицаніями на арабскомъ говорѣ; обѣ хозяйки дома бросились обнимать,

цѣловать ее, точно она свалилась къ нимъ прямо съ неба, а невольницы прикасались губами къ ея платью и визжали отъ избытка чувствъ.

— Это подруга матери нашей ханумъ,—возвращаясь ко мнѣ, разсказывала Элиме,—она такая же франка, какъ и вы, а мужъ ея, военный докторъ. Они пріѣхали изъ Алеппо, а теперь будутъ жить здѣсь. Мы очень любимъ Атину—она добрая, хорошая!..

— Вотъ какъ?! мужъ этой дамы турокъ?—сорвалось у меня невольно громкимъ восклицаніемъ...

— Нѣтъ: Даула-эфенди французъ и жена его также—разсѣянно отвѣтила турчанка, видимо уклоняясь отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, тогда какъ мнѣ, наоборотъ, хотѣлось еще поговорить на эту тему.

— Даула?—переспросила я,—а какъ зовутъ его?

— Измаилъ-эфенди,—отвѣтила она.

— Имя и фамилія чисто арабскія,—возражала я.

— „Даула", на этомъ словѣ каждый французъ вывернетъ себѣ языкъ.

— А это потому такъ случилось,—убѣжденно сказала она,—что оба они, мужъ и жена, родились въ Сиріи и тамъ заставили ихъ принять греческую вѣру отъ патріарха...

— Ай,—какіе анекдоты разсказываете вы, Элиме!—не сдерживая громкаго смѣха, перебила я:—впрочемъ, не все ли равно, что они вдругъ оказались „православными французами" Даула—тѣмъ лучше для нихъ...

Но я не договорила мысли: въ томъ моментъ забѣгали евнухи и рабыни, двери распахнулись, и въ рамкахъ ихъ обрисовались фигуры турецкихъ дамъ, закутанныхъ въ широкіе плащи и въ бѣлыхъ яшмакахъ на лицахъ. Элиме пошла встрѣтить ихъ, и, такимъ образомъ, раутъ былъ открытъ.

Тогда началась церемонія „Селяма" по всѣмъ правиламъ восточнаго гостепріимства: хозяйки говорили изысканные комплименты, а имъ отвѣчали изреченіями изъ Корана съ призываніемъ имени пророка и его благословенія.

А тѣмъ временемъ, пока моя собесѣдница еще не вернулась ко мнѣ, я пользуюсь этими минутами, чтобы передать здѣсь краткую исторію четы Даула, такъ какъ для наблюдателя она характерна сама по себѣ.

Оба, мужъ и жена родились отъ чистокровныхъ сирійскихъ арабовъ, которыхъ называютъ въ отличіе отъ африканскихъ „бѣлыми арабами“. Стараніями нашихъ миссіонеровъ въ Палестинѣ, дѣти ихъ были обращены въ православіе и посѣщали греческія школы.

По просьбѣ отца, мальчика назвали Измаиломъ, а дѣвочкѣ дали самое популярное у грековъ имя „Аѳины“. Затѣмъ, Измаилъ выросъ и, окончивъ курсъ наукъ медицинской школы въ Каирѣ, поступилъ на службу къ хедиву. Но случилось такъ, что онъ не угодилъ кому-то при дворѣ, и ему пришлось вернуться домой, въ свой родной городъ Алеппо, гдѣ онъ и женился на Аѳинѣ.

Благодаря протекціи какого-то греческаго милліонера ему было предложено вакантное мѣсто доктора въ Хіосской цитадели.

Супруги Даула отрицали свою арабскую родословную и называли себя французскими эмигрантами, не имѣя на то ни малѣйшаго права.

Такимъ образомъ получился анекдотъ; но мои герои не замѣчали его. Впрочемъ они не составляли исключенія: сирійскій арабъ никогда не скажетъ иностранцу о своемъ кровномъ родствѣ съ Востокомъ, а непремѣнно укажетъ на западъ...

Церемоніалъ привѣтствій былъ законченъ: мнѣ также наговорили очень много хорошихъ вещей, а затѣмъ Элиме увела меня въ сторону и мы усѣлись рядомъ, какъ добрыя подруги.

— Вотъ теперь мы однѣ и будемъ говорить, не стѣсняясь,— предложила она въ тонѣ благодушнаго настроенія. Но мнѣ становилось не по себѣ.

— Скажите мнѣ, какъ другу, правда ли, что и вы также уѣзжаете изъ Хіоса?—продолжала она съ лукавой усмѣшкой.

Меня охватилъ ужасъ, и я растерялась. А между тѣмъ отвѣчать надо было. Но хитрое созданіе, такъ ловко загнавшее меня въ тупикъ, уже летѣло, закусивъ удила, къ намѣченной цѣли, не ожидая признанія съ моей стороны:

— Вотъ и прекрасно!—говорила она въ тонѣ побѣдителя,— мы это устроимъ.—Атина обѣщала мнѣ свою протекцію, и мы увеземъ васъ къ Тафти...

— При чемъ она здѣсь?!—только и нашлась я сказать.

— Ну, тогда увидите!—подала она реплику и умчалась на крыльяхъ за предѣлы фантазіи.

Въ жестокой тревогѣ я не слушала ее и ломала себѣ голову надъ тѣмъ, какъ выйти изъ положенія, созданнаго вокругъ меня турчанкой.

— А моя судьба также записана въ книгу, о которой вы разсказывали?—прозвучалъ нѣжный голосъ, точно флейта дивной симфоніи.

— Вотъ куда она ведетъ!—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Но какъ извернуться тутъ? Что придумаешь?...

Впрочемъ... И я рѣшилась, какъ зарвавшійся игрокъ, на послѣднюю ставку:

— Ну, конечно, и ваша также,—съ апломбомъ заговорила я, въ то же время уклоняясь отъ ея объятій, съ которыми она кинулась было ко мнѣ:—а если хотите узнать, какая она будетъ дальше, то скажите мнѣ, подъ какой звѣздой вы родились—вотъ и все.

Вопль горестнаго разочарованія былъ отвѣтомъ на мою импровизацію:

— Подъ какой звѣздой я родилась?!.. Аллахъ! откуда мнѣ знать—моя мать давно умерла!..

Но меня осѣнила еще другая мысль, на которой я и остановилась:

— Успокойтесь, дорогая Элиме!—продолжая играть роль ясновидящей,—сказала я:—мы найдемъ вашу звѣзду, но при одномъ условіи...

— Какое? — какое? — я готова на всѣ жертвы, лишь бы найти ее!—былъ отвѣтъ.

Здѣсь нервная энергія стала покидать меня: еще моментъ, и она поняла бы мою игру; но, преодолѣвъ себя, я договорила серьезно:

— А! въ такомъ случаѣ поклянитесь мнѣ Кораномъ, что на время, пока я буду искать звѣзду, вы ни разу не произнесете моего имени, ни съ кѣмъ не будете говорить о моихъ дѣлахъ, ни писать мнѣ—словомъ, вамъ придется какъ бы забыть о моемъ существованіи, а иначе нельзя, и такъ сказано въ этой книгѣ. А теперь выбирайте!

Минуту, другую она колебалась, такъ какъ задача, предложенная ей, была не изъ легкихъ по ея темпераменту:

— А какъ долго это протянется?—спросила она.

— Ну, недѣли двѣ, три не болѣе,—сказала я.

— Хорошо! завтра приходите опять, а сейчасъ неудобно,— отвѣтила хитрая турченка, видимо желая отдалить часъ испытанія.

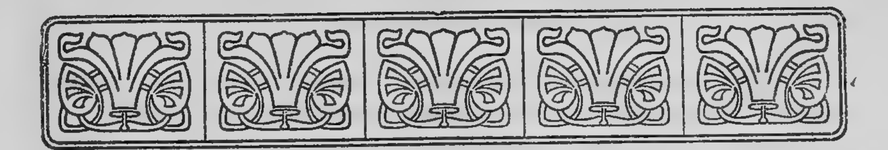
— Нѣтъ! нѣтъ! сію минуту, перебила я:—завтра будетъ уже поздно, такъ какъ оборвется нить, которая связываетъ меня съ вашей звѣздой.

Это подѣйствовало на нее: уже безъ всякихъ колебаній и уловокъ она произнесла формулу клятвеннаго обѣщанія и, такимъ образомъ, моя тайна была ограждена.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ чужой странѣ.

Поздней осенью—въ годъ Японско-Китайской войны былъ я командированъ въ гор. Гиринъ (Чуань-Чень). Цѣль моей командировки была чисто спеціальная, а потому я и умолчу о ней и прямо перейду къ изложенію того, что можетъ составить предметъ моихъ, такъ сказать,—неоффиціальныхъ воспоминаній.

Получивъ предписаніе отъ своего начальства, я съ мѣста началъ суетиться и горячиться, бѣгая по разнымъ канцеляріямъ и управленіямъ за всѣми необходимыми для путешествія бумагами и документами. Попутно съ этимъ разспрашивалъ я и о деньгахъ, которыя обращаются въ той странѣ, куда я ѣхалъ, и которыми необходимо было, слѣдовательно, запастись—и на этотъ счетъ, какъ это ни странно, на первыхъ же порахъ пришлось выслушать нѣсколько разнообразныхъ мнѣній и совѣтовъ, какъ это всегда и во всѣхъ случаяхъ, между прочимъ, бываетъ. Одни совѣтовали взять съ собою серебряные рубли, другіе говорили, что надо имѣть только мексиканскіе доллары и больше ничего, третьи увѣряли, что кромѣ японскихъ долларовъ въ странѣ не обращается никакой другой монеты; и тутъ же эти люди, чтобы поддержать свой авторитетъ, начинали увѣрять меня въ томъ, что они и сами неоднократно бывали и въ Маньчжуріи, и въ Китаѣ, разсказывали даже нѣкоторыя происшествія, бывшія съ ними во время ихъ путешествій, знакомили меня съ порядками, въ странѣ существующими, словомъ: старались выказать себя знатоками, не могущими подать несообразный совѣтъ. Нѣкоторые увѣряли, что необходимо взять съ собою только серебро въ слиткахъ, ставя такимъ образомъ крестъ и надъ рублями, и надъ долларами; были наконецъ и такіе „знатоки“, которые ставили кре-

сты вообще надъ всѣми денежными знаками и совѣтовали замѣнить ихъ простой и хорошей нагайкой, съ помощью которой, якобы, все, что угодно, можно раздобыть во всѣхъ концахъ Китая.

Всѣ эти „знатоки", совѣтчики и преподаваемые ими совѣты не могли не показать нашей малой любознательности въ отношеніи изученія и знакомства съ пограничной съ нами страной и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—не могли не убѣдить каждаго въ нашемъ симпатичномъ національномъ добродушіи, потому что во всѣхъ этихъ совѣтахъ, если даже и не было правды по отношенію къ тому вопросу, на который они должны были отвѣчать, то была все же цѣнная и симпатичная правда русскаго добродушія, въ силу каковаго русскій человѣкъ, если даже и не вполнѣ освѣдомленъ относительно того, о чемъ вы у него спрашиваете, то все же онъ постарается хоть чѣмъ-нибудь выразить свое сочувствіе къ вашему затруднительному положенію.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ пришлось ограничиться только лишь проявленіями этого сочувствія и не получить отъ этого ничего опредѣленнаго по части разрѣшенія интересующихъ меня вопросовъ, то я и рѣшилъ на мѣстѣ денегъ не мѣнять, а предварительно выяснить этотъ вопросъ у нашего пограничнаго комиссара—въ Новокіевскомъ.

Былъ и другой вопросъ, который ставилъ меня въ такое же затруднительное положеніе: будучи мало знакомъ съ климатическими условіями той страны, куда мнѣ надлежало держать путь, я не зналъ — какъ поступить съ вопросомъ по поводу собственнаго обезпеченія теплой одеждой. Зналъ я только то, что весь путь мнѣ придется совершить верхомъ и такъ какъ слишкомъ уже теплая одежда обыкновенно отличается и соотвѣтствующей громоздкостью, отнюдь не способствующею этому способу передвиженія, то правильное и вполнѣ соотвѣтствующее обстоятельствамъ разрѣшеніе этого вопроса было для меня весьма важнымъ обстоятельствомъ.

Не успѣлъ я объ этомъ заикнуться, какъ сейчасъ же на помощь мнѣ явились снова „знатоки",—снова начались самыя искреннія увѣренія въ томъ, что они неоднократно путешествовали и по Маньчжуріи, и по Китаю и чуть ли даже не по Тибету, видѣли даже столицу Далай-Ламы и многія другія чудеса и диковинки; что же касается до такихъ пустяковъ, какъ климатическія условія страны, то, конечно, они ихъ изучали и „прекрасно" знали и проч. и проч. Но только въ концѣ концовъ выходило такъ, что если бы, при разрѣшеніи этого во-

проса, руководствоваться всѣми преподанными совѣтами, то пришлось бы взять съ собою приблизительно около 10 пудовъ разнаго теплаго хлама, для перевозки котораго и пришлось бы воспользоваться всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи средствами, заключающимися только лишь въ двухъ маленькихъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ лошадкахъ забайкальской породы.

Помню, одинъ изъ такихъ „знатоковъ" совѣтовалъ мнѣ взять съ собою теплое пальто на мерлушкѣ, поверхъ котораго обязательно еще надлежало надѣвать огромный мѣховой тулупъ, съ громаднымъ воротникомъ, который, будучи поднятъ и закрученъ на уровнѣ шеи башлыкомъ, или шарфомъ, совершенно плотно закутаетъ голову и не пропуститъ вѣтра.

— Да вѣдь, позвольте, протестовалъ я, — въ такихъ „путахъ" и на сѣдло не вскарабкаешься!

— А казаки зачѣмъ:—они васъ подсадятъ и будете сидѣть.

— И воротникъ непремѣнно поднимать слѣдуетъ?

— Непремѣнно, иначе продуетъ; и не только поднимать, но и завязывать, какъ я уже сказалъ, чтобы не опустился.

— Но тогда ни впередъ, ни по сторонамъ и смотрѣть невозможно будетъ.

— Да это илишнее. Зачѣмъ вамъ смотрѣть. Лошадь вашу казакъ въ поводу поведетъ, а вы сидите себѣ. По опыту говорю вамъ, иначе невозможно путешествовать: климатъ слишкомъ суровъ.

Сбитый окончательно съ толка, я рѣшилъ уже дѣйствовать на свой страхъ и не обращаться уже ни къ кому за разъясненіями и за совѣтами, а купить себѣ только легкое и теплое пальто, разсчитывая на то, что если въ немъ будетъ холодно ѣхать верхомъ, то уже навѣрно будетъ легко и тепло идти пѣшкомъ. Во время самаго путешествія, я убѣдился въ томъ, что подобное рѣшеніе было вполнѣ цѣлесообразное.

Ѣхать въ страну, гдѣ русскій языкъ совершенно никому не извѣстенъ (за весьма малыми исключеніями), конечно, нельзя безъ переводчика. Что же касается до извѣстныхъ книжечекъ, въ которыхъ съ помощью русскаго алфавита написаны самыя, якобы, общеупотребительныя фразы, коими, по мнѣнію авторовъ этихъ книжекъ, должны непремѣнно обмѣниваться люди, въ первый разъ другъ съ другомъ встрѣчающіеся, то таковыми могутъ запасаться въ дорогу люди уже слишкомъ довѣрчивые, убѣжденные въ томъ, что стоитъ только прочесть по этой книжкѣ какую-нибудь фразу, въ родѣ напримѣръ: Лиджеръ-

дау-Нингута-ю-до-шау-ли-ди (сколько верстъ отсюда до Нингуты), то китаецъ сейчасъ же и пойметъ о чемъ его спрашиваютъ, и даже не только пойметъ, но и умилится передъ умѣніемъ иностранца разговаривать съ нимъ по какой-то книжкѣ. Не тутъ-то было. Не пойметъ онъ васъ, хотя-бы вы эту фразу читали бы ему 10—20 разъ—(конечно, есть такія фразы, которыя онъ быть можетъ и сразу пойметъ, но онѣ составляютъ собою исключенія). Онъ будетъ добродушно посмѣиваться и заглядывать вмѣстѣ съ вами въ книгу и будетъ лепетать вамъ какой-то непонятный вздоръ, въ которомъ не только трудно уловить отдѣльныя слова, но даже и звуки,—настолько они не обычны для непривычнаго уха. Вообще китайскій языкъ очень труденъ какъ для произношенія, такъ и для пониманія, и почти незамѣтные и неуловимые для уха оттѣнки очень не рѣдко мѣняютъ кореннымъ образомъ смыслъ словъ; передать правильно многія китайскія слова съ помощью русскаго алфавита невозможно, за неимѣніемъ въ этомъ алфавитѣ соотвѣтствующихъ знаковъ для обозначенія многихъ почти неуловимыхъ звуковъ.

И такъ, мнѣ необходимъ былъ переводчикъ.

Изъ русскихъ, живущихъ на нашемъ крайнемъ востокѣ, есть не мало владѣющихъ довольно сносно китайскимъ языкомъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать со мною: время года было позднее, способъ же передвиженія—не совсѣмъ удобный,—тѣмъ болѣе на холодѣ; къ тому же и значительнаго денежнаго вознагражденія я, за неимѣніемъ на это достаточныхъ средствъ, не могъ дать, и пришлось, такимъ образомъ, искать переводчика между живущими во Владивостокѣ китайцами. Снова обратился я за совѣтомъ къ свѣдущимъ по этой части людямъ, и мнѣ очень любезно пообѣщали прислать „сегодня же вполнѣ подходящаго и умѣлаго“ переводчика. Отъ удовольствія, что такъ скоро удалось разрѣшить этотъ вопросъ, я даже руки потирать началъ и ждалъ появленія моего спутника съ нетерпѣніемъ.

И вотъ, онъ, наконецъ, пришелъ, и между нами произошелъ такой разговоръ.

— Здравствуй!

— Задалялству (протягивается грязная рука, которую я съ радостью пожимаю).

— Хорошо говоришь по-русски?

— Така, моя мала-мала шалтай-болтай люски.

— Вотъ мнѣ нужно въ Гиринъ ѣхать, такъ не желаешь ли ѣхать со мною за переводчика?

— Дилинъ, моя знай Дилинъ-Шинка холоса Дилинъ (очень хорошъ Гиринъ).

— Ну, а переводчикомъ-то при мнѣ хочешь быть? вопрошаю я снова и тутъ же начинаю замѣчать, что лицо моего собесѣдника принимаетъ растерянное выраженіе; онъ молчитъ и мнется.

— Переводчикомъ хочешь быть? Сколько возьмешь въ мѣсяцъ за то, что будешь переводчикомъ?

— Пелевотика — моя не знай перевотика; моя таки малама́ла шалтай-болтай люски; моя не знай пелевотика.

Вижу, что толку отъ этого молодца добиться трудно, такъ какъ на одномъ „шалтай-болтай" далеко не уѣдешь, но, тѣмъ не менѣе, стараюсь объяснить все это смущеніемъ моего собесѣдника и, дабы подбодрить его, начинаю поддѣлываться подъ его жаргонъ и говорю: моя Гиринъ ходи; китайски моя не говорю; твоя китайски человѣкъ—китайски скажи, что моя русски говори.

— Э... э... э... шанго, шанго; тунда, тунда (хорошо; понимаю, понимаю) подхватываетъ мой собесѣдникъ съ радостной улыбкой.

— Одинъ мѣсяцъ сколько рубли твоя бери?

Непродолжительное размышленіе — и за тѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ:

— Одинъ мѣсяцъ—сыто люблю, говоритъ онъ и, чтобы быть болѣе понятнымъ, выставляетъ передо мною свои грязныя ладони, съ торчащими врозь пальцами и десять разъ двигаетъ этими ладонями по направленію моего лица.

— Это значитъ сто рублей?

— Э-э-сыто любли; одинъ мѣсяцъ сыто любли.

Беру осторожно за плечи и, поворотивъ лицомъ къ двери, указываю на таковую моему собесѣднику и онъ молча исчезаетъ, понявъ сразу, что дальнѣйшіе переговоры будутъ излишни; я же остаюсь одинъ, какъ говорится: „при пиковомъ интересѣ".

Въ концѣ концовъ всѣ хлопоты мои во Владивостокѣ окончились почти полнѣйшей неудачей: денежный вопросъ я, въ виду сбивчивости показаній, не выяснилъ, переводчика не нанялъ и единственное, въ чемъ я имѣлъ успѣхъ—это въ полученіи изъ разныхъ канцелярій и управленій всѣхъ необходимыхъ для путешествія бумагъ и съ этимъ — только съ этимъ я очутился утромъ промозглаго осенняго дня на палубѣ па-

рохода „Новикъ“, который стоялъ подъ парами, покачиваясь на мутныхъ волнахъ „Золотого рога“, готовый къ отплытію въ Посьетъ. Было пасмурно. Дулъ свѣжій осенній вѣтеръ и накрапывалъ мелкій и холодный дождикъ, пополамъ со снѣгомъ. Всюду и на всемъ лежалъ отпечатокъ тяжелой и давящей тоски,—вѣрной спутницы ненастной осени. Японцы-матросы бродили по палубѣ съ понурымъ и хмурымъ видомъ; ихъ обыкновенное оживленіе и подвижность также видимо уступили мѣсто этой ненастной апатіи. Вѣроятно, они теперь съ грустью вспоминали про чудную природу своей родины, вѣчно зеленой и вѣчно согрѣтой и обласканной солнечнымъ лучемъ; они, вѣроятно, теперь сравнивали природу своей родины съ природой погруженнаго въ осеннюю мглу уголка нашей страны. Паръ, со злобнымъ шипѣніемъ вырывающійся откуда-то снизу, рваными клочьями метался въ разныя стороны, какъ бы ища себѣ пріюта, но, не находя таковаго, таялъ и исчезалъ, не желая, вѣроятно, даже и смотрѣть на эту отвратительную осеннюю слякоть.

Стоять на палубѣ въ надеждѣ найти что-нибудь интересное въ окрестныхъ видахъ мнѣ не хотѣлось, да и заботы по предстоящему путешествію не давали какъ-то возможности сосредоточиться на чемъ нибудь постороннемъ. Хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, чтобы немного разсѣять свою тоску, и я пошелъ въ каюту, надѣясь хоть тамъ кого-нибудь встрѣтить, но и тутъ ничего веселаго я не встрѣтилъ. Общество составляли: полупьяный казакъ, который какъ-то сразу и ни съ того ни съ сего началъ увѣрять прочихъ пассажировъ, что водка для него—смерть, въ отвѣтъ на что пассажиры старались не смотрѣть на него и даже отворачивались, а онъ, вертя головой, продолжалъ бурчать себѣ подъ носъ и настаивать на томъ, что для него водка и смерть—синонимы и безпрестанно подливая въ рюмку изъ полуопорожненной бутылки. Тутъ же сидѣлъ какой-то грязный и плотный мужчина, оказавшійся впослѣдствіи богатымъ гуртовщикомъ; былъ какой-то пожилой китаецъ въ шелковой кофтѣ и еще нѣсколько неопредѣленныхъ личностей. Такъ въ этой компаніи и пришлось доплыть до Посьета, куда пароходъ прибылъ уже къ вечеру.

Лѣтомъ, въ хорошую погоду Посьетъ очень живописенъ. Прилегающіе къ нему холмы покрыты тогда изумрудной зеленью, и въ тихо колышащіяся волны смотрится тогда безконечно далекое—лазурное небо. Маленькіе, бѣленькіе домики, разбросанные въ безпорядкѣ группами по склонамъ горъ, смо-

трятъ привѣтливо и радостно, и во всемъ тогда видна здѣсь какая-то тихая уютность, такъ умиротворительно дѣйствующая всегда на душу. Иной разъ „и скучно, и грустно, и некому руку подать“, а встрѣтишь такой тихій и уютный уголокъ—и грусти какъ не бывало; начинаешь снова все любить и во всемъ находить радость и счастіе.

Но теперь Посьетъ былъ мраченъ. Онъ закутался въ промозглую сырую пелену осенняго тумана, и гористые берега моря смотрѣли мрачно. Долго не задерживаясь, я нанялъ лошадей и поѣхалъ въ Новокіевское, до котораго считается только шесть верстъ. Дорога все время тянется до берегу залива — по склонамъ безлѣсныхъ и лишенныхъ всякой растительности холмовъ. Было уже совершенно темно, когда телѣжка моя захлопала своими колесами по лужамъ и грязи, покрывающимъ немощеныя улицы этого урочища, населеннаго почти исключительно военнымъ элементомъ. Такъ какъ ни гостиницъ, ни постоялыхъ дворовъ въ то время въ урочищѣ не было, то я и рѣшилъ ѣхать незваннымъ гостемъ къ одному знакомому офицеру, утѣшая себя той мыслью, что и всякій на моемъ мѣстѣ не могъ бы не потревожить своимъ незваннымъ посѣщеніемъ того, или другого изъ своихъ знакомыхъ.

Здѣсь пришлось мнѣ пробыть цѣлую недѣлю, и за это время были окончательно выяснены всѣ тѣ вопросы, надъ которыми тщетно приходилось ломать голову во Владивостокѣ. Оказалось, что по Маньчжуріи можно было свободно путешествовать, имѣя съ собою серебряные рубли, которые всегда можно было размѣнять на вѣсовое серебро въ любомъ изъ городовъ;—объ этомъ мнѣ сообщили въ канцеляріи пограничнаго комиссара. Былъ такъ же нанятъ и переводчикъ—нѣкій Чанъ-фу, человѣкъ съ довольно хитрой физіономіей и съ огромной и толстой косой. Этотъ Чанъ-фу, хотя и не важно говорилъ по-русски, но дѣлать было нечего: приходилось мириться съ тѣмъ, что нашелъ; и за это—слава Богу. Прибыли сюда же и шесть казаковъ, на своихъ крѣпкихъ и мохнатыхъ забайкальскихъ лошадкахъ. Эти казаки были назначены мнѣ въ конвой, и о нихъ я еще скажу въ свое время, а теперь упомяну про тѣ запасы, которые были пріобрѣтены для путешествія. Многаго, конечно, нельзя было брать, такъ какъ весь грузъ, который можно было поднять на двухъ вьючныхъ лошадяхъ, не долженъ былъ превышать 12 пудовъ и въ виду этого было взято только самое необходимое, какъ-то: крупа, масло, сушеная зелень, спиртъ, свѣчи, пудъ сухарей, кирпичный чай, запасныя подковы, бу-

мага и книги, и все это составило вышеозначенный предѣльный грузъ. Все взятое, за исключеніемъ, пожалуй, спирта, дѣйствительно оказалось необходимымъ въ пути, такъ какъ ни гречневой крупы, ни масла, ни всего прочаго достать было нельзя. Что касается, напримѣръ, масла, то въ Китаѣ не только его, но даже и молока невозможно достать ни за какія деньги, потому что, повидимому, китайцы считаютъ предосудительнымъ дѣломъ отнимать у животныхъ ихъ молоко и тѣмъ лишать ихъ дѣтенышей предназначеннаго имъ природой питанія. Китайцы употребляютъ въ пищу исключительно только растительныя масла—травяное, бобовое и т. п. Что касается спирта, то можно было не брать его съ собою, такъ какъ имѣлась полная возможность получить почти всюду китайскую водку — сулю, которая вполнѣ можетъ замѣнить собою спиртъ. Считаю не лишнимъ упомянуть про то снаряженіе, которое было у каждаго изъ насъ и которое оказалось вполнѣ практичнымъ и удобнымъ для путешествія: у меня было пальто изъ сѣраго солдатскаго сукна, подбитое слегка ватой, кожанныя мѣховыя шаровары, мѣховые легкіе сапоги, мохнатая сибирская папаха и башлыкъ. Подобное снаряженіе оказалось удобнымъ, легкимъ и теплымъ, и мнѣ кажется, что я имѣю полное право посовѣтовать запасаться именно подобнымъ снаряженіемъ всѣмъ тѣмъ, кто долженъ будетъ отправляться въ далекое зимнее путешествіе верхомъ. Мои казаки имѣли ихъ форменное снаряженіе и вооруженіе, за исключеніемъ только сапогъ, каковые были замѣнены теплыми сибирскими ичигами, во вьюкѣ, каждый казакъ имѣлъ новый и хорошій полушубокъ. Одинъ только Чанъ-фу отличался отъ насъ своимъ костюмомъ и своимъ снаряженіемъ и въ то время, какъ никто изъ насъ не имѣлъ даже и намека на какую бы то ни было постельную принадлежность, онъ ни за что не хотѣлъ разстаться со своей мягкой подушкой съ красной наволокой; эту подушку онъ всегда приторачивалъ поверхъ сѣдла и возсѣдалъ на ней съ важностью китайскаго богдыхана. Позади подушки у него была приторочена большая овечья шуба, которую онъ въ вѣтряную погоду съ трудомъ напяливалъ на множество ватныхъ кофтъ и подкофтъ,—юбокъ и подъюбокъ, составляющихъ его странный, неуклюжій и невозможный для верховой ѣзды костюмъ, въ которомъ онъ напоминалъ какую-то бабу-торговку, или старьевщицу, но уже ни коимъ образомъ—не мужчину. Его физіономія, лишенная всякой растительности, принадлежала къ категоріи такихъ, на которыя посмотришь, усумнишься и подобно

Чичикову, встрѣтившему Плюшкина, начнешь самъ себя вопрошать: „Ой баба—ой нѣтъ. Конечно—баба“ и т. д.

Заговорилъ про Чанъ-фу, такъ ужъ заодно буду продолжать о немъ и постараюсь познакомить съ нимъ читателя. Чанъ-фу, или Чанъ-по, какъ называли его казаки, произвелъ на меня на первыхъ порахъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Очень уже онъ началъ сразу лебезить и выхвалять мнѣ свою честность и знаніе русскаго языка. Но уже по одному тому, что онъ зналъ русскій языкъ немногимъ лучше, чѣмъ тотъ „шалтай болшай“, съ которымъ я познакомился во Владивостокѣ, можно было заключить, что и во всемъ прочемъ онъ способенъ хвастливо лгать и будетъ обманывать меня при каждомъ удобномъ случаѣ, а эти случаи могли встрѣтиться ему на каждомъ шагу, такъ какъ всѣ денежные разсчеты (за постой и за фуражъ) съ хозяевами постоялыхъ дворовъ велись, конечно, черезъ него, какъ черезъ единственнаго „истолкователя нашихъ мышленій“ при всѣхъ общеніяхъ съ обывателями. Спроситъ, положимъ, хозяинъ постоялаго двора, за все взятое во время ночлега, извѣстную сумму, и ничто не могло мѣшать Чанъ-фу увеличить эту сумму по собственному произволу и извлечь отъ этого подобающій гешефтъ, тѣмъ болѣе, что всѣ денежные разсчеты производились почти исключительно на вѣсовое серебро. Почти каждый разъ при такихъ разсчетахъ Чанъ-фу начиналъ меня увѣрять, что онъ служитъ честно и безкорыстно, но этимъ онъ какъ-то еще больше подрывалъ къ себѣ довѣріе. Бывало, скажетъ съ особеннымъ какимъ-то вздохомъ: „О, барыня, моя шинка холоса человѣка; чужой деньги моя бери нѣтъ; другой чужой деньги бери, моя нѣтъ бери“, такъ почему-то сейчасъ же и начинаешь думать, что все это не такъ. А онъ скажетъ и еще разъ глубоко и тоскливо вздохнетъ и даже иной разъ поохаетъ, какъ бы давая этимъ понять, что ему очень тяжело говорить мнѣ объ этомъ, но что онъ принужденъ говорить потому, что люди, къ сожалѣнію, плохо вѣрятъ въ честность себѣ подобныхъ и въ самомъ честномъ человѣкѣ, каковымъ онъ выставлялъ въ данномъ случаѣ себя, способны видѣть вора и мошенника.

Его обращеніе со мною было самое вѣжливое, но почему-то мнѣ всегда казалось, что эта вѣжливость напускная и что онъ на самомъ дѣлѣ не симпатизируетъ мнѣ, потому что, будучи хитрымъ, онъ не могъ не понять, что эта хитрость, которую онъ всегда думалъ скрыть отъ меня подъ маскою заискиванія и чрезмѣрной вѣжливости,—уже разгадана. Называлъ онъ меня

то Вашимъ Превосходительствомъ, то капитаномъ; чаще же всего просто барыней; и почему барыней, а не бариномъ,—про это не знаю. Каждый разъ я его поправлялъ, не барыня, а баринъ и все-таки это не помогало и до самаго послѣдняго дня нашего знакомства я остался въ его понятіи—„барыней". Порусски онъ говорилъ не важно, хотя при первомъ знакомствѣ мнѣ и показалось, что онъ говоритъ довольно сносно, что произошло отъ того, что разговоръ нашъ дальше самыхъ обыкновенныхъ фразъ, имѣющихъ цѣлію обусловить наши взаимныя отношенія въ будущемъ,—не шелъ, но чѣмъ больше я общался съ нимъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что онъ не подготовленъ къ принятой на себя обязанности. Наиболѣе употребляемыя и любимыя имъ, при всякихъ разговорахъ слова были: „уважайтъ и уцыни" (уважать и учить), и этимъ послѣднимъ словомъ онъ почему-то особенно кичился, вставляя его всюду въ разговоръ и очень часто, конечно,—ни къ селу, ни къ городу

Въ общемъ же, несмотря на всѣ эти недостатки, онъ все же для меня былъ полезенъ и старательно несъ свою службу какъ переводчикъ, за что, конечно,—спасибо ему. Не вспоминаю его лихомъ за то, что, быть можетъ, онъ и обсчиталъ меня на нѣсколько десятковъ рублей. Соблазнъ былъ для него слишкомъ великъ и необыченъ; нужда же, среди которой онъ влачилъ свое существованіе—и еще того больше, въ виду чего строгій судъ надъ темнымъ человѣкомъ при такихъ условіяхъ едва-ли возможенъ.

Шесть казаковъ забайкальцевъ были остальными моими спутниками. Всѣ они были симпатичные и славные люди, расторопные, смѣлые, смышленые и лихіе наѣздники. За старшаго въ командѣ былъ урядникъ Дементьевъ, — красивый и статный брюнетъ, съ закрученными къ верху, небольшими усиками и съ лихо заломленной на правое ухо папахой. Прочихъ казаковъ звали: Дементьевъ, Кавалистъ, Жаркой, Замбалаевъ и Злыгостевъ. Самымъ симпатичнымъ изъ всѣхъ ихъ былъ Дементьевъ — однофамилецъ съ урядникомъ. Это былъ блондинъ съ выразительными и добрыми синими глазами, очень положительный, скромный и молчаливый. Всѣ казаки относились къ нему, видимо, съ большимъ почтеніемъ, и его авторитетъ въ ихъ глазахъ повидимому имѣлъ больше вѣса, нежели авторитетъ урядника—его однофамильца. Послѣдній былъ большой поклонникъ женскаго пола, и всѣ жизненные интересы сводились у него къ изученію „науки страсти нѣжной". Бывало, встрѣтится гдѣ-нибудь на дорогѣ безобразная и грязная пред-

ставительница прекраснаго пола, и казаки, негодуя на ея безобразіе, начинаютъ отплевываться, какъ отъ „нечистой силы“, а онъ, подкрутивъ свой усъ, не преминетъ подмигнуть ей глазкомъ.

Кавалистъ былъ острякъ, весельчакъ и малый, какъ говорится: „на всѣ руки“. Всегда, во время дороги, сыпались его шутки и остроты и, благодаря этому, веселое настроеніе очень рѣдко покидало казаковъ—и безпрестанно слышался ихъ здоровые смѣхъ, такъ что завидно даже становилось, глядя на ихъ веселую компанію. Много пользы приносятъ такіе люди въ солдатской средѣ; ихъ остроты заставляютъ забывать и голодъ, и холодъ, и „прочія солдатскія нужды, которыя порою бываютъ неизбѣжны“.

Жаркой обладалъ очень недурнымъ теноромъ, и часто бывало его развеселая пѣсня оглашала окрестность; къ нему нерѣдко присоединялись и другіе, и тогда начинала звучать своеобразная забайкальская мелодія, то безконечно грустная, угрюмая и тяжелая—то размашистая и разухабистая. Замбалаевъ былъ бурятъ, что не могло, конечно, мѣшать какой-то особой душевной мягкости, скромности и симпатичности этого человѣка, мнѣ онъ даже казался красивымъ, несмотря на свои раскосые глаза и выдающіяся скулы. Онъ былъ прекрасный наѣздникъ и джигитъ—по всей вѣроятности—одинъ изъ первыхъ среди казаковъ своего полка. Его черные, какъ смоль, волосы и смуглый цвѣтъ кожи почему-то всегда смущали китайцевъ, которые дарили его бо́льшимъ вниманіемъ, нежели прочихъ казаковъ, считая его не за русскаго казака, а за переодѣтаго корейца (кауля). Злыгостевъ зналъ кузнечное мастерство и, какъ почти всѣ люди этой профессіи, онъ былъ мраченъ и угрюмъ. Свое мастерство онъ не только зналъ, но даже любилъ и увлекался имъ—и самымъ любимымъ его занятіемъ было — ковать и перековывать лошадей. Иной разъ казалось бы смѣло можно было бы ограничиться „подтягиваніемъ“ начавшей „хлябать“ у какой-нибудь изъ лошадей подковы, анъ, смотришь:— пришли на привалъ, и Злыгостевъ достаетъ уже свой „струментъ“, отдираетъ клещами подкову и пригоняетъ ее заново.
— Да ты бы, парень, только подтянулъ бы ее,—нашто перековываешь,—говорятъ ему казаки, закуешь еще неровенъ часъ. Но Злыгостевъ даже не удостаиваетъ отвѣтомъ вопрошающаго; онъ работаетъ молча и проворно, а иногда вмѣсто отвѣта даже прикажетъ этому вопрошающему подержать лошадь, что послѣдній и исполнялъ всегда безпрекословно.

3-го ноября, въ три часа пополудни, мы, наконецъ, вполнѣ снаряженные, покинули Новокіевское. Не обошлось, конечно, при этомъ безъ добрыхъ пожеланій и напутствій со стороны нѣкоторыхъ знакомыхъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, и теперь мнѣ почему-то хотѣлось вѣрить, что всѣ эти пожеланія были совершенно искренни и правдивы. Мы отправлялись путешествовать въ не совсѣмъ спокойное время и въ страну, которая испытывала уже тягость неудачной войны съ японцами. Будучи уже неоднократно побиты на поляхъ сраженій, китайцы, въ силу своей особой подозрительности, начинали подозрѣвать, что они воюютъ не съ одними только японцами, но что въ рядахъ ихъ враговъ противъ нихъ идутъ и другіе народы и по преимуществу—русскіе. И вотъ, по мнѣнію китайцевъ, всѣ тѣ пораженія, которыя они уже потерпѣли, надлежало приписать помощи этихъ постороннихъ войскъ, т. к. одни японцы, по ихъ мнѣнію, были настолько слабы, что никоимъ образомъ не были бы въ состояніи побѣдить ихъ храбрыхъ солдатъ. Такіе толки, помню, въ то время были распространены среди китайскаго населенія, живущаго въ предѣлахъ Уссурійскаго края, ходили они въ еще большей степени, какъ я и убѣдился въ этомъ,—и въ предѣлахъ Маньчжуріи, гдѣ не только простой народъ вѣрилъ этимъ бреднямъ, но даже и власти были склонны придавать имъ подобающее значеніе. Конечно, путешествовать при подобномъ условіи по этой странѣ было не такъ уже безопасно, какъ по какой-нибудь Тамбовской губерніи.

Объ этомъ, между прочимъ, говорила и полученная мною инструкція, которой предписывалось соблюдать величайшую во всемъ осторожность, отнюдь не навлекая на себя какихъ бы то ни было подозрѣній въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Мы тронулись въ путь. Солнце уже сильно клонилось къ горизонту и было прохладно. Желтая высохшая трава, колеблемая вѣтромъ, безжизненные склоны горъ, одинокіе стога—невеселая кругомъ была картина.

До горы „Леденіуса", отстоящей въ 6—7 верстахъ отъ Новокіевскаго, насъ проводилъ генеральнаго штаба капитанъ С., у котораго я прожилъ цѣлую недѣлю и съ которымъ сошелся, какъ съ роднымъ. На вершинѣ горы мы съ нимъ разстались; онъ поѣхалъ обратно, а я сразу какъ-то почувствовалъ полнѣйшее одиночество. Что-то какъ бы оторвалось въ душѣ, когда уѣхалъ отъ меня этотъ хорошій человѣкъ и славный товарищъ. На вершинѣ горы тянулъ холодный и рѣзкій вѣтеръ, по, спу-

стившись къ подошвѣ на противоположную сторону, мы очутились среди невозмутимой тишины. Снова высохшая, желтая трава, снова безжизненная, всхолмленная окрестность, и только далеко-далеко рисуются синеватымъ, мощнымъ силуэтомъ красивыя горныя панорамы; но и тамъ, я знаю,—нѣтъ жизни; и тамъ та же безмолвная пустыня, которую огласитъ иной разъ только орелъ своимъ дикимъ клекотомъ, да зареветъ и зарыкаетъ голодный тигръ—царь здѣшнихъ равнинъ и горъ, покрытыхъ глухими лѣсами. Нѣтъ тамъ,—на этихъ далекихъ горахъ, жилья человѣческаго. Не заполнилъ еще человѣкъ собою настолько землю, чтобы оживить и пробудить отъ безконечнаго сна многіе уголки на ея поверхности. Надъ этими далекими горами повисла тяжелая и мрачная туча, и казалось, что она настолько тяжела, что даже эти мощныя горы поникли подъ ея тяжестью. Солнце садилось, и вотъ уже послѣдній лучъ скользнулъ по землѣ,—скользнулъ и потухъ. Мракъ мало-по-малу спускался на землю, распространяя всюду холодную и мертвящую дрему.

Что-то тамъ ждетъ насъ за этими далекими, синими горами? Тамъ за ними живетъ народъ—своеобразный, оригинальный;—живетъ онъ не одну тысячу лѣтъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сосѣдями, для которыхъ не перестаетъ быть загадкой Онъ отказался отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, какъ отказывается отъ него какой-нибудь философъ, или мыслитель, ушедшій въ міръ своихъ думъ. Онъ оберегаетъ свое жилище отъ посѣщеній постороннихъ людей, которые, если и являются къ нему, то только лишь, какъ непрошенные гости—и онъ давно уже заперъ двери этого жилища и огородилъ его огромной каменной стѣной, которая протянулась на тысячи верстъ на удивленіе народамъ; и они, удивленные и охваченные любопытствомъ проникнуть за эту громадную стѣну, съумѣли найти въ ней проходы и подобрать ключи къ запертымъ дверямъ и, сдѣлавъ это, они тысячами повалили въ жилище этого замкнутаго философа, повалили затѣмъ, чтобы нарушить его покой и помѣшать ему думать его крѣпкую думу, съ которой онъ уже сроднился, потому что жилъ ею въ теченіе тысячелѣтій.

Казаки мои были молчаливы и мрачны; не было слышно въ этотъ первый день похода ни шутокъ, ни разговоровъ, и лишь только топотъ лошадиныхъ ногъ о промерзлую почву дороги нарушалъ безмолвіе и тишину спускавшейся ночи.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло. Горы совершенно скрылись за дымной пеленой, которая какъ-то быстро выдѣлилась въ по-

кровѣ сумрака, и тѣнь земная, скользнувъ по небесному куполу, сдернула съ него покрывало, изъ подъ котораго и замерцали безчисленныя—далекія звѣзды. Гдѣ-то далеко-далеко, извиваясь огненными змѣями по невидимымъ склонамъ горъ, пылали палы, и чудилось, что эти огненные змѣи летятъ на землю откуда-то изъ безконечнаго пространства, дабы поглотить ее въ пламени. Было чѣмъ любоваться въ этой мрачной, но прекрасной картинѣ.

Уже поздно вечеромъ мы прибыли къ мѣсту стоянки сотни приморскаго коннаго дивизіона, находящемуся въ 8 верстахъ отъ границы и слывущему подъ названіемъ „хунчунскаго караула“. Отсюда необходимо было послать извѣщеніе хунчунскому фудутуну о нашемъ проѣздѣ черезъ границу: безъ этой предосторожности насъ, конечно, могли бы не пропустить.

Пришлось такимъ образомъ задержаться въ теченіе слѣдующаго дня на этомъ караулѣ и, по правдѣ говоря, остановка эта была для насъ не только необходима, но и полезна: мы сдѣлали 25-ти верстный переходъ, и этого было достаточно, для того, чтобы подмѣтить нѣкоторыя неудобства какъ въ укладкѣ вьюковъ, такъ равно и въ ихъ приспособленіи; кое-что пришлось передѣлать, и слѣдовательно время у насъ даромъ не пропало.

Раннимъ утромъ 5-го ноября мы тронулись въ дальнѣйшій путь. День былъ ясный и холодный, потому что навстрѣчу намъ съ запада тянулъ довольно сильный NW, который имѣетъ весьма скверную привычку прогуливаться здѣсь въ теченіе цѣлой осени, а иногда, увлеченный этими прогулками, не перестаетъ увлекаться ими и зимой, принося съ собою леденящій холодъ и цѣлое снѣжное море.

Зимой быть застигнутымъ этимъ „гулякой“ гдѣ-либо въ пути—въ безлюдномъ мѣстѣ—чистая бѣда: ложись и помирай. Да и осенью-то не особенно пріятно попасть въ сферу его холоднаго дыханія. Иной разъ съ утра день обѣщаетъ быть теплымъ, свѣтлымъ и прекраснымъ; солнце свѣтитъ, воробьи чирикаютъ и, отправляясь изъ дома, на вопросъ своего слуги—подать ли пальто, отвѣчаешь отрицаніемъ, вполнѣ увѣренный, что и такъ-то будетъ жарко;—и вдругъ сразу налетаетъ этотъ NW—а онъ всегда налетаетъ сразу, какъ лихой эскадронъ на неожидающаго его противника,—и пошла потѣха: солнце прячется либо за тучу, либо за облака пыли, песку; случается нерѣдко, что даже мелкая галька не можетъ остаться неподвижной подъ его стремительнымъ напоромъ. Въ воздухѣ слышится свистъ и вой, какъ будто бы 100 чертей и 300 вѣдьмъ съ

лысой горы творятъ свою адскую тризну. Всякая тварь, не исключая и человѣка, старается скорѣе скрыться въ своей „норѣ". А онъ, то рветъ и мечетъ: грохочетъ желѣзными листами крышъ, хлопаетъ ставнями; вздрагиваютъ дома, свиститъ телеграфная проволока и тоскливо и жалобно подвываютъ телеграфные столбы. Положимъ, надо правду сказать, что къ такимъ рѣшительнымъ налетамъ NW не всегда прибѣгаетъ, а дѣлаетъ ихъ, ну, раза два въ мѣсяцъ, чтобы, такъ сказать, люди не забывали бы про его мощь и силу; обыкновенно же онъ дуетъ съ тоскливой монотонностью, которая способна извести не только путника, но и человѣка, сидящаго дома.

Вотъ именно при подобной „тоскливой монотонности" и мы выступили въ путь, готовясь перейти границу.

Когда выѣхали за околицу хунчунскаго караула, то вдругъ съ одной изъ придорожныхъ сорныхъ кучъ поднялся большой, черный песъ и, понуря голову, поплелся за нами. Не знаю, имѣлъ онъ въ своей собачьей головѣ заранѣе обдуманное намѣреніе—прогуляться съ нами въ Гиринъ, или же таковое рѣшеніе явилось у него безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, но только онъ всталъ съ кучи и, встряхнувшись своимъ громоздкимъ тѣломъ, присоединился къ намъ. „Пойду съ ними, чортъ возьми:—все лучше, чѣмъ такъ-то лежать", казалось, говорила вся его апатичная фигура.

Впослѣдствіи мы всѣ горячо полюбили Собольку (такъ его звали), и я не могу воздержаться, чтобы не вспомнить его добрымъ словомъ.

Глядя на довольно тощій видъ присоединившагося къ намъ четвероногаго спутника, я не хотѣлъ сначала принимать его въ составъ нашей компаніи, опасаясь, что его бренное тѣло не выдержитъ трудностей походной жизни, а потому и приказалъ казаку какъ-нибудь удалить незнакомца. Но онъ не имѣлъ, повидимому, никакого намѣренія покидать насъ, и когда его гнали, то отходилъ въ сторону, садился и начиналъ какъ-то грустно на насъ поглядывать: почему это, молъ, при всемъ его желаніи и при полной готовности сопутствовать людямъ,—послѣдніе все же гонятъ его отъ себя. Онъ сидѣлъ и размышлялъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока мы не уходили отъ него шаговъ на 200, и потомъ флегматично поднимался на ноги и рысцой догонялъ хвостъ нашей маленькой колонны. Его снова отгоняли и снова:—ретировка въ сторону, сидѣніе и размышленіе.

Такъ повторялось нѣсколько разъ. Надо полагать, что ему

было грустно смотрѣть на нашу настойчивость и испытывать нашу холодность, и вотъ онъ рѣшился испытать послѣднее средство; если ужъ это не поможетъ, такъ и не хочу съ вами знаться—идите тогда одни въ свой Гиринъ, а я вернусь.

Такъ, надо полагать, думалъ онъ, подкрадываясь къ фазану, который сидѣлъ недалеко въ сторонѣ и на которомъ онъ и рѣшилъ испытать это послѣднее средство. Конечно, поймать фазана ему не удалось, но за то онъ всѣхъ насъ позабавилъ отчаянной гонкой за летающей птицей,—гонкой, въ которой онъ не видѣлъ передъ собою препятствій, прыгая черезъ канавы и оглашая воздухъ отчаяннымъ и визгливымъ лаемъ. Когда же достаточно поглумившійся надъ нимъ фазанъ усѣлся преспокойно на одинъ изъ кустовъ, то Соболька, вырывъ подъ этимъ кустомъ своими ногами изрядной величины яму, принужденъ былъ ограничиться только подобнымъ проявленіемъ своей ярости, и послѣ этого ему уже ничего не оставалось дѣлать, какъ вернуться къ намъ съ высунутымъ отъ усталости языкомъ и съ разинутой пастью. И тутъ—судьба его была рѣшена, и ему было позволено сопутствовать намъ, потому что большинствомъ голосовъ онъ былъ признанъ забавнымъ псомъ.

Соболька не принадлежалъ къ категоріи бездомныхъ скитальцевъ; онъ состоялъ на иждивеніи сотни, стоящей на Хунчунскомъ караулѣ; имѣлъ, вѣроятно, вкусный и питательный столъ, квартиру въ видѣ собачьей будки; наконецъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи быть можетъ любую изъ сорныхъ кучъ, лежа на каковыхъ, могъ предаваться либо сладкому отдыху, либо, наконецъ, заниматься рѣшеніемъ какихъ-нибудь головоломныхъ для собачьей головы вопросовъ. И вотъ онъ промѣнялъ всѣ эти блага и удобства на трудности зимняго скитанія и этимъ показалъ, что онъ далеко не заурядный песъ,—что онъ философъ въ своемъ родѣ. А можетъ быть онъ былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ жизни и принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которымъ не сидится на мѣстѣ и которымъ всюду скучно на землѣ. Не знаю и не берусь отвѣчать на эти вопросы и скажу только одно, что онъ былъ добрый и славный песъ, котораго мы всѣ отъ души не только полюбили за время этого путешествія, но и привязались къ нему такъ, какъ можно привязаться къ разумному существу.

Съ собаками онъ былъ строгъ, суровъ, но справедливъ; самъ ни одну изъ нихъ не задиралъ, но задиравшимъ его спуску никогда не давалъ. Будучи и самъ очень ловокъ и силенъ, онъ нерѣдко схватывался съ такими „экземплярчиками“, которые

были значительно сильнѣе его и только, благодаря своей безграничной отвагѣ, не былъ никогда битъ. Всегда, послѣ выиграннаго имъ „сраженія“, онъ гордо выбѣгалъ впередъ, съ поднятымъ пушистымъ хвостомъ, и сначала продолжалъ злобно, но тихо ворчать, но, мало-по-малу, это ворчанье переходило въ тихое и тоскливое попискиваніе, которое не вызывалось физической болью (ранъ и контузій на немъ никогда не бывало), а скорѣе болью нравственной. Этими попискиваніями онъ какъ бы выражалъ свою скорбь по содѣянному и жаловался на то, что вотъ, молъ, какіе подлецы на бѣломъ свѣтѣ завелись:—и не хотѣлъ бы ихъ бить, а приходится.

Случалось и такъ, что на него набрасывалось 5—6 здоровенныхъ псовъ, но и тогда онъ не трусилъ, а прибѣгалъ къ такой тактикѣ: останавливался и, не вступая въ бой ни съ однимъ изъ непріятелей, показывалъ имъ только свои бѣлые зубы—и сердито ворчалъ; непріятели, въ свою очередь, поступали такъ же, но нападать не рѣшались, если же кто-либо изъ нихъ, ощетинивъ шерсть и съ выраженіемъ крайней ярости на мордѣ, дѣлалъ нѣсколько крадущихся шаговъ впередъ, то Соболька, не отступая ни на шагъ, начиналъ щелкать зубами съ такой силой, что можно было подумать—не палитъ ли онъ уже въ своихъ враговъ изъ пистолета. Въ такихъ случаяхъ „сраженій“ никогда не происходило; враги расходились, ворча и роя съ досады землю, а Соболька выбѣгалъ впередъ и начиналъ „скорбѣть духомъ по содѣянному“.—Этотъ въ обиду себя не дастъ; молодчага ты у насъ, Соболька, говорили казаки, лаская добродушнаго пса. Къ слабѣйшимъ себя Соболька былъ великодушенъ и либо не обращалъ никакого вниманія на какую-нибудь ничтожную пустолайку: пусть, молъ, лаетъ, коли охота; либо ужъ если подобная „мелочь“ очень его донимала, то онъ легонько хваталъ ее за шиворотъ и отбрасывалъ въ сторону, послѣ чего „мелочь“ поджимала хвостъ и исчезала.

Какъ выше было сказано, намъ приходилось прежде всего миновать крѣпость Хухчунъ, отстоящую въ 25 верстахъ отъ мѣста расположенія нашей пограничной сотни и въ 17 верстахъ отъ границы. Хунчунъ—довольно сильная крѣпость, имѣющая нѣсколько отдѣльныхъ фортовъ, построенныхъ по правиламъ науки и вооруженныхъ, какъ говорили, тяжелыми, дальнобойными пушками. Принадлежа къ территоріи Гиринской провинціи, Хунчунъ считался главнымъ городомъ округа, и представителемъ какъ гражданской, такъ и военной власти здѣсь былъ фудутунъ Энь-Сянь, въ подчиненіи у котораго находился до-

вольно сильный гарнизонъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. По положенію своему крѣпость эта могла бы назваться труднодоступной для атаки: обширная и открытая равнина, окружающая ее со всѣхъ сторонъ, преимущественно же со стороны нашей границы, какъ нельзя болѣе способствовала обстрѣлу всѣхъ подступовъ, и китайцы, сознавъ это, насыпали здѣсь сильныя батареи. Словомъ, они постарались создать въ данномъ случаѣ „тѣло" и, на сколько это было можно, успѣли въ этомъ. Что же касается до той „души", которая могла бы оживить это тѣло и приспособить его для борьбы, то сдѣлать это тѣло и приспособить его для борьбы, то сдѣлать этого они были не въ состояніи, за неимѣніемъ въ самихъ себѣ всѣхъ, необходимыхъ для этого, элементовъ.

Въ 8 верстахъ отъ мѣста расположенія нашей пограничной сотни,—по невысокому горному отрогу пролегаетъ наша государственная граница съ Китаемъ. На самой высшей точкѣ этой возвышенности дорога пересѣкаетъ границу и здѣсь—съ одной стороны стоитъ уныло покрившійся каменный пограничный столбъ, а съ другой—большая глинобитная фанза (домъ), служащая для жительства китайскаго пограничнаго патруля. Всѣ мы сильно озябли, благодаря встрѣчному вѣтру, а потому и зашли въ эту фанзу обогрѣться. Всего только восемь верстъ проѣхали, а замерзли, какъ мухи зимой, думалъ я, входя въ фанзу, которая оказалась наполненною разнымъ народомъ. Большинство изъ бывшихъ тутъ людей были, конечно, солдаты, но ни по наружной осанкѣ, ни по одеждѣ они не отличались отъ прочихъ посѣтителей, большинство изъ которыхъ были грузовые извозчики; эти послѣдніе, побросавъ свои огромныя арбы, нагруженныя какими-то тяжестями на дорогѣ, забѣжали сюда погрѣться, покурить и покалякать. Извѣстно, что всѣ восточные народы ужасные охотники до этого „калякания", и китайцы въ этомъ отношеніи нисколько не отстаютъ ни отъ персовъ, ни отъ турокъ, съ которыми они смѣло могутъ конкуррировать въ краснорѣчіи. Здѣсь сплошь и рядомъ приходилось наблюдать картинки, приблизительно, такого содержанія: приходитъ какой-нибудь промерзшій до костей путникъ и сейчасъ же устремляется къ наполненному горячими углями очагу, гдѣ и начинаетъ отогрѣвать свои окоченѣвшія руки. Сначала онъ ни на кого не смотритъ, и все его вниманіе сосредоточено на тепловыхъ лучахъ. Лучи эти, мало-по-малу, начинаютъ оказывать свое благотворное дѣйствіе, и попутно съ этимъ часть вниманія переходитъ отъ нихъ на постороннее, и путникъ, продолжая

потирать свои руки, начинаетъ оглядываться по сторонамъ; онъ что-то высматриваетъ и какъ бы къ чему-то даже принюхивается, такъ что можно даже подумать, что онъ сильно голоденъ и намѣревается „стащить“ что-нибудь съѣдобное, если только оно „плохо лежитъ“. Но нѣтъ, „онъ этого не ищетъ и не къ съѣдобному бѣжитъ“, а вотъ его взоръ облюбовалъ уже какого-то незнакомца, который сидитъ тутъ же по близости на канѣ (нары) и флегматично куритъ свою трубку. Онъ сначала осматриваетъ сидящаго, переводя глаза то на него, то на угли, и какъ бы что-то обдумываетъ и на что-то рѣшается и, наконецъ, приступаетъ къ дѣлу. Бесѣда сначала ведется отрывистыми фразами, и собесѣдники какъ бы нарочно дѣлаютъ видъ, что не имѣютъ особеннаго желанія продолжать обмѣнъ мыслей, а если и дѣлаютъ это, то только приличія ради. И вдругъ одинъ изъ собесѣдниковъ затронулъ какой-то, повидимому, интересный вопросъ. Лица у обоихъ сразу сбрасываютъ оффиціальность и даже какъ бы просвѣтляются. Тотъ, который грѣлъ свои руки, уже достаетъ изъ-за пазухи длинную трубку, со стекляннымъ, или фарфоровымъ мундштукомъ на одномъ концѣ и съ мѣдной чашечкой на другомъ; не торопясь, онъ набиваетъ эту чашечку мелко искрошеннымъ табакомъ, доставая его при помощи этой же чашечки изъ кисета, при чемъ дѣлаетъ это съ какимъ-то особеннымъ, если можно такъ сказать, „подковыромъ“ и начинаетъ съ наслажденіемъ посасывать, втягивая въ себя табачный дымъ съ такою силою, что можно подумать, что онъ могъ бы проникнуть до самыхъ пятокъ, если бы въ организмѣ были бы соотвѣтствующіе для сего „дымоходы“. Его собесѣдникъ, обрадованный возможностью поговорить, мѣняетъ уже свою трубку (іенду) на металлическій кальянъ (сю-іенду) и клокоча имъ, какъ чахоточный клокочетъ своими изъязвленными легкими, безпрестанно сплевываетъ на сторону и, подкладывая все новые и новые заряды въ свою сю-іенду, показываетъ уже свою способность къ краснорѣчію.

И откуда, въ самомъ дѣлѣ, у этихъ сыновъ востока берется такое краснорѣчіе! Вѣдь иной разъ слушаешь, слушаешь такого говоруна и начнешь сомнѣваться въ томъ—не заучилъ ли онъ своей ровной рѣчи по какой-нибудь книгѣ. Мысли у нихъ, какъ ручей,—текутъ непрерывно одна за другой, текутъ гладко, безъ запинки, какъ текутъ онѣ у актера, говорящаго со сцены хорошо заученный монологъ. Не часто встрѣчаются такіе говоруны между нашимъ простонародіемъ,—на востокѣ же сплошь и рядомъ приходится на нихъ наталкиваться. Неоднократно,

за время этой поѣздки, приходилось наблюдать, какъ собесѣдники, позабывъ про всѣ свои дѣла, проводили часъ-другой въ оживленной бесѣдѣ, мѣняя свои іенды на сю-іенды, и всегда при этомъ мнѣ казалось, что они курятъ первѣйшаго сорта табакъ, вывезенный изъ Гаванны, или изъ какого-нибудь инаго „табачнаго“ мѣста.

И вотъ, въ этой фанзѣ, набитой на половину солдатами, на половину же извозчиками, люди раздѣлились на группы, болтали, курили и грѣлись около очага съ углями. Нѣкоторые пили чай изъ грязныхъ фарфоровыхъ китайскихъ чашекъ, а нѣкоторые залегли уже на панъ и, зажегши лампочки, сосали съ наслажденіемъ изъ своихъ большихъ и толстыхъ трубокъ (та-іендъ) опіумъ, безпрестанно скатывая изъ опійной массы конусообразные, похожіе на наперстки, столбики и наклеивая ихъ надъ отверстіемъ трубки.

Скажу нѣсколько словъ о способѣ куренія опіума.

Китайцы курятъ опіумъ изъ большихъ и толстыхъ трубокъ, называемыхъ „та-іенда“. Эта та-іенда по своему наружному виду напоминаетъ собою флейту, только она не черная, а желтая и, конечно, не имѣетъ клапановъ. Дѣлается она изъ какого-та дерева, — очень крѣпкаго. На одномъ концѣ та-іенда имѣетъ отверстіе, служащее продолженіемъ канала трубки — и этотъ конецъ берется курильщикомъ въ ротъ и въ силу того, что та-іенда имѣетъ въ діаметрѣ около дюйма—губы курильщика, плотно обхвативъ конецъ трубки, придаютъ какое-то особенное выраженіе лицу, каковое мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось отвратительнымъ. Смотришь на человѣка и видишь, что онъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а началъ сосать эту безобразную трубку, и сразу преобразился въ какого-то отвратительнаго идіота: глаза какъ-то безсмысленно вперяются въ одну точку; вся физіономія принимаетъ выраженіе сладострастной сонливости, но все это до тѣхъ поръ — пока трубка находится во рту курильщика;—бросилъ онъ курить, и снова человѣкъ, какъ человѣкъ.

Другой конецъ трубки закрытъ по ея оси, но на боковой ея поверхности просверлено отверстіе, сообщающееся съ каналомъ. Въ это отверстіе ввинчивается особый придатокъ, имѣющій форму какъ бы небольшой чашечки. Придатокъ этотъ сплошной и только по своей оси имѣетъ узенькій каналъ, сообщающійся такимъ образомъ съ боковымъ отверстіемъ трубки. Придатокъ этотъ и служитъ для прилаживанія къ нему приготовленной для куренія порціи опіума. Самый опіумъ въ не-

приготовленномъ для куренія состояніи представляетъ собою довольно мягкую массу, кофейнаго цвѣта и издающую довольно пріятный запахъ; но для того, чтобы курить, необходимо предварительно хорошенько прокипятить его на огнѣ, и для этого употребляется особая маленькая лампочка, — необходимая принадлежность при куреніи.

Курильщикъ, отдѣливъ отъ общей массы небольшой кусочекъ сырого опіума, скатывалъ его между ладонями и, наколовъ на тонкую шпильку, начинаетъ поворачивать его, какъ на вертелѣ надъ пламенемъ лампочки. Опіумъ пузырится, скворчитъ, какъ скворчитъ яичница, когда ее жарятъ на сковородѣ и начинаетъ пузыриться. Курильщикъ ловко дѣйствуетъ своимъ вертеломъ и, безпрестанно подставляя къ огню менѣе нагрѣтую поверхность, не даетъ капать черезчуръ уже нагрѣтому и разжиженному опіуму.

Прокипятивъ такимъ образомъ отдѣленную имъ порцію, курильщикъ снимаетъ ее съ вертела и, остудивъ, прокатываетъ ее между ладонями и затѣмъ—снова на вертелъ;—такія манипуляціи продѣлываются раза 4—5 и по мѣрѣ кипяченія и прокатыванія опіумъ мѣняетъ свой кофейный цвѣтъ на черный, что происходитъ, главнымъ образомъ, отъ той грязи, которая пристаетъ къ его липкой поверхности отъ рукъ курильщика.

Когда процессъ кипяченія оконченъ, то сформиванный въ видѣ наперстка комочекъ опіума прилѣпляется къ деревянному придатку,—какъ разъ надъ каналомъ послѣдняго, затѣмъ прокалывается шпилькой, и въ немъ, такимъ образомъ, получается сквозной каналъ, служащій продолженіемъ канала придатка. Та-іенда обхватывается съ одного конца губами, физіономія курильщика принимаетъ идіотское выраженіе, и онъ, лежа на правомъ боку и держа постоянно опіумъ надъ пламенемъ лампочки, съ наслажденіемъ и полной грудью начинаетъ втягивать пары этого одуряющаго и ядовитаго зелья, которое скворчитъ, хрипитъ и пузырится надъ огнемъ. Правой рукой, вооруженной шпилькой, курильщикъ постоянно помѣшиваетъ полужидкую гущу, не давая ей возможности расползаться и расплываться, а также наполнять собою отверстіе придатка.

Наконецъ, одинъ зарядъ выкуренъ, тогда приготовляется другой, третій и т. д. Иной разъ это куреніе продолжается въ теченіе часа, или двухъ, но я не скажу, чтобы приходилось видѣть тѣ послѣдствія отъ этого куренья, про которыя говорятъ и пишутъ. Каждому приходилось слышать, что курильщики опіума начинаютъ въ концѣ концовъ галлюцинировать,

но, повторяю, что не только не приходилось самому наблюдать что-нибудь подобное, но и отъ китайцевъ я объ этомъ не слышалъ, и всѣ спрашиваемые по этому поводу давали отрицательные отвѣты: „все одно, кака табака кули; голова нѣтъ боли; малъ-мало кули — малъ-мало-сыпи; — шипка холоса (немного кури—немного спи—очень хорошо). Чанъ-фу былъ заядлымъ любителемъ куренья и всегда смѣялся, когда я у него спрашивалъ, не видитъ ли онъ прекрасныхъ „бабушекъ" (женщинъ), или чертей, или иныхъ чудесъ въ этомъ родѣ: „твоя, барыня, табака кули—бабусика нѣтъ смотили, зачѣмъ моя опи кулибабусика смотили,—моя сыпи ничего не смотили". Послѣ этого онъ добавлялъ: „худой человѣка многа худой болтай, твоя скажи зачѣмъ другой люди худой болтай" (ты скажи другимъ, зачѣмъ они худое говорятъ).

Не скажу, конечно, чтобы опіумъ не оставлялъ бы никакихъ дурныхъ послѣдствій въ организмѣ человѣка, и во всякомъ случаѣ послѣдствія эти значительно болѣе вредны, нежели послѣдствія отъ куренія табака; всѣ курильщики опіума желтолицы, вялы, худосочны и малосильны. Если же они въ извѣстный, обычный для нихъ часъ не будутъ почему-либо въ состояніи предаться куренію, то дѣлаются просто больными людьми—въ прямомъ значеніи этого слова; у нихъ начинаетъ болѣть голова, появляется головокруженіе и слабость во всѣхъ членахъ, и въ концѣ концовъ они чувствуютъ себя неспособными ни къ какой работѣ и, дабы избавиться отъ этого непріятнаго состоянія, они, за неимѣніемъ достаточнаго для куренія запаса опіума, скатываютъ изъ бренныхъ остатковъ его пилюли величиною съ горошину и проглатываютъ ихъ по одной, либо по двѣ въ день. Чанъ-фу въ дорогѣ нерѣдко прибѣгалъ къ этому средству и увѣрялъ, что „малъ-мало они куси — все одно,—малъ мало кули".

Итакъ, мы вошли въ фанзу, служащую казармой для пограничнаго китайскаго караула. Видя, что всѣ мы изрядно таки прозябли, китайскіе солдаты раздобыли гдѣ-то небольшой кувшинчикъ сули и начали насъ угощать, съ полнымъ и симпатичнымъ радушіемъ гостепріимныхъ хозяевъ. „Кушай, кушай, балята" (братъ), говорили они, поднося моимъ казакамъ эту крѣпкую водку, и это „кушай, балята" звучало непритворнымъ искреннимъ добродушіемъ.

Немного согрѣвшись, мы поѣхали дальше и, спустившись по пологому склону пограничной возвышенности, вступили въ долину, окружающую Хунчунъ. На громадное пространство рас-

кинулась ея ровная поверхность. Тамъ и сямъ были видны отдѣльно стоящія фанзы и около нихъ группы деревьевъ; видны были снятые посѣвы, а въ дали, закутанный синеватымъ туманомъ, виднѣлся и самый Хунчунъ. Дальше, на самомъ горизонтѣ, громоздились горы—и ихъ нѣжно-фіолетовыя очертанія были прекрасны. Вершины нѣкоторыхъ горъ были уже покрыты снѣгомъ. Полагаю, что если всѣмъ намъ должна была нравиться раскрывшаяся передъ нами картина, то на Чанъ-фу она должна была произвести самое сильное впечатлѣніе: онъ долженъ былъ знать, что эта чудная панорама включаетъ въ себя все то, что уже не принадлежитъ намъ—русскимъ, а принадлежитъ имъ—китайцамъ—и громадная равнина—и эти горы, и прозрачный воздухъ, и даже это далекое синее небо въ его воображеніи было уже ихъ небо, потому что оно распростерлось надъ ихъ страной. У него даже явилось желаніе возвеличить въ моихъ глазахъ красоту этой панорамы и возвысить цѣнность всего китайскаго надъ русскимъ.

„Русски земля такой гору нѣту, сказалъ онъ мнѣ,—только китайени земля такой гору есть; твоя смотили:—верху гора шипка бѣлый есть,—усе серебро есть".

„Зачѣмъ синега, протестовалъ онъ на мое возраженіе;—моя шаптай-болтай нѣтъ, моя палявда говоли:—усе серебро".—И онъ началъ распространяться по поводу несмѣтныхъ богатствъ, лежащихъ на вершинахъ этихъ „Китайскихъ горъ", „гору ходи, сыкольки хочешь бели—усе твое; Китайски человѣкъ дяньги сыколько хочешь бели" и т. д. распространялся онъ на эту тему. Я слушалъ его потому, что хотѣлось испытать—до чего можетъ дойти, простительная человѣку, хвастливость при восхваленіи имъ своей родины—и тутъ пришлось убѣдиться въ томъ, что она можетъ иной разъ доходить „до геркулесовыхъ столбовъ",—до того, что даже и снѣгъ, на горахъ лежащій,—становится серебромъ.

Въ 8 верстахъ отъ пограничной черты, какъ разъ на серединѣ разстоянія между этою послѣднею и Хунчуномъ, находится небольшой иніань, въ которомъ расположена какая-то часть войскъ (надо полагать, что нѣсколько десятковъ кавалеристовъ), служащая, вѣроятно, для связи крѣпости съ пограничнымъ карауломъ. Иніань — это родъ маленькой крѣпосцы. Несмотря на свою полнѣйшую непримѣнимость и безполезность въ военномъ отношеніи, иніани почему-то очень распространены въ Китаѣ—и всюду, гдѣ только содержатся у китайцевъ гарнизоны,—какъ на крайнемъ востокѣ, такъ и на крайнемъ западѣ—въ

какомъ-нибудь Чугучанѣ, Кульджѣ и т. под. пунктахъ,—непремѣнно возведены эти несчастные и первобытные иніани.

Иніань, если на него посмотрѣть въ планѣ, имѣетъ видъ четырехъугольника. Смѣны его дѣлаются либо изъ камня, либо изъ кирпича, или же просто изъ глины (глинобитныя), высота и толщина стѣнъ различны: отъ одной до двухъ саженъ и отъ 1½ до 3 арш. На верху, стѣны снабжены зубцами, между которыми, такимъ образомъ, образуются бойницы. По угламъ иногда возведены небольшія башни съ бойницами же.

По серединѣ одного изъ фасовъ продѣлываются ворота и надъ ними иногда устраивается небольшая башня. Передъ воротами нерѣдко насыпается земляной валъ (траверзъ), на который китайцы смотрятъ не какъ на прикрытіе отъ выстрѣловъ непріятеля, а какъ на преграду отъ злого духа, который почему-то, яко бы, не можетъ проникнуть во внутренность иніаня на соблазнъ его гарнизона, при условіи существованія передъ воротами подобнаго препятствія. Не знаю—быть можетъ все это и вздоръ, но мнѣ приходилось это слышать отъ китайскихъ солдатъ. Внутренность иніаня застраивается фанзами, въ которыхъ и размѣщается горнизонъ.

Такой же иніань встрѣтился намъ и на серединѣ пути между границей и Хунчуномъ. Еще не доходя шаговъ 200 до этого иніаня, я увидѣлъ бѣгущаго къ намъ навстрѣчу человѣка, который держалъ передъ собою лоскутъ красной бумаги. По той осторожности, съ которой бѣжавшій держалъ эту бумагу, взявъ ее бережно только двумя пальцами (чтобы не замарать) и держа все время почти на уровнѣ своего носа, можно было подумать, что онъ держитъ въ рукахъ какую-то драгоцѣнность. Впослѣдствіи, когда бѣжавшій, запыхавшись, остановился передъ нами, то эта „драгоцѣнность“ оказалась визитной карточкой офицера, начальствующаго надъ гарнизономъ иніаня, а принесшій ее человѣкъ оказался однимъ изъ солдатъ этого гарнизона. Китайцы вообще очень щепетильны по части обмѣна визитными карточками; они даже какъ бы священнодѣйствуютъ, тогда передаютъ свои красныя съ черными буквами (цзверами) визитныя карточки, и этикетъ требуетъ, чтобы взамѣнъ данной карточки, получившій непремѣнно не замедлилъ бы дать и свою и тѣмъ выразилъ бы чувство своего уваженія къ подателю. Если этого не сдѣлать, то можно обидѣть давшаго карточку, или же прослыть въ его глазахъ за невоспитаннаго невѣжу. Вообще разнаго рода этикеты еще крѣпко держатся среди китайцевъ и видимо нисколько ихъ не тяготятъ и исполняются ими всегда съ

полнымъ сознаніемъ, что такъ необходимо поступать. Невольно припоминаешь при этомъ наши праздничные поздравительные визиты, которые мы дѣлаемъ далеко не всегда съ полнымъ сознаніемъ ихъ цѣлесообразности,—и все же дѣлаемъ.

Передавъ мнѣ визитную карточку, посланный сообщилъ, что его начальникъ проситъ насъ заѣхать хотя бы на полчаса, чтобы погрѣться и выпить чаю. Пришлось, конечно, согласиться.

Въѣхавъ во внутреннее помѣщеніе иніаня, мы увидѣли толпу китайскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ красныя куртки. У дверей фанзы, построенной какъ разъ противъ воротъ, стоялъ какой-то пожилой уже человѣкъ, въ малиновой шелковой кофтѣ и въ китайской мѣховой шапкѣ, къ верху которой былъ прикрѣпленъ соболій хвостъ, который и свѣшивался сзади шапки. Это послѣднее обстоятельство дало возможность заключить о томъ, что та голова, на которой покоилась вышеозначенная шапка съ хвостомъ, принадлежала человѣку, возведенному въ офицерскій чинъ, ибо, какъ извѣстно, китайскіе офицеры, по установленной формѣ, имѣютъ такіе хвосты на головныхъ уборахъ, генералы же замѣняютъ ихъ павлиньими перьями.

Физіономія этого офицера оказалась добродушной и симпатичной. Главнымъ ея украшеніемъ были умные глаза съ искорками, а второстепеннымъ—мясистый и слегка сизоватый носъ, подъ которымъ красовались небольшіе, тонкіе и висящіе къ низу усы, а ниже ихъ на подбородкѣ выросло нѣсколько десятковъ волосковъ, длинныхъ и тонкихъ, кои и составили собою весьма жиденькую козлиную бородку. Мы поздоровались съ нимъ за руку, при чемъ онъ долго трясъ мою руку, раскачивая ее въ стороны и этимъ желая выразить возможно больше радушія при встрѣчѣ. Во время этого „трясенія“ изъ-за его спины на меня начали смотрѣть два другихъ человѣческихъ лица. И они незамедлили обнаружить себя и познакомиться, при чемъ одно изъ этихъ лицъ оказалось принадлежащимъ переводчику: служащему здѣсь же въ иніанѣ, на случай веденія какихъ-либо переговоровъ съ нашими казаками, нерѣдко посылаемыми по дѣламъ службы изъ пограничной сотни въ Хунчунъ; другое же лицо принадлежало человѣку, который назвалъ себя фудутуновымъ братомъ („малъ-мало Фудутунъ балята есть“). Этимъ послѣдній тутъ же и пояснилъ, что онъ посланъ самимъ фудутуномъ къ намъ навстрѣчу и что фудутунъ ждетъ уже насъ съ обѣдомъ въ своемъ дворцѣ.

Фудутуновъ братъ произвелъ на меня также хорошее впечатлѣніе; его худощавое и безъусое лицо было симпатично;

что же касается до переводчика, то помню, онъ сразу показался мнѣ нахальнымъ и заносчивымъ парнемъ, гордящимся не въ мѣру тѣми скудными свѣдѣніями по русскому языку, которыя онъ только въ силу своего самомнѣнія могъ считать достаточными для отправленія обязанности переводчика. Къ тому же онъ мнѣ показался еще какимъ-то упрямымъ и тугимъ на соображеніе человѣкомъ.

Онъ обладалъ замѣчательно подвижными бровями, которыя во время разговоровъ безпрестанно перемѣщались отъ переносицы до шапки и обратно, а иногда одна бровь оставалась у переносицы, а другая ни съ того, ни съ сего дѣлала прыжокъ подъ шапку и тамъ оставалась въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и тогда изъ его лица сама собою „выкраивалась“ довольно таки омерзительная „рожа“. Такую эквилибристику бровями онъ продѣлывалъ въ томъ случаѣ, если ему приходилось дѣлать особыя усилія, дабы извлечь изъ скуднаго запаса немногихъ русскихъ словъ, которыя онъ съ грѣхомъ пополамъ могъ произносить, именно тѣ слова, изъ которыхъ можно было бы сложить какую-либо фразу, выходящую изъ рамокъ самыхъ элементарныхъ оборотовъ рѣчи.

Для меня улавливать смыслъ его переводовъ было сущимъ наказаніемъ и, помню, что отъ такого напряженнаго вниманія я становился красенъ, какъ ракъ, и обливался потомъ, какъ бы расколовъ передъ этимъ нѣсколько охапокъ дровъ; онъ же, желая во что бы то ни стало щегольнуть своими познаніями, не рѣдко замѣнялъ мнѣ Чанъ-фу при разговорахъ съ фудутуномъ во время моего пребыванія въ Хунчунѣ.

По приглашенію хозяина, мы вошли во внутреннее помѣщеніе фанзы. Наружной двери почему-то не затворили, а потому въ фанзѣ было холодно и не было лишь только изводящаго вѣтра, который снова заставилъ насъ изрядно прозябнуть.

Прямо противъ двери была устроена въ стѣнѣ задрапированная краснымъ сукномъ ниша, что придавало внутреннему помѣщенію фанзы парадный и довольно красивый видъ. Изъ этой ниши, при помощи постланныхъ въ ней ковровъ и разбросанныхъ подушекъ и валиковъ, получалась широкая тахта, красное же сукно, драпируясь надъ ней красивыми складками, напоминало собою балдахинъ. Мѣдная, хорошо вычищенная жаровня, наполненная горячими углями, стояла возлѣ этой ниши и распространяла теплоту и угаръ, который былъ довольно ощутителенъ для человѣка, не привыкшаго къ такому способу нагрѣванія своего жилища. Въ самой нишѣ помѣщался ма-

ленькій на низенькихъ ножкахъ столикъ (чжу-оуза), на которомъ уже дымился налитый въ фарфоровыя чашечки чай и были поставлены бисквитныя печенья и китайскіе пряники съ орѣхами. Чашечки были покрыты фарфоровыми крышками, дабы чай скоро не охлаждался. Обыкновенно, когда пьютъ чай, то не снимаютъ этихъ крышекъ, а шумно и сочно втягиваютъ жидкость черезъ зазоръ между боковой поверхностью крышки и внутренней поверхностью чашки, при этомъ и чайная трава не можетъ уже попадать въ ротъ. При этомъ надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ у китайцевъ чай не заваривается подобно тому, какъ это дѣлается у насъ, т. е. въ чайникахъ; чай непосредственно насыпается въ чашку, которая и наполняется послѣ этого кипяткомъ и лишь только въ дорогѣ, гдѣ-либо на постояломъ дворѣ, или въ фанзѣ простолюдина можно было встрѣчать чайники для заварки чая.

Мы усѣлись вокругъ столика. Хозяинъ закурилъ свою трубку, сдѣлавъ предварительно ею такое движеніе, какъ бы намѣреваясь передать ее мнѣ (это обычай вѣжливости), и мы приступили къ обмѣну мыслями. Въ роль переводчика вступилъ „тугой парень", и тутъ онъ прежде всего показалъ всѣмъ намъ, какъ высоко онъ можетъ поднимать свои брови и какія „рожи" онъ можетъ выкраивать изъ своей физіономіи. Чанъ-фу нѣсколько разъ старался сбить его съ позиціи, но „тугой парень", какъ человѣкъ болѣе смѣлый и рѣшительный, всегда сразу оттиралъ его, стараясь говорить громче его; въ силу чего Чанъ-фу поджималъ свои губы и накладывалъ на нихъ „печать молчанія". Мнѣ какъ-то неловко было устранить его и тѣмъ показать его начальнику полнѣйшую непригодность его подчиненнаго къ занимаемой имъ должности. Говорили по обыкновенію про дорогу, про погоду, перешли потомъ къ вопросу относительно дружбы и взаимныхъ симпатій русскихъ съ китайцами—и фудутуновъ братъ при этомъ не безъ хитрости спросилъ о томъ, что вѣрны ли, де, слухи, которые ходятъ въ народѣ относительно пособничества русскихъ японцамъ, и „тугой парень" перевелъ этотъ вопросъ также не безъ хитрой улыбочки.

Съ полчаса мы провели въ подобной бесѣдѣ, попивая чай и, наконецъ, фудутуновъ братъ предложилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, такъ какъ фудутунъ давно уже ждетъ насъ съ обѣдомъ. Послѣ этого, ничего не оставалось сдѣлать, какъ поблагодарить любезнаго хозяина и проститься съ нимъ. Теперь уже къ нашей „кавалькадѣ" прибавились двѣ личности:

фудутуновъ братъ и „тугой парень“, при чемъ послѣдній все время гарцовалъ на своей мохнатой лошади, показывая свою удаль и умѣніе ѣздить верхомъ. Фудутуновъ же братъ, какъ человѣкъ уже солидный, не увлекался этимъ и пребывалъ все время въ грустной меланхоліи.

Чанъ-фу, по мѣрѣ приближенія къ Хунчуну, началъ высказывать признаки все большаго и большаго волненія. Полагаю, что ему въ первый разъ въ жизни приходилось вступать въ близкое общеніе съ такими высокопоставленными въ китайской чиновной іерархіи лицами, какъ фудутунъ, а тутъ онъ, черезъ какихъ-нибудь полчаса долженъ будетъ невольно переступить порогъ Фудутунова жилища и предстать передъ священныя для него очи самого футутуна. Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ, волненіе его было совершенно естественно. Онъ нѣсколько разъ подъѣзжалъ ко мнѣ и, называя меня то Вашимъ Превосходительствомъ, то барыней, предупреждалъ меня о строгости китайскихъ этикетовъ, которые онъ просто называлъ законами; говорилъ, что мнѣ необходимо будетъ присѣсть передъ фудутуномъ при свиданіи съ нимъ, такъ какъ это дѣлаютъ всѣ китайцы, при чемъ старался даже объяснить мнѣ, какимъ образомъ надлежитъ совершить это присѣданіе и какъ въ это время надлежитъ держать руки. „Твоя, барыня, не знай, — наша законъ строга есть“, безпрестанно повторялъ онъ, волнуясь все болѣе и болѣе. Въ концѣ концовъ, онъ дошелъ до того, что началъ уже строить планы о наградахъ, если мы съ нимъ сумѣемъ обворожить фудутуна, при чемъ мнѣ онъ сулилъ въ награду какой-то орденъ, который дастъ мнѣ фудутунъ, а свое вниманіе останавливала на какой-то непонятной для меня „шишкѣ“, про которую онъ безпрестанно упоминалъ въ своихъ мечтахъ. „Моя фудутуна холоса скажи—фудутуна минѣ киленки люби—шапка шишка минѣ давай“. (Если я футутуну понравлюсь — онъ полюбитъ меня и наградитъ шишкой). Спачала я не понялъ, что эта за таинственная шишка, составляющая предметъ его вождѣленій, но впослѣдствіи оказалось. что эта шишка въ воображеніи Чанъ-фу была ни чѣмъ другимъ, какъ шарикомъ на шапкѣ, играющимъ такую же роль у китайскихъ офицеровъ и чиновниковъ, какую играютъ у насъ погоны и другіе знаки отличій. „Моя фудутунъ шишка давай,—моя офицерски будь“, пояснялъ онъ мнѣ, захлебываясь отъ пріятнаго предвкушенія возможности украсить свою голову шапкой „съ шишкой“. Было и жалко и смѣшно слушать его наивныя мечты, но все же онѣ были интересны именно въ силу ихъ крайней

наивности; въ нихъ слышался какъ бы отголосокъ нашихъ матеріалистическихъ стремленій, при чемъ, въ данномъ случаѣ, мы далеко не ограничиваемся только лишь наивнымъ дѣтскимъ лепетомъ.

День уже сильно клонился къ вечеру и стало еще холоднѣе, когда мы приблизились къ нескованной еще ледянымъ покровомъ р. Хунчункѣ, на противоположномъ берегу которой были видны черепичныя крыши городскихъ строеній, возвышающіяся надъ зубцами окружающей городъ глинобитной стѣны. На паромѣ мы переправились черезъ рѣку и направились къ мрачнымъ городскимъ воротамъ, двигаясь среди большой толпы, поджидавшей насъ на берегу. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти, при чемъ вся эта толпа поражала глазъ полнымъ однообразіемъ своего костюма. Я убѣжденъ въ томъ, что если бы можно было взять по большой толпѣ отъ разныхъ народностей и, поставивъ всѣ эти толпы на какой-нибудь огромной площади, окинуть ихъ всѣ взоромъ, то самой разнообразной по костюму будетъ именно китайская толпа, если при этомъ не принимать, конечно, во вниманіе толпы изъ какихъ-нибудь алеутовъ, чукчей, самоѣдовъ или африканскихъ дикарей. На этой площади китайская толпа будетъ выдѣляться однообразнымъ синимъ пятномъ, выражая этимъ однообразіемъ нѣчто цѣнное и однообразное, за что намъ невольно хочется снять передъ ней шапку и поклониться ей. Чувствуется, что эта толпа какъ бы глубже и серьезнѣе всякой другой разноцвѣтной толпы, а поэтому и достойна большаго вниманія и уваженія. Правда, не красивъ и не изященъ китайскій костюмъ, особенно женскій, но костюмъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ національному вкусу, потому что покрой его выработался быть можетъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ во времена сѣдой древности, которую чтитъ китаецъ и во всемъ старается жить въ сферѣ тѣхъ же потребностей, въ которыхъ жили нѣкогда его отдаленные и почитаемые имъ святопредки.

По мѣрѣ приближенія нашего къ городскимъ воротамъ, сопровождавшая насъ толпа росла и росла. На городской стѣнѣ стоялъ какой-то человѣкъ и дулъ во всю мочь въ длинную и прямую съ широкимъ раструбомъ трубу.

По словамъ Чанъ-фу — это была встрѣча въ честь нашего приближенія къ городу. Человѣкъ, потрясавшій воздухъ „гласомъ трубнымъ", извлекалъ изъ своей трубы однообразный, дребезжащій звукъ и, не знаю почему, но мнѣ въ этомъ звукѣ

послышались какія-то дикія и какъ бы грозныя ноты; вмѣстѣ съ симъ въ нихъ чудилось выраженіе какъ бы гордости. Представлялась почему-то фигура сказочнаго богатыря, который, выходя на единоборство съ противникомъ, мощно потрясаетъ оружіемъ, сознавая свое производство надъ врагомъ. Помню, всегда впослѣдствіи, когда приходилось слышать звуки этой китайской трубы—ухо мое улавливало въ немъ это гордое сознаніе своей мощи и силы.

Мы прошли мрачными сводами городскихъ воротъ и очутились въ городѣ. Улица была узка и грязна. По бокамъ вплотную одна къ другой, лѣпились грязныя и унылыя фанзы и лавченки съ разнымъ мелочнымъ товаромъ. Въ воздухѣ носился своеобразный и свойственный только китайскому жилью какой-то грязный и масляный запахъ; впрочемъ, запахъ этотъ, какъ кажется, исходилъ не столько изъ домовъ, сколько отъ людей, запрудившихъ собою улицу; эти люди шли и впереди насъ, и съ боковъ, и сзади; всѣ кричали, галдѣли и размахивали руками. Появились какіе-то конные люди—очевидно, солдаты, одѣтые въ красныя куртки, съ нашитыми на груди большими литерами изъ чернаго сукна. Солдаты эти были высланы намъ навстрѣчу, дабы облегчить намъ возможность движенія по запруженнымъ народомъ улицамъ города. Тѣ круглыя и гладко отполированныя небольшія палки, которыми они на сей разъ были вооружены, прямо говорили о возложенной на этихъ солдатъ миссіи. И дѣйствительно: только и было видно, какъ эти палки, безпрестанно мелькая въ воздухѣ, шлепали по спинамъ тѣснящихся вокругъ людей, послѣ чего эти спины прятались въ толпѣ, а вмѣсто нихъ появлялись другія спины, по которымъ продолжали погуливать отполированныя отъ неустаннаго соприкосновенія съ ними палки. Не будь въ наличности какъ этихъ солдатъ, такъ равно и ихъ палокъ, намъ бы, вѣроятно, долго еще пришлось бы прочищать себѣ дорогу въ толпѣ, но, благодаря ихъ содѣйствію, мы сравнительно довольно быстро добрались до центра города, гдѣ, обнесенный глухой, каменной стѣной, возвышался дворецъ фудутуна. Мы въѣхали въ ворота, продѣланныя въ стѣнѣ, и только тогда почувствовали себя свободными отъ преслѣдованія толпы, такъ какъ ворота вслѣдъ за нами закрылись и никто не былъ черезъ нихъ пропущенъ. За воротами оказался довольно обширный четырехъугольный дворъ, на которомъ мы и спѣшились.

На одной изъ сторонъ двора возвышалась большая, крытая черной черепицей, каменная фанза, имѣвшая по серединѣ своего

мрачнаго и унылаго фасада сквозныя ворота, въ которыя можно было разсмотрѣть другой—внутренній дворъ и на немъ человѣкъ 50 солдатъ, построенныхъ для встрѣчи—въ одну шеренгу. На крыльцѣ этой фанзы, влѣво отъ воротъ, помѣщалась какая-то крытая синей матеріей двухколесная колымага; оказалось потомъ, что это былъ выѣздной экипажъ самого фудутупа. Надо правду сказать, что этотъ экипажъ, по своему устройству, далеко не могъ удовлетворять даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ отъ этого типа повозокъ, и пожалуй не будетъ ошибкой, если мы назовемъ его не экипажемъ, а какимъ-то допотопнымъ старьемъ, которое, появившись на свѣтъ бѣлый во времена сѣдой старины,—такъ съ тѣхъ поръ и не мѣняло своей внѣшности. Такія же точно повозки мнѣ приходилось впослѣдствіи нерѣдко видѣть въ Нингутѣ и въ Гиринѣ, и въ нихъ по большей части ѣздили богатые по внѣшности и чиновные по наружнымъ отличіямъ люди. Экземпляръ, который теперь красовался у воротъ дворца, состоялъ изъ небольшого кузова, въ общемъ напоминающаго собою бабью голову, закутанную въ синій платокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у этой головы должны были находиться уши, были продѣланы небольшія квадратныя отверстія, со вставленными въ нихъ стеклами. Внутренность этой „бабьей головы", хотя въ общемъ была велика, если ее приравнивать къ вмѣстимости ея прототипа, но все же въ нее при полномъ желаніи и даже усиліи нельзя было бы помѣститься двумъ сѣдокамъ,—и одному-то, если онъ будетъ, что называется, „человѣкомъ съ вѣсомъ", не совсѣмъ, полагаю, удобно путешествовать, сидя въ тѣснотѣ и поддерживая постоянное общеніе съ боками и съ верхомъ кузова при посредствѣ своихъ боковъ, спины и головы. Имѣющій столь странное сходство съ закутанной въ платокъ головой кузовъ (бываютъ же люди, похожіе на таракановъ, а кажется, что можетъ быть общаго между человѣкомъ и таракановъ) былъ утвержденъ непосредственно на толстой деревянной оси, продѣтой черезъ ступицы огромныхъ и неуклюжихъ колесъ, окованныхъ толстѣйшими шинами и украшенныхъ мѣдными кнопками и пуговками. Столь простое соединенія кузова съ ходомъ не говоритъ, конечно, въ пользу удобнаго и спокойнаго передвиженія въ подобномъ экипажѣ.

Тутъ же около этой колымаги помѣщались въ особой стойкѣ какія-то алебарды на длинныхъ и тонкихъ черенкахъ.

Оставивъ казаковъ на дворѣ, я въ сопровожденіи Чанъ-фу, „тугого парня" и фудутунова брата, направился черезъ ворота на второй дворъ. Чанъ-фу волновался, вздыхалъ и растерянно

улыбался; брови тугого парня совершали безпрестанныя передвиженія отъ переносицы къ шапкѣ и обратно, и только лишь фудутуновъ братъ, какъ человѣкъ уже бывалый, сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Такъ мы вошли на этотъ дворъ, представлявшій собою квадратъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ высокими каменными фанзами, окна которыхъ съ замысловатыми и довольно художественными переплетами выходили на этотъ дворъ. Все это, какъ оказалось потомъ, были различныя помѣщенія для служащихъ, самъ же фудутунъ занималъ помѣщеніе, достигнуть до котораго можно было, пройдя еще одинъ такой же дворъ.

Дворъ, на который мы теперь вступили, былъ вымощенъ тесаннымъ плитнякомъ, и тутъ, вытянувшись стрункой, стояла шеренга солдатъ, одѣтыхъ въ красныя куртки. Головы всѣхъ этихъ солдатъ были повязаны темными башлыками,—на подобіе турецкихъ чалмъ. Солдаты стояли безъ ружей и, приглядываясь къ нимъ, я замѣтилъ, что всѣ они были здоровые и красивые парни—надо думать, отборные люди изъ всего хунчунскаго гарнизона; а можетъ быть это были какіе-нибудь тѣлохранители фудутуна, не знаю про это. Они стояли молодцами; видна была выправка. Ихъ красныя куртки и темныя, красиво повязанныя чалмы придавали всему фронту довольно эффектный видъ, чего, по правдѣ говоря, я даже не разсчитывалъ встрѣтить, тѣмъ болѣе, что раньше приходилось слышать, что китайскіе солдаты совсѣмъ не похожи на солдатъ, что у нихъ нѣтъ ни выправки, ни вообще того, что принято подразумѣвать подъ словами „воинскій видъ“.

Впослѣдствіи, правда, пришлось убѣдиться въ томъ, что подобный отзывъ о китайскомъ войскѣ почти справедливъ, такъ что на этихъ хунчунскихъ молодцовъ надо смотрѣть какъ на исключеніе изъ общаго правила.

Пройдя этотъ дворъ, мы снова подошли къ воротамъ, продѣланнымъ посреди фасада одной изъ фанзъ, построенныхъ на фассѣ этого двора, при чемъ ворота, до сего времени плотно закрытыя, при нашемъ приближеніи вдругъ распахнулись и обнаружили за собою такой же точно дворъ, какъ и тотъ, по которому мы только-что прошли. Здѣсь, у этихъ воротъ, мы были встрѣчены какимъ-то очень полнымъ, но блѣднолицымъ человѣкомъ, оказавшимся впослѣдствіи чиновникомъ, на обязанности котораго, повидимому, лежала хозяйственная часть домоправительства фудутуна, ибо всѣ распоряженія „по съѣдобной части“

во время обѣдовъ и завтраковъ исходили отъ этого жирнаго человѣка, который, по правдѣ говоря, былъ дѣйствительно мастеромъ своего дѣла, т. к. все время питалъ насъ на славу; полагаю, что если бы можно было прожить въ теченіе мѣсяца подъ благосклоннымъ покровительствомъ этого человѣка, то можно было бы значительно уплотнить и утяжелить свою фигуру. Движенія встрѣтившаго насъ человѣка были медлительны и плавны; отъ всей фигуры его сразу повѣяло какимъ-то невозмутимымъ спокойствіемъ; казалось, что онъ былъ гордъ этимъ спокойствіемъ и, вѣроятно, способенъ былъ презирать всѣхъ тѣхъ людей, которые въ состояніи волноваться и безпокоиться. Бываютъ такіе люди, на которыхъ посмотришь и какъ-то невольно сравнишь ихъ съ тѣми обломками скалъ, которые валяются на морскомъ берегу: имъ (этимъ обломкамъ) нѣтъ дѣла до того, что предъ ними волнуется и шумитъ вѣчно живое и вѣчно прекрасное море; они не видятъ шумно надвигающагося вала, который черезъ секунду обрушится на нихъ и зальетъ ихъ своей пѣной, изъ-подъ которой они все равно снова выглянутъ на свѣтъ Божій и, обсохнувъ, будутъ лежать по-прежнему грузно и неподвижно. Они холодны и безучастны къ послѣднимъ усиліямъ изнемогшаго въ борьбѣ съ волною пловца и если онъ, разбившись объ нихъ, окраситъ ихъ своею кровью, то и тогда они по-прежнему будутъ столь же грузны и неподвижны. Не радуетъ и не веселитъ ихъ спокойная и все же дышащая и живая поверхность моря, когда въ нее смотрится заходящее солнце; они одинаково слѣпы и глухи къ тихой и нѣжной гармоніи весенняго вечера и къ ужасной фугѣ урагана, ревущаго ненастной, осеннею ночью... На берегахъ житейскаго моря не рѣдко встрѣчаются такіе же „камни"—и встрѣтившій насъ теперь жирный незнакомецъ почему-то сразу показался мнѣ похожимъ на одинъ изъ такихъ камней.

Онъ флегматично сунулъ мнѣ въ руку красную визитную карточку фудутуна и, остановивъ свой взоръ на Чанъ-фу, началъ что-то говорить монотонно и важно, безпрестанно причмокивая губами. Можно было подумать, что онъ, наѣвшись до полусоннаго состоянія, пережевываетъ послѣдній, жирно намасленный блинъ и въ то же время отдаетъ приказаніе о томъ, чтобы ему приготовили помягче и поудобнѣе постель для пріятнаго отдохновенія. По правдѣ говоря, я готовъ былъ уже повѣрить въ то, что смыслъ его словъ, обращенныхъ къ Чанъ-фу, былъ именно въ этомъ родѣ, но оказалось, что этотъ смыслъ былъ нѣсколько иной, т. к. жирный незнакомецъ передавалъ

мнѣ черезъ переводчика приглашеніе фудутуна отобѣдать у него сегодня.

Во время этихъ переговоровъ, мы остановились въ воротахъ, отдѣляющихъ одинъ дворъ отъ другого, и когда переговоры кончились, то прослѣдовали дальше. Жирный незнакомецъ присоединился къ нашему шествію и тутъ же вступилъ въ разговоръ съ фудутуновымъ братомъ, не мѣняя своего монотоннаго, тихо, но важно звучащаго голоса. Чанъ-фу волновался все болѣе и болѣе; онъ тяжело дышалъ и шопотомъ даже взывалъ къ Богу, повторяя безпрестанно: О Господи! О Господи! Черезъ ворота онъ не прошелъ свободно, а какъ-то провильнулъ бочкомъ, какъ бы протискиваясь черезъ какую-то тѣснину, хотя надобности въ подобномъ протискиваніи рѣшительно никакой не усматривалось. Къ подобному протискиванію онъ прибѣгъ, желая выразить этимъ свое ничтожество и вмѣстѣ съ симъ свою почтительность.

На этомъ второмъ дворѣ стояла стрункой шеренга такихъ же молодцовъ, какъ и на первомъ дворѣ; на порогѣ же фанзы, занимающей противоположный воротамъ фасъ двора, стоялъ какой-то человѣкъ, одѣтый въ малиновую шелковую кофту, отороченную собольимъ мѣхомъ. Чанъ-фу, завидя его, подбѣжалъ ко мнѣ и съ трепетомъ шепнулъ на ухо: „смотили, барыня, наша фудутунъ есть“. Сказавъ это, онъ глубоко вздохнулъ и отдалъ себя въ руки судьбы. Полагаю, что въ данную минуту онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ чувствуетъ плохой ученикъ, заслышавъ, что учитель громко назвалъ его фамилію, вызывая его къ экзаменаціонному столу.

Подойдя къ фудутуну, я увидѣлъ, что онъ былъ далеко еще не старый человѣкъ съ изжелто-смуглымъ лицомъ; портили его большіе и желтоватые зубы, которые онъ показывалъ, складывая ротъ въ привѣтливую улыбку. Онъ поздоровался со мною за руку, безъ всякихъ присѣданій, говоря въ то же время какое-то привѣтствіе. Чанъ-фу, съ необычайнымъ волненіемъ на лицѣ, былъ уже тутъ и приготовился переводить мнѣ рѣчь фудутуна; но предварительно онъ присѣлъ передъ нимъ, сложивъ свои руки ладонями во внутрь и опустивъ ихъ между колѣнами. Фудутунъ ласково потрепалъ его по плечу какъ бы ободряя, и послѣ этого Чанъ-фу окончательно умилился духомъ. Онъ началъ внимательно и подобострастно слушать, стараясь не проронить ни одного слова, и переводилъ мнѣ по частямъ то, что говорилъ фудутунъ, издавая при этомъ какое-то особенное шипѣнье и храпѣнье: фудутунъ скажетъ нѣсколько словъ — сы,

сы,-сы — шипитъ уже Чанъ-фу и потомъ переводитъ смыслъ этихъ словъ на русскій языкъ; фудутунъ послѣ этого продолжаетъ говорить... хо, хо, хо,—хрипитъ Чанъ-фу и снова переводитъ, потомъ опять — реплики фудутуна, сы, сы, сы и хо, хо, хо и т. д. Это, какъ онъ мнѣ потомъ объяснилъ: „если одна человѣка шинка люби и уважаитъ другой человѣка—така говоли есть (если одинъ человѣкъ любитъ и уважаетъ другого, то онъ такъ долженъ съ нимъ разговаривать). Конечно, рѣчь фудутуна онъ перевелъ въ отрывистыхъ и не очень связныхъ выраженіяхъ и безпрестанно повторяя свои излюбленныя слова: „люби и уважаитъ“, все-таки оставилъ меня въ невѣдѣніи относительно того—кто кого долженъ былъ любить и уважать—я ли фудутуна или фудутунъ меня. Придя къ совершенно правильному въ данномъ случаѣ выводу, что оба мы должны были взаимно уважать другъ друга, и, видя, что Чанъ-чу окончательно „зарапортовался“ и потерялъ почву подъ ногами, я поспѣшилъ прервать его краснорѣчіе и передалъ черезъ него съ своей стороны привѣтствіе гостепріимному хозяину, поблагодаривъ его и за устроенную имъ встрѣчу—и послѣ этого фудутунъ пригласилъ меня во внутренніе аппартаменты, причемъ мы съ нимъ, подобно Чичикову и Манилову, препирались нѣкоторое время жестами о томъ,—кто первый долженъ переступить порогъ входной двери и, въ концѣ концовъ, фудутунъ, какъ хозяинъ, настоялъ на томъ, чтобы я вошелъ первымъ.

Мы вошли сначала въ переднюю, изъ которой направо и налѣво было двери въ находящіяся по ея бокамъ жилыя помѣщенія. Эти двери были устроены очень оригинально: собственно говоря, если хотите, — дверей и не было, а въ стѣнахъ были продѣланы совершенно круглыя отверстія, имѣющія по сажени въ діаметрѣ. Эти отверстія нижнимъ своимъ краемъ не соприкасались съ поломъ, а возвышались надъ нимъ приблизительно на одну четверть, образуя такимъ образомъ порогъ. Роль дверей играла, въ данномъ случаѣ, плотная синяя матерія, которая, свѣшиваясь складками, драпировала эти отверстія. Отдернувъ эту матерію, фудутунъ пригласилъ меня въ комнату — налѣво, и мы вошли. Комната эта была не очень велика и освѣщалась большимъ окномъ, со вставленной въ него причудливой рѣшетчатой рамой, рисунокъ которой отличался изяществомъ въ своеобразномъ китайскомъ вкусѣ. Въ центрѣ этой рамы было вставлено небольшое, имѣющее около одного фута въ сторонѣ, квадратное толстое стекло, а остальныя фигурки переплета были

заклеены полупрозрачной бумагой, изготовляемой спеціально для этото назначенія; эта бумага, разсѣевая солночный свѣтъ, дѣлаетъ освѣщеніе комнаты особенно мягкимъ и пріятнымъ для глазъ.

У противоположной отъ окна стѣны были устроены высокія, покрытыя краснымъ сукномъ, ковриками и подушками—нары, и къ нимъ вела одна ступенька, также покрытая сукномъ. Мѣдная жаровня, съ горящими углями, стояла близъ этихъ паръ и слегка умѣренно царящій въ этой комнатѣ холодъ. У окна помѣщался прекрасной работы лакированный краснаго дерева столъ, и около него кресло. На столѣ въ особомъ ящичкѣ помѣщалась тутъ дощечка для ея натиранія и пѣсколько кистей — но судя по этимъ предметамъ, можно было заключить, что это былъ письменный столъ фудутуна. Тутъ же на другомъ такомъ же столѣ помѣщались большіе бронзовые подъ стекляннымъ колпакомъ часы—очевидно чей-нибудь подарокъ фудутуну. Колпакъ, покрывавшій часы, былъ покрытъ довольно тольстымъ слоемъ пыли, изъ чего и можно было заключитъ, что онъ, разъ надѣтый, такъ и не снимался никогда и механизмъ заключеннаго въ немъ бронзоваго узника давнымъ давно почивалъ въ бездѣйствіи.

Въ общемъ въ компатѣ было прохладно, а потому фудутунъ, войдя въ нее, остался въ такой же теплой кофтѣ, въ которой онъ былъ на дворѣ, и снялъ съ головы только свою форменную, украшенную перомъ шляпу и замѣнилъ ее мѣховой шапкой безъ пера; шапку же съ перомъ онъ передалъ какому-то молодому человѣку съ шарообразной, отъ излишней полноты, фигурой, и сей шарообразный юноша, взявъ ее бережно въ обѣ руки,—поставилъ ее на столѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пыльнымъ колпакомъ, заключающимъ въ себѣ „бронзоваго узника“.

Въ комнатѣ этой при нашемъ входѣ оказался еще одинъ человѣкъ,—довольно высокаго роста, худощавый, съ мясистыми толстыми, лишенными всякой растительности губами и съ необыкновенно длиннымъ и мясистымъ носомъ.

Природа и безъ того была очень щедра къ нему, наградивъ его такими дарами, какъ толстыя губы и мясистый носъ, и навѣрно многіе изъ насъ, получивъ подобные дары, сказали бы:—и слава тебѣ Господи; — будетъ съ насъ и этого и перестали бы помышлять объ какихъ бы то ни было придаточныхъ украшеніяхъ собственной персоны.—Но очевидно, стоящій передъ нами незнакомецъ разсуждалъ нѣсколько иначе и, не будучи

удовлетворенъ щедрыми дарами природы, прибавилъ ко всѣмъ этимъ украшеніямъ еще одно, состоящее изъ непомѣрно длинныхъ ногтей на мизинцахъ обѣихъ рукъ. Я посмотрѣлъ на эти ногти и удивился—искусству и терпѣнію ихъ владѣтеля;—да и было чему удивиться, такъ какъ каждый ноготь имѣлъ около дюйма длины. Я всегда какъ-то странно бывалъ предубѣжденъ противъ людей, отпускающихъ себѣ длинные ногти,—но это вѣдь мое личное, и быть можетъ ни на чемъ не основанное предубѣжденіе; мнѣ почему-то всегда кажется, что человѣкъ съ длинными и выхоленными ногтями долженъ быть непремѣнно большимъ эгоистомъ. Быть можетъ, впрочемъ, все это и вздоръ и говорю объ этомъ только потому, что къ слову пришлось.

Фудутунъ тотчасъ же представилъ мнѣ этого франта и оказалось, что онъ былъ правитель его канцеляріи—„малъ-мало писарь начальникъ" (начальникъ надъ писарями) перевелъ мнѣ Чанъ-фу. Мы сѣли, а на нарахъ—около жаровни, фудутунъ—въ креслѣ—около своего письменнаго стола, а „писарь начальникъ"—рядомъ со мною—по другую сторону жаровни. Чанъ-фу стоялъ посреди комнаты, безпрестанно присѣдая передъ фудутуномъ.

Драпировка, прикрывающая входной кругъ, опустилась, но изъ-за нея то и дѣло выглядывали любопытныя физіономіи тугого парня, фудутунова брата, жирнаго незнакомца и шарообразнаго юноши. Слышно было, что за занавѣской собралась кромѣ нихъ еще цѣлая толпа какихъ-то людей, очевидно жаждущихъ посмотрѣть на все происходящее въ комнатѣ.

Разговоръ у насъ завязался не вдругъ, и мы сразу какъ-то почувствовали неловкость, которую по большей части ощущаютъ люди при первомъ знакомствѣ, когда они уже пожали другъ другу руки и, занявъ мѣста, начинаютъ сознавать, что необходимо приступить къ разговору. Взглянувъ на хозяина, я увидѣлъ на его лицѣ растерянную улыбку, и это отнюдь не придало мнѣ бодрости. Необходимо было хоть о чемъ-нибудь начать говорить, дабы вывести и себя и его изъ несовсѣмъ ловкаго положенія. Онъ молчалъ и какъ-бы надѣялся на то, что быть можетъ я прерву это молчаніе; я же въ свою очередь такъ же молчалъ, не будучи въ состояніи, какъ на грѣхъ, ничего придумать и надѣясь на то, что быть можетъ онъ не придумаетъ ли чего-либо. И вдругъ я припомнилъ, что когда проѣзжалъ черезъ мѣсто стоянки нашей пограничной стражи, то командиръ послѣдней, неоднократно бывшій у фудутуна, предупредилъ меня, что этикетъ требуетъ непремѣнно освѣдо-

миться о состояніи здоровья китайскаго императора, и я, уцѣпившись за это какъ за якорь спасенія, сейчасъ же приступилъ къ наведенію достодолжныхъ справокъ. „Она слава Богу здорова" перевелъ Чанъ-фу отвѣтъ фудутуна, и послѣ этого я началъ сознавать, что вотъ вотъ наступитъ снова неловкое молчаніе, которое во что бы то ни стало необходимо будетъ снова чѣмъ-нибудь нарушить, въ головѣ же мелькала проклятая мысль:—ну а дальше, дальше-то что? мысль, съ которой почва начинаетъ уходить изъ-подъ ногъ, на лицѣ выступаетъ потъ и чувствуется положительное умственное безсиліе. Но къ счастію фудутунъ не замедлилъ и мнѣ задать подобный же вопросъ, и мы, такимъ образомъ обмѣнявшись любезностями, начали уже водить глазами по угламъ и по потолку комнаты, думая—о чемъ бы намъ еще поговорить.

Тутъ я вспомнилъ о погодѣ и о томъ, что очень холодно, и началъ разговоръ на эти избитыя темы, а въ головѣ въ то же время не умолкало сознаніе того, что все это очень глупо и то-есть вотъ ни чуточки насъ обоихъ не интересуетъ. Это сознаніе всегда должно возникать у двухъ людей, говорящихъ о погодѣ, потому что говорятъ объ ней тогда, когда ничего не могутъ придумать болѣе умнаго и занимательнаго и не желая въ этомъ сознаться предпочитаютъ все-же подобный разговоръ неловкому молчанію. Такъ было и теперь.—Отъ погоды мы вѣроятно перешли бы къ разговору о квартирахъ, но такъ какъ повода къ этому рѣшительно ужъ никакого не было, то квартирный вопросъ былъ нами устраненъ, и вмѣсто этого мы заговорили про дорогу, и здѣсь я началъ чувствовать, что почва подъ ногами начинаютъ крѣпнуть, такъ какъ этотъ вопросъ не могъ быть не интереснымъ. Фудутунъ говорилъ, что дорога на Гиринъ плоховата и не вполнѣ безопасна, такъ какъ въ странѣ, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, появилось много разбойниковъ (хунгузовъ) и что въ силу этого онъ принужденъ будетъ назначить конвой для нашей охраны, иначе ему можетъ быть большая непріятность, если въ дорогѣ съ нами случится какое-нибудь несчастіе, для предупрежденія котораго онъ не принялъ никакихъ мѣръ. Не знаю конечно, была ли на самомъ дѣлѣ уже такая опасность при движеніи по дорогѣ безъ китайскаго конвоя и думаю, что конвой этотъ навязывался намъ только подъ видомъ яко-бы нашей охраны, на самомъ же дѣлѣ онъ долженъ былъ играть чисто полицейскую при насъ роль, т. е. не спускать съ насъ ни на минуту подозрительнаго китайскаго ока.

Такъ какъ такая опека не согласовалась съ предполагаемымъ мною во время пути образомъ дѣйствій, то я всячески старался отговорить фудутуна, благодарилъ его за любезную заботу о нашей безопасности, ссылался на моихъ хорошо вооруженныхъ казаковъ и просилъ не безпокоиться и не утруждать китайскихъ солдатъ труднымъ зимнимъ походомъ,—но фудутунъ и слышать не хотѣлъ „Русски казака холоса-китайски казака холоса; хунгузы шибко бојся, русски-китайски казака смотили—шипко пугай есть (русскій казакъ хорошъ и китайскій хорошъ; хунгузы очень ихъ боятся; посмотрятъ на русскихъ и китайскихъ казаковъ и очень испугаются) переводилъ мой Чанъ-фу настояніе фудутуна, и послѣ этого онъ неоднократно добавлялъ: „О барыня, она (фудутунъ) русски шипко люби и уважаитъ;—шипко холоса наша фудутунъ есть". Такимъ образомъ въ подобныхъ разговорахъ мы провели съ полчаса, когда закрывающая входной кругъ драпировка приподнялась и тѣмъ дала возможность появленію въ комнатѣ шарообразнаго юноши, который и не замедлилъ заявить, что обѣдъ уже готовъ. Фудутунъ пригласилъ всѣхъ насъ въ другую комнату, кругообразный входъ въ которую находится по другую сторону прихожей. Комната эта оказалась значительно большихъ размѣровъ, въ сравненіи съ той, въ которой мы только что сидѣли. По серединѣ стоялъ круглый лакированный изъ краснаго дерева обѣденный столъ, не покрытый скатертью, да это было и совершенно лишнее, потому что его чистая и гладкая, какъ зеркало, поверхность была лучше, опрятнѣе и красивѣе всякой скатерти, вдоль стѣнъ были разставлены сдѣланные изъ краснаго же дерева стулья, хотя между ними было нѣсколько и вѣнскихъ. На одной изъ стѣнъ въ черныхъ багетныхъ рамкахъ красовались какіе-то огромные квадраты, изъ красной бумаги, съ изображенными на нихъ огромными китайскими литерами. Эти літеры, какъ объяснилъ мнѣ впослѣдствіи фудутунъ, были начертаны якобы собственноручно Императоромъ и изображали собою пожеланіе всякаго счастія и благополучія владѣльцу этихъ красныхъ листовъ, имѣющихъ около 1-го квадратнаго аршина каждый. Если только это дѣйствительно было такъ,—то предоставляю каждому судить—на сколько этотъ обычай святъ и глубокъ по своему внутреннему значенію. На одной изъ стѣнъ красовалось большое зеркало въ багетной золоченой рамѣ, а съ потолка надъ обѣденнымъ столомъ свѣшивалась уже зажженная лампа, съ бѣлымъ фарфоровымъ абажуромъ. Столъ весь былъ установленъ всевоз-

можными закусками въ китайскомъ вкусѣ, разставленными въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ и тарелочкахъ. Чего тутъ только не было: были и разные маринады, какъ-то грибки обыкновенные, грибки дубовые, растущіе на дубовой корѣ и приготовляемые по особому способу,—маринованная капуста, лукъ, еще какая-то зелень, пряники, пастила, орѣхи, квашеныя яица, совершенно темнаго цвѣта, разныхъ сортовъ мясо, нарѣзанное тоненькими ломтиками, и много разныхъ разностей,—всего уже и не припомню.

Фудутунъ, ставъ около стола и сдѣлавъ особенно граціозный жестъ руками, пригласилъ насъ всѣхъ занять мѣста за столомъ. Повидимому обѣдъ былъ званный, такъ какъ за столомъ кромѣ фудутуна, его помощника (писарь начальника) и меня заняли мѣста фудутуновъ братъ и три какихъ-то офицера, изъ коихъ одинъ былъ уже совсѣмъ старичекъ и два помоложе. Всѣ эти господа вошли въ столовую одновременно съ нами, но гдѣ они были до этого—не знаю. Старичекъ былъ представленъ мнѣ какъ начальникъ надъ всей пѣхотой гарнизона, остальныхъ же двухъ Чанъ-фу отрекомендовалъ такъ: „пушка начальникъ" и „малъ мало земля копай" и на мой вопросъ—что это должно обозначить, онъ пояснилъ мнѣ: что „его шипка холоса знай, какъ пушка земля копай;—его шипка много уцыни есть" (онъ очень хорошо знаетъ, какъ окапывать пушки землей—онъ очень ученый), изъ чего я и заключилъ, что этотъ „земля копай" былъ спеціалистъ по инженерной части. Начальникъ надъ всей пѣхотой былъ повидимому очень добродушный старичекъ, любитель поговорить и посмѣяться; что же касается до „пушки начальника" и въ особенности до „малъ-мало земля копай", то они держали себя очень сдержанно и солидно. Чанъ-фу также былъ удостоенъ общей трапезы и, водворившись рядомъ со мною, умилительно вздохнулъ и произнесъ: „О Господи—шипко холоса".

Около каждаго изъ сидящихъ былъ поставленъ обѣденный приборъ, состоящій изъ фарфороваго блюдечка, чашки, двухъ палочекъ изъ чернаго дерева и небольшой ложечки, по формѣ своей напоминающей чайное ситце. Мнѣ былъ совершенно незнакомъ способъ дѣйствія китайскими палочками, замѣняющими собою при ѣдѣ наши вилки и ножи, и фудутунъ тщетно старался показать мнѣ способъ дѣйствія этимъ застольнымъ оружіемъ; такъ у меня дѣло и не пошло и я предпочелъ дѣйствовать ложечкой. За столомъ прислуживали шесть юношей, которыми командовалъ „жирный незнакомецъ", исполняя, такимъ

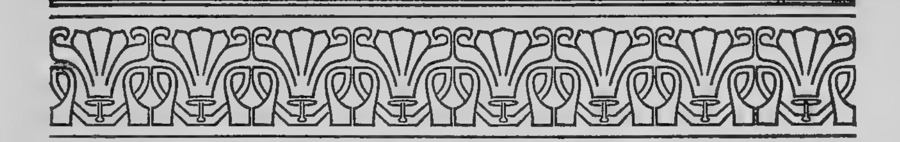
образомъ роль стольника. Всѣ подчиненные ему юноши, среди которыхъ былъ и знакомый уже намъ „шарообразный юноша", имѣли на своихъ головахъ китайскія черныя шапочки, украшенныя бронзовыми шариками, изъ чего я и могъ заключить, что юноши сіи уже чиновны и быть можетъ теперешняя ихъ служба—была только началомъ служебной карьеры каждаго изъ нихъ, ибо ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что эта карьера можетъ быть начинаема именно такимъ образомъ. Мой Чанъ-фу, на вопросъ объ этомъ, не задумываясь, отвѣчалъ:—„О барыня—усе, малъ-мало чина есть; каки ваша чина, така наша чина—усе одно" (все это чиновники; какъ ваши чиновники, такъ и наши все одно) и сказавъ это, онъ нашелъ нужнымъ добавить: „О наша законъ шипко серди есть (нашъ законъ очень строгъ). „Шарообразный юноша" исполнялъ обязанности виночерпія и, обойдя всѣхъ присутствующихъ, онъ налилъ въ фарфоровую чашку каждаго, изъ имѣющагося у него металлическаго кувшинчика какую-то прозрачную жидкость, выпивъ которую, я пришелъ къ довольно справедливому заключенію, что жидкость эта по своему химическому составу имѣетъ большее сходство съ нашей родной „очищенной"; что вкусъ ея не лишенъ извѣстной пріятной горечи, остроты и крѣпости и что она очень хорошо, какъ говорится: „проходитъ по всѣмъ жилкамъ и суставамъ", производя въ организмѣ человѣка тѣ же всѣмъ извѣстныя пертурбаціи, какъ и жидкости, изготовляемыя Поповыми, Смирновыми, Штритерами и прочими радѣтелями на пользу человѣковъ". Выпивъ, мы всѣ слегка крякнули, показавъ такимъ образомъ полноту своихъ чувствъ—и послѣ этого приступили къ закускѣ. Тщетно я старался ухватить двумя палочками кусокъ какого-то мяса; палочки торчали въ моей рукѣ, какъ какія-то рогулины и ни за что не хотѣли повиноваться державшимъ ихъ пальцамъ. Фудутунъ и всѣ сидящіе за столомъ добродушно улыбались надъ моей неопытностью и только лишь „малъ-мало земля копай" сохранялъ на своей физіономіи какую-то особенную оффиціальную неподвижность. Видя, что всѣ мои старанія въ данномъ случаѣ не приводятъ къ желательнымъ результатамъ, я положилъ свои палочки и рѣшилъ дѣйствовать ложкой и едва только эта послѣдняя потянулась къ закускѣ, какъ фудутунъ поспѣшилъ положить въ нее своими палочками тоненькій ломтикъ какого-то мяса; „писарь начальникъ" добавилъ къ нему маленькій дубовый грибокъ;—фудутуновъ братъ—маленькую луковицу;—начальникъ надъ пѣхотой—маленькій величиной съ

орѣхъ пирожокъ; „пушка начальникъ" также положилъ что-то такое, и даже Чанъ-фу, окончательно умиленный, хотѣлъ было положить въ мою ложку кусокъ квашеннаго темнаго яйца, но видя, что въ ней уже пѣтъ мѣста и что она нагружена до предѣла—препроводилъ этотъ кусокъ въ свой собственный ротъ. „Малъ-мало земля копай" не выразилъ намѣренія добавить чего-нибудь къ содержимому моей ложки и по-прежнему сохранялъ на своемъ лицѣ оффиціальную неподвижность. Чанъ-фу тутъ же мнѣ и объяснилъ, задыхаясь отъ восторга, что „кто палкой ложка клади шипка того люби" (если кто подкладываетъ пищу другому своими палочками—это значитъ, что онъ очень его любитъ и уважаетъ). Послѣ этого онъ добавилъ: „О барыня, нашъ законъ холоса", и этимъ показалъ, что оцѣнка закона у него всецѣло зависитъ отъ настроенія.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лермонтовъ и „Московскій Вѣстникъ“.

Въ дѣтской „оперѣ“ Лермонтова „Цыгане“ [1]), составленной изъ стиховъ Пушкина и Загоскина [2]), имѣется, между прочимъ, такая строчка:

Цыганка (изъ „Московскаго Вѣстника“ пѣсню).

Сама пѣсня не приведена, но молодой поэтъ, видимо, былъ намѣренъ довольно безцеремонно вставить ее въ „оперу“.

Просматривая „Московскій Вѣстникъ“ за 1827—1830 гг., я нашелъ въ части 10-ой за 1828 г. „Цыганскую пѣсню“ [3]), которая, видимо, и заинтересовала Лермонтова:

Добры люди, вамъ спою я,
Какъ цыгане жизнь ведутъ;
Всѣмъ чужіе, вѣкъ кочуя
Бѣдно бѣдные живутъ.
Но мы пѣснями богаты,
Пѣсня—другъ и счастье намъ:
Съ нею радости, утраты
Дружно дѣлимъ пополамъ.
Пѣсня все намъ замѣняетъ,
Пѣснями вся жизнь красна,
И при пѣсняхъ пролетаетъ
Вольной пѣсенкой она.

Стихотвореніе не подписано, и кому оно принадлежитъ, я не знаю.

---

[1]) Академическое изданіе сочиненій Лермонтова, т. I, стр. 71—72.

[2]) См. Лермонтовъ, т. I, стр. 363, прим. 43; срв. также: Висковатовъ, „М. Ю. Лермонтовъ“, стр. 54.

[3]) Стр. 320.

Однако, если внимательно присмотрѣться вообще къ стихотворному отдѣлу журнала, то окажется, что иногда Лермонтовъ не только собирался, но и заимствовалъ изъ нѣкоторыхъ другихъ произведеній, хотя и безъ обозначенія своего источника. Стихотворенія, которыя такъ плѣнили поэта, помѣщены въ томъ же 1828 г. Изъ нихъ я исключаю пьесы Пушкина, напечатанныя въ этомъ и другихъ годахъ и оказавшія воздѣйствіе на Лермонтова, такъ какъ это уже было мной отмѣчено [1]). Стихотворенія Лермонтова, зависящія отъ „Московскаго Вѣстника", всѣ относятся къ 1829 г., подобно „Цыганамъ".

Слѣдуя порядку Академическаго изданія, сначала укажемъ на стих. „Преступникъ" [2]). Какъ оказывается, въ немъ замѣтны отзвуки „Русской разбойничьей пѣсни" [3]) С. Ш. (С. Шевырева). Такъ, начало стихотворенія Лермонтова:

Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной?

отражаетъ начало же „пѣсни" Шевырева:

Атаманъ честной,
Мой отецъ родной,
Ты потѣшь меня:
Разскажи точь въ точь...

Также и строки:

Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну
Повѣшенъ мною на сосну (Лермонтовъ) [4]).

объясняются изъ того же источника:

Ты веревкой повитъ,
На которой Жидъ
Въ ту самую весну,
Мной повѣшенъ на сосну [5]).

Какъ видимъ, вліяніе не слишкомъ яркое, но несомнѣнное. Имъ же объясняется самая мысль Лермонтова—написать разбойничью повѣсть. Въ послѣднемъ, впрочемъ, сказалось и вліяніе „Братьевъ Разбойниковъ" Пушкина [6]). Въ противовѣсъ про-

[1]) См. мою книгу „Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова".
[2]) Лермонтовъ. I, стр. 40 и сл.
[3]) „Моск. Вѣст.", часть 9-ая, стр. 119.
[4]) Стр. 45.
[5]) Стр. 121.
[6]) Л. I, стр. 359, прим. 8.

изведенію Шевырева, повѣсть Лермонтова лишена народнаго элемента [1]).

Слѣды внимательнаго чтенія этого же журнала замѣтны и въ стихѣ „Къ друзьямъ", въ послѣдней строфѣ его:

Но нерѣдко, средь веселья
Духъ мой страждетъ и грустить,
Въ шумѣ буйнаго похмѣлья
Дума на сердцѣ лежитъ [2]).

Тотъ же мотивъ тоски на пиру находимъ въ стихотвореніи нѣкоего Н. П... в...; въ послѣдней строфѣ его находимъ строку, несомнѣнно, не случайно совпадающую съ Лермонтовской:

За утѣхами земными
Пьяный юноша бѣжитъ,
Но какая, въ слѣдъ за ними
Дума на сердцѣ лежитъ [3]).

Наконецъ, въ стих. „Къ Пу . . . . . ну" [4])—отзвукъ строкъ Хомякова [5]). Срв. у Лермонтова:

Гдѣ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.

и у Хомякова:

Тамъ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.

Другихъ слѣдовъ зависимости Лермонтова отъ „Московскаго Вѣстника" (кромѣ элементовъ вліянія Пушкина), кажется, отмѣтить не возможно. Но и эти немногія замѣчанія ставятъ на очереди вопросъ о связи Лермонтова съ современной ему журналистикой [6]).

Б. В. Нейманъ.

---

[1]) Владиміровъ, „Историческіе и нар.-быт. сюжеты въ поэзіи Лермонтова", стр. 4. Срв. у Шевырева такія строки: „Не въ Божьемъ дому—мы вѣнчалися:—Во сыромъ бору—сочеталися" (стр. 119). О стремленіи Шевырева къ народности говоритъ и самый размѣръ стиха.

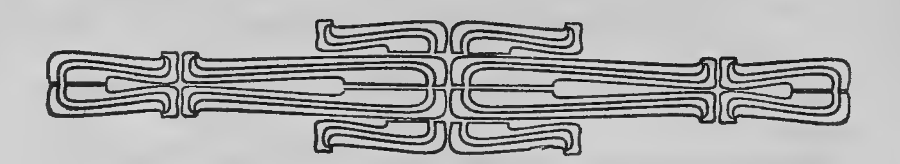
[2]) Л. I, стр. 46.

[3]) „Моск. Вѣст.", ч. 10, стр. 9.

[4]) Л. I, стр. 46—67.

[5]) „Моск. Вѣст.", ч. 9, стр. 4.

[6]) Срв. краткія замѣчанія Владимірова по тому же вопросу op. cit., стр. 8—9.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

„Умомъ Россіи не объять,
Ее аршиномъ не измѣрить;
У ней особенная стать,
Россіи можно только вѣрить“.

Тютчевъ.

Есть ли бы въ декабрьскіе дни 1905 года, передъ сдачей Портъ-Артура, и въ дни московскаго возстанія кто-нибудь изъ русскихъ, прозрѣвъ будущее, сказалъ о необычайномъ единеніи Россіи въ 1914 г., въ русско-нѣмецкую войну—то его назвали бы сумасшедшимъ.

Съ большимъ сомнѣніемъ посмотрѣли бы также на того, кто сказалъ бы это же въ началѣ іюля 1914 г., во время забастовокъ рабочихъ въ Петербургѣ, и въ дни трамвайныхъ баррикадъ. Поэтому нисколько не удивительно, что германскій посолъ гр. Пурталесъ въ донесеніяхъ своему кейзеру слишкомъ сгустилъ краски о внутреннемъ положеніи Россіи.

Развѣ предполагалъ кто-нибудь, что съ началомъ войны Россія сдѣлается трезвенницей и хулиганство исчезнетъ маніемъ руки.

Со дня предъявленія ультиматума Австріей Сербіи 10 іюля сего года политическія событія шли съ такой головокружительной быстротой, что трудно было предположить наканунѣ то, что произойдетъ завтра. Положеніе это сохранило свою силу на все время войны. Съ 10-го по 20 іюля было время тревожное; одинъ день казалось, что война будетъ, а на другой день думалось, что усиліемъ дипломатіи войны удастся избѣгнуть. Въ полночь съ 18 на 19 іюля гр. Пурталесъ предъявилъ ульти-

матумъ министру иностранныхъ дѣлъ о демобилизаціи Россіи черезъ 12 часовъ.

Конечно, никакого отвѣта на это наглое требованіе не послѣдовало, и 19-го іюля въ 7 ч. вечера германскій посолъ привезъ С. Д. Сазонову ноту съ объявленіемъ войны Россіи Германіей. Объявлена всеобщая арміи и флота мобилизація и закрыты всѣ винныя лавки.

Оба повелѣнія громадной государственной важности. Оба залогъ нашей, несомнѣнной, побѣды.

За все время своего существованія Россія никогда не поднимала всѣхъ своихъ силъ сразу, а неизмѣнно по частямъ, и всегда за это была наказуема.

Другая мѣра мобилизаціи—трезвость переродила сразу всю святую Русь. Ее совсѣмъ не узнать. Преступность и хулиганство сразу понизились. Происшествій нѣтъ, доносятъ повсюду градоправители.

Позабылъ отмѣтить, что за все это время въ городѣ происходили грандіозныя патріотическія манифестаціи, при чемъ манифестантовъ тянуло къ зданіямъ сербскаго, французскаго и англійскаго посольствъ.

Манифестаціи происходили съ большимъ достоинствомъ и внушительностью.

20 іюля. Объявленъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Германіей. Манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ объединилъ, сплотилъ всѣ партіи: такъ сильна непріязнь всѣхъ къ нѣмцамъ. Война съ тевтонами будетъ народная. Слишкомъ долго терпѣла во всемъ матушка Русь иго нѣмецкое. Слишкомъ пришиблены были русскіе нѣмцами. У простого народа это нѣмецкое засилье выражалось такъ: „нѣмецкому мастеровому платятъ неизвѣстно почему вдвое, втрое и вчетверо больше, чѣмъ русскому". Нахальство и наглость нѣмецкаго бронированнаго кулака перешли всякую мѣру. Пора прикончить съ нѣмцемъ и съ его чрезмѣрными вооруженіями навсегда. Автору этой статьи въ одной его работѣ въ сентябрѣ прошлаго года вычеркнули слова „нѣмецкое засилье", такъ еще было сильно это засилье въ прошломъ году.

Всѣхъ русскихъ, особенно петербуржцевъ, интересуетъ вопросъ, что будетъ дѣлать Англія. Многіе относятся къ этому вопросу очень нервно, конечно, ввиду замышляемой германцами высадки на балтійскомъ побережьи. Я уже давно не сомнѣваюсь въ словахъ лорда Берфорда, сказанныхъ въ Петербургѣ

два года назадъ: въ войнѣ будущаго Англія совмѣстно съ Россіей будетъ сражаться противъ общаго врага.

Этимъ сближеніемъ Англіи съ Россіей мы много и очень много обязаны Ольгѣ Алексѣевнѣ Новиковой, проводившей въ жизнь съ 1876 г. необходимость сближенія обоихъ народовъ и прозванной за это Биконсфильдомъ депутатомъ отъ Россіи.

Великій Князь Николай Николаевичъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Нельзя не привѣтствовать это назначеніе, ввиду крайне энергичнаго характера Великаго Князя.

Сегодня германскія войска перешли французскую границу и заняли бельгійскій г. Люксенбургъ.

Италія объявила нейтралитетъ.

21 іюля. Германскій крейсеръ бросилъ нѣсколько снарядовъ въ Либаву.

Русская мобилизація въ городахъ и деревняхъ протекаетъ въ величавомъ спокойствіи. Пьяныхъ нѣтъ. Люди и лошади прибываютъ своевременно. Населеніе держитъ себя героически. Нѣтъ бахвальныхъ криковъ: въ Берлинъ и Вѣну. Желѣзныя дороги работаютъ прекрасно. Ничего подобнаго я не видалъ ни въ русско-турецкую, ни въ русско-японскую войну.

Крохотная Бельгія объявила войну Германіи.

22 іюля. Германскіе разъѣзды заняли Калишъ, Бендинъ и Ченстоховъ Германія объявила войну Франціи.

23 іюля. Англія объявила войну Германіи. Первая неудача германцевъ въ Бельгіи.

Вчерашняго числа былъ разгромъ германскаго посольства.

По словамъ одной изъ газетъ [1]) дѣло происходило такимъ образомъ, „вся толпа съ національными флагами и съ пѣніемъ гимна очутилась у посольства· Несмотря на героическія усилія конной полиціи, стекла въ нижнемъ этажѣ зданія были моментально выбиты. Черезъ пять-десять минутъ послѣ начала разгрома толпа бросилась къ крѣпко забронированнымъ желѣзнымъ воротамъ зданія. Послѣ нѣсколькихъ атакъ крѣпкія ворота не выдержали натиска толпы. Двумъ-тремъ десяткамъ манифестантовъ удалось проникнуть во дворъ зданія. Дальнѣйшій доступъ толпы во дворъ былъ прекращенъ энергичными мѣрами полиціи. Пока манифестанты вели переговоры съ полиціей съ просьбой допустить ихъ въ помѣщеніе дворца, незначительная кучка манифестантовъ, проникнувшая во дворъ, показалась на крышѣ посольскаго зданія. Площадь огласилась

---

[1]) „Новое Время“ отъ 23-го іюля.

криками „ура“ и „браво“. Кричали: „вонъ коней и фигуры, долой нѣмецкій штандартъ“. Черезъ нѣсколько минутъ на землю полетѣлъ германскій штандартъ и откуда-то добытое германское знамя. То и другое въ этотъ моментъ было превращено въ жалкіе остатки. Возбужденіе толпы росло. Новый натискъ на ворота посольскаго зданія еще далъ возможность проникнуть группѣ манифестантовъ внутрь двора. Вмѣсто герба, сброшеннаго потомъ въ Мойку, появился русскій флагъ. Въ нижнемъ этажѣ посольскаго дома манифестантамъ какимъ-то образомъ удалось найти выключатель и зажечь электричество. Найденный во второмъ этажѣ посольства въ тронной залѣ портретъ Вильгельма былъ брошенъ на костеръ, а висѣвшее на стѣнѣ громадное знамя было разорвано на клочки. Тронъ разломали и бронзовыя украшенія зала также, шелковая мебель вспорота. Въ разбитыя окна верхняго этажа полетѣли бумаги, бѣлье, картины, статуи, бронза и т. д. Въ столовой былъ разбитъ весь хрусталь и все стекло. Въ погребѣ было уничтожено громадное количество шампанскаго. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что большинство картинъ высокой художественной цѣнности было отъ погрома сохранено. А затѣмъ внутри произошелъ пожаръ. Царскіе портреты, находившіеся въ залѣ посольства, манифестанты взяли и съ пѣніемъ гимна пронесли по улицамъ“.

Слышалъ достовѣрныя подробности о разгромѣ германскаго посольства.

Не сочувствуя этому разгрому, я не могу замѣтить, что все зданіе имѣло вызывающій, тевтонскій, характеръ, такой же точно, какъ нѣмецкій памятникъ битвы народовъ, открытый въ прошломъ году въ Лейпцигѣ. Проектъ постройки зданія германскаго посольства утвержденъ Вильгельмомъ II.

Разсказывали, что двѣ лошади, расположенныя на крышѣ посольства, изображали Россію и Францію, которыхъ два тевтона вели въ своемъ поводу.

На другой сторонѣ площади, въ такомъ же стилѣ, выстроена гостинница Асторія, гдѣ помѣщалась штабъ-квартира германскаго досмотра.

Все внутреннее убранство германскаго посольства было разбито на мелкіе кусочки и все осталось въ зданіи въ цѣлости, ни одинъ мелкій кусочекъ чего бы то ни было не похищенъ никѣмъ изъ разгромщиковъ.

Въ зданіи посольства были найдены прокламаціи на рус-

скомъ языкѣ къ рабочимъ съ призывомъ къ забастовкѣ и постройкѣ баррикадъ.

На крышѣ посольства былъ безпроволочный телеграфъ.

Когда приступили по распоряженію свыше къ снятію съ крыши тевтоновъ и ихъ лошадей, то всѣ безъ исключенія рабочіе считали своимъ долгомъ сѣсть на нѣмецкую лошадь и нѣсколько на ней покуражиться.

Тевтонскія лошади оказались внутри пустыми, все тѣло лошади было составлено изъ мелкихъ, отдѣльныхъ, металлическихъ кусковъ.

26-го іюля. За это время Австрія объявила войну Россіи, германцы потерпѣли сильную неудачу у Льежа, а англичане высадили десантъ въ Бельгіи.

Сегодня удалось присутствовать на историческомъ засѣданіи Государственной Думы.

Въ большой залъ Таврическаго дворца собрались всѣ члены Государственной Думы, пріѣхалъ предсѣдатель совѣта министровъ, всѣ министры, при чемъ представители правительства скромно стали среди представителей народа, на самомъ крайнемъ его концѣ. Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко подошелъ къ правительству и предложилъ ему занять подобающее его значенію мѣсто.

Впереди правительства шелъ статсъ-секретарь Горемыкинъ, преклонный годами, но сильный духомъ человѣкъ, который на своихъ согбенныхъ плечахъ главы правительства вынесъ могучее и соотвѣтствующее достоинству Россіи рѣшеніе въ отвѣтъ наглому нѣмцу.

Особенно сильное впечатлѣніе произвело исполненіе въ началѣ молебна „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“.

Самое засѣданіе Государственной Думы прошло въ необычайномъ настроеніи.

Это не была, раздѣленная на партіи, Государственная Дума, а это было собраніе людей, горячо любящихъ свою родину Россію. Дѣленіе на партіи было только по мѣстамъ, занимаемымъ членами Государственной Думы. Здѣсь были всѣ единомышленники, всѣхъ одушевляло одно чувство всѣ свои силы и способности принести отечеству для отраженія наглаго врага.

Засѣданіе неоднократно прерывалось долго несмолкаемыми криками ура Государю Императору, пѣніемъ народнаго гимна всѣми членами Государственной Думы, и бурными оваціями министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову, сербскому послан-

нику М. И. Сполайковичу, великобританскому послу сэру Джорджу Бьюкэнену, французскому послу Морису Палеологу и бельгійскому посланнику гр. Конраду де Буиссере-Стеенбеке де Бларіенъ, а равно и всѣмъ членамъ Г. Д., произносящимъ въ этотъ знаменательный день исповѣданіе своей партіи безграничной любви къ родинѣ и неудержимаго стремленія постоять за Россію всѣми силами противъ нѣмца.

Бурными рукоплесканіями Г. Д. были оттѣнены рѣчи представителя польскаго народа Яронскаго и представителя латышей и эстонцевъ Гольдмана, при чемъ послѣдняя вдохновенная рѣчь воспроизводится точно:

„Г.г. члены Государственной Думы. Одинъ изъ первыхъ выстрѣловъ непріятеля прогремѣлъ въ томъ краѣ, представителемъ котораго я являюсь. Это было у г. Либавы, Курляндской губ. Но повелитель Германіи глубоко ошибался, если онъ ожидалъ, что эти выстрѣлы найдутъ отзвукъ въ мѣстномъ населеніи въ какихъ-нибудь враждебныхъ выступленіяхъ противъ Россіи. Наоборотъ, отъ населенія Прибалтійскаго края, гдѣ подавляющее большинство латыши и эстонцы, въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ столь же громко прогремѣло „да здравствуетъ Россія“ (слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса: браво). И такъ это будетъ и дальше, даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Среди латышей и эстонцевъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не сознавалъ, что все то, что ими достигнуто, это достигнуто только подъ защитою русскаго орла (рукоплесканія), и что все то, что латыши должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтійскій край и въ будущемъ будетъ какъ нераздѣльная часть великой Россіи. (Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія). Поэтому вы можете видѣть теперь у насъ такой подъемъ духа, такой энтузіазмъ стать на защиту своего дорогого отечества, что для нарисованія правильной картины объ этомъ—самыя яркія краски были бы совершенно блѣдны. Эти великіе дни доказываютъ, что ни національность, ни языкъ, ни вѣроисповѣданіе не мѣшаютъ намъ, латышамъ и эстонцамъ, быть горячими патріотами Россіи и стать на защиту своего отечества, стать плечомъ къ плечу съ великимъ русскимъ народомъ противъ дерзкаго врага. Въ море крови, въ которомъ захотѣлъ купаться сидящій въ Берлинѣ тираннъ Европы (рукоплесканія и голоса: вѣрно), въ это море вольютъ латыши и эстонцы свою послѣднюю каплю крови, чтобы этотъ постоянно угрожающій міру человѣкъ, нашептывающій всегда злѣйшіе совѣты своимъ сосѣдямъ (голоса:

правильно), чтобы этотъ человѣкъ не только купался въ этомъ морѣ, но и утонулъ бы тамъ (рукоплесканія). Въ эти великіе дни мы докажемъ, что мы способны не только на патріотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога успѣха оружія на полѣ битвы (голоса: вѣрно, правильно). У насъ много счетовъ съ нашими прибалтійскими нѣмцами, но мы не будемъ теперь съ ними считаться. Когда пройдутъ грозные, тяжелые дни отечества, тогда мы представимъ это вашему разсмотрѣнію, г.г. народные представители, и я глубоко убѣжденъ, что при новомъ свѣтѣ солнца мира уже не будетъ многихъ такихъ предразсудковъ, которые до сихъ поръ, можетъ быть, у одного-другого могли быть. Поэтому въ настоящее время для насъ, латышей и эстонцевъ, выше всего одна цѣль: отбить натискъ общаго врага. Для достиженія этой цѣли я въ настоящую историческую минуту торжественно заявляю съ этой трибуны отъ имени латышскаго и, по порученію эстонскихъ депутатовъ, эстонскаго народа, что мы, латыши и эстонцы, въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ народомъ до конца. Не только наши сыновья, братья и отцы будутъ героически сражаться въ рядахъ арміи, но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагу, отъ мала до велика, своего злѣйшаго врага, которому, да, онъ можетъ отнять голову, но отъ котораго, даже умирающаго, онъ услышитъ только одно: да здравствуетъ Россія (слѣва, въ центрѣ и справа бурныя и продолжительныя рукоплесканія").

31 іюля. За этотъ промежутокъ времени германскіе крейсера Гебенъ и Бреслау укрылись въ Дарданеллахъ.

Франція и Англія объявили войну Австро-Венгріи: продолжались неудачные для германцевъ бои у Льежа, происходили бои у Лонгви между французами и германцами; начались столкновенія между русскими и австрійцами въ пограничныхъ пунктахъ.

Англичанами блокировано Сѣверное море. Сербы и черногорцы успѣшно дѣйствуютъ противъ Австріи.

Занятъ былъ пруссаками Калишъ, и они, по словамъ газеты, произвели тамъ ужасающія звѣрства.

Калишъ. „Новое Время" отъ 29 іюля.

(Разсказъ очевидца).

„Вотъ что разсказываетъ только-что пріѣхавшій изъ Калиша — Нѣмцы вошли въ Калишъ на другой день послѣ объявленія войны, т.-е. 20 іюля къ вечеру. Въ городѣ появился

баталіонъ прусской пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Сейчасъ же началась жестокая реквизиція. Солдаты были расквартированы. Дѣлалось это съ особливой прусской грубостью. Такъ, напримѣръ, у владѣльца книжнаго магазина Михели изъ четырехъ комнатъ квартиры три были отданы подъ постой пруссаковъ. Въ этихъ трехъ комнатахъ поселилось 12 солдатъ. Въ понедѣльникъ все шло сравнительно благополучно. По утрамъ расквартированные солдаты встрѣчали своихъ хозяевъ словами: „Gute Morgen", а вечеромъ, уходя спать, прощались привѣтствіемъ: „Gute Nacht". Мѣстнымъ стражникамъ пруссаки предписали оставаться въ формѣ и нести полицейскую службу, какъ раньше.

Но потомъ все круто измѣнилось. Дѣло въ томъ, что прусскіе кавалерійскіе патрули ушли изъ Калиша къ сѣверо-востоку на развѣдки. Тамъ они столкнулись съ русскими кавалеристами и въ стычкѣ потерпѣли полное пораженіе. Когда оставшіеся въ Калишѣ пруссаки объ этомъ узнали, началась месть,—озлобленная, дикая и подлая. Прежде всего къ начальнику прусскаго отряда былъ потребованъ президентъ города Буковинскій. Съ него потребовали денегъ въ видѣ контрибуціи съ города. Буковинскій заявилъ, что у него никакихъ денегъ нѣтъ. Тогда прусскій полковникъ позвалъ солдатъ и приказалъ его бить. Несчастнаго избили до полусмерти и выбросили окровавленнаго на улицу. Курьеръ магистрата, увидѣвъ Буковинскаго полумертвымъ, вынесъ на улицу подушку и матрацъ и положилъ раненаго. Пруссаки схватили его, отвели къ ближайшему забору и разстрѣляли.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ дикихъ экзекуцій надъ мирными обывателями. Къ прусскому полковнику привели управляющаго казначействомъ Соколова.

— Принесите сейчасъ всю наличность казначейства, приказалъ Пруссакъ.

— У меня никакой наличности нѣтъ, —отвѣчалъ Соколовъ.

— Принесите книги.

Осмотрѣли книги, изъ которыхъ выяснилось, что въ казначействѣ должно находиться 200.000 руб.

— Гдѣ деньги?—закричалъ полковникъ.

— Вотъ телеграмма,—сказалъ Соколовъ,—которой мнѣ предписано сжечь всю наличность.

— Вы сожгли?

— Сжегъ.

— Разстрѣлять!—закричалъ пруссакъ.

Соколова тутъ же на улицѣ разстрѣляли.

Затѣмъ привели трехъ стражниковъ, которые стояли неподалеку.

Всѣ они были въ формѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.

— Почему вы въ формѣ?—спросилъ полковникъ.

— По вашему предписанію,—отвѣчали они.

— Разстрѣлять всѣхъ троихъ.

Стражниковъ тутъ же прикончили.

Далѣе началась полная вакханалія. Хватали мирныхъ, преимущественно богатыхъ обывателей и объявляли ихъ заложниками. Первыми были захвачены обыватели съ нѣмецкими фамиліями—три богатыхъ фабриканта: Френкель, Дейчманъ и Миллеръ. Френкель отъ жестокаго обращенія съ нимъ умеръ. Двое другихъ были заперты въ погребѣ. Наконецъ схватили предсѣдателя окружнаго суда Зеланда. Трупъ Френкеля запретили хоронить...

Во вторникъ, предъ уходомъ изъ Калиша, нѣмцы дошли до невѣроятнаго варварства. Солдаты ходили по улицамъ и пачками стрѣляли въ населеніе. Перебили много народа. Наконецъ, къ ночи пруссаки ушли, и обыватели вздохнули съ облегченіемъ.

Вотъ картина, нарисованная очевидцами. Ее оцѣнятъ не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Германцы понесутъ за нее возмездіе. Но пока пусть знаютъ объ этихъ событіяхъ въ Америкѣ, правительство которой приняло на себя защиту германскихъ подданныхъ".

Всѣ военныя операціи могутъ только тогда пріобрѣсти надлежащую планообразность, могутъ правильно начинаться, развиваться и заканчиваться, когда предварительно, еще задолго до войны, будетъ произведена надлежащая политическая подготовка. Въ этомъ отношеніи пресловутая германская дипломатія бронированнаго кулака оказалась не только не на высотѣ возсозданной репутаціи, а напротивъ того ниже всякой критики, дутой. Въ то самое время, когда на сторонѣ Россіи оказались Франція, Англія, Сербія, Черногорія, Бельгія и, вѣроятно, Японія, при нейтралитетѣ Италіи и Румыніи, Германія идетъ въ бой только въ союзѣ съ лоскутной Австрійской монархіей.

Германская политическая мудрость новѣйшихъ Бисмарковъ оказалась призракомъ, и исходъ войны можно предсказать и теперь—неудачнымъ для двухъ союзниковъ.

На что, особенно, надѣялся нѣмецкій кейзеръ въ предстоящей войнѣ: на то ли, что Россія уступитъ, на внутреннія ли волненія въ Россіи, на суфражистокъ ли и ульстерцовъ Англіи, на то ли, что Англія не будетъ воевать за свое морское могущество, или на свои цеппелины, подводныя лодки, блиндированные пулеметы и особыя орудія Круппа. Думаю, что на все это вмѣстѣ. Эти разсчеты оказались наивными, и нѣмецкой арміи и нѣмецкому народу придется расплачиваться за политическое недомысліе Вильгельма II.

Несомнѣнно установлено, что приготовленія къ войнѣ въ Австріи и Германіи были начаты въ іюнѣ сего года. И теперь является вопросъ, кто же былъ зачинщикомъ настоящей войны: императоръ ли Вильгельмъ, наускивающій Австрію на Сербскую авантюру, или это была политика Австріи?

Люди, знавшіе близко германскаго кейзера, говорятъ, что второе рѣшеніе вѣрное. По ихъ мнѣнію кейзеръ по своему трусливому характеру на первое рѣшеніе не способенъ, оно не въ его характерѣ. Его самомнѣніе, непризнаваніе ничьего авторитета, трудность для него разобраться въ сложныхъ политическихъ вопросахъ, такъ какъ онъ не читаетъ никакихъ книгъ, и никого изъ близкихъ не слушаетъ, повели къ тому, что онъ попался на удочку австрійцамъ и сталъ ихъ послушнымъ орудіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. П.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 7-го по 28-е августа 1914 г.

Климентовъ, А. Романтизмъ и декадентство. Философія и психологія романтизма, какъ основа декадентства (символизма). Одесса. 1914. Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (18×25). 261+2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 1.000 экз.

Корикъ, Г. „Энциклопедія литературная и научная", для учащихъ и учащихся. Выпускъ 13-й. И. С. Тургеневъ. Одесса. 1914. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Тип. Одесскихъ Новостей. 8° (18 × 27). 208 + 15 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 21 л. 2.500 экз.

Л. С. М. Къ матеріаламъ для исторіи Кіевской духовной Академіи. (Двѣ студенческія Актовыя рѣчи). (Оттискъ изъ журн. „Труды Кіев. дух. Академіи" 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. „Петръ Барскій" (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 24). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Михновъ, С. Д., проф. Сто лѣтъ назадъ. (Отрывки изъ старинной медицинской литературы). Отд. от. изъ „Труды и прот. засѣд. Мед. общ. им. Н. И. Пирогова при Императорскомъ Юрьевск. унив." годъ V) Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисенъ. 8° (17 × 24). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Поповъ, В. И. Исторія серебрянаго рубля въ связи съ исторіей рисунка. Подъ ред. Д. И. Нагуевскаго. Казань. 1914. Изд. Кн. маг. Голубева. 2-е (Воскресенская ул., д. Матвѣевскаго). Тип. Университета. 8° (17 × 25). 18 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 650 экз.

Пятидесятилѣтіе Виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ 1864 17/IV 1914. Юбилейная записка. Вильна. 1914. Тип. Г. Завадзкаго. 4° (21 × 29). 47 стр. съ портр. Вѣсъ 16 л. 300 экз.

Шевченко, Т. Г. Его жизнь и поэзія. (Къ 100-лѣтнему юбилею со дня рожденія поэта). Одесса. 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (15 × 22). 78 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Яницкій, Н. Ѳ. Писцовая книга Бѣжецкой пятины Новгородской области 1564 года. (Отт. изъ „Университ. Извѣстій" за 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкій (Мерингговская, 6). 8° (17 × 25). 15 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Альбовскій, Е. Харьковскіе казаки. Вторая половина XVII ст. (по архивнымъ источникамъ). 1-я книга 1-го тома Исторіи Харьковскаго полка. Спб. 1914. Изд. Музея 4-го Уланскаго Харьковскаго полка. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (16 × 24). X + 247 стр. Съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 600 экз.

Байэ, К. Исторія искусствъ. Переводъ подъ редакціей и съ прибавленіемъ главъ о русскомъ искусствѣ проф. унив. св. Владиміра г. Павлуцкаго. Кіевъ. 1914. Изд. С. В. Кульженко, 3-е знач. доп. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4, соб. д.). 8° (20 × 29). IV + 451 + XV стр. съ 370 рис. и 42-мя фотот. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 8 л. 3.000 экз.

Богомазова, З. Книга и ея прошлое. (Библіотека по исторіи культуры, № 1). М. 1914. Изд. Изд-ва Новое Сотрудничество. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 16⁰ (13×17). 46+2 нен. стр. съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Богородицкій Тихвинскій монастырь Курской губерніи основанный фельдмаршаломъ, гр. Б. П. Шереметевымъ 1713—1913 г. По сохранившимся документамъ домашняго и мѣстнаго архивовъ. М. 1914. Изд. гр. Сергія Шереметева, въ С.-Петербургѣ. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×27). 334 стр. съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 400 экз.

Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. I. (Отъ Петра I до Карамзина). Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ (Мясницкая, 5), 19-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8⁰ (16×25). VIII+485 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за 2 тома). Вѣсъ 1 ф. 12 л. 2.500 экз.

Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. II. (Отъ Карамзина до Пушкина). Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ, 19-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8⁰ (16×25). VII+476 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за 2 тома). Вѣсъ 1 ф. 11 л. 2.500 экз.

Галаховъ, А. Русская хрестоматія. Въ двухъ томахъ. Т. I. М. 1914. Изд. Т-ва В. В. Думновъ (Мясницкая, 5), 37-е. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8⁰ (18×26). VII+403 стр. Ц. 2 р. 25 к. (за 2 тома). Вѣсъ 1 ф. 5 л. 15.000 экз.

Грековъ, Б. Д. Новгородскій домъ Святой Софіи (Опытъ изученія организаціи и внутреннихъ отношеній крупной церковной вотчины). Часть I. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ 17×24). XIV+554+127 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 515 экз.

Дунаевъ, Б. И. Библіотека старорусскихъ повѣстей. XVIII в. Петровская эпоха. Исторія о Россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи флоренской земли. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×23). 44 стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 4.000 экз.

Евгеньевъ, В. Николай Александровичъ Некрасовъ. Сборникъ статей и матеріаловъ. М. 1914. Изд. Кн-ва К. Ф. Некрасова. Тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль). 8⁰ (16×23). II+312 стр.+1 табл. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 2.000 экз.

Записки Императорскаго Новороссійскаго университета Историко-филологическаго факультета. Выпускъ VIII, изданный подъ ред. проф. А. П. Доброклонскаго. А. П. Доброклонскій. Преп. Ѳеодоръ исповѣдникъ и игуменъ Студійскій II часть. Его творенія. Выпускъ I. Одесса. 1914. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8⁰ (19×27). 569+2 нен. стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 6 л. 300 экз.

Зелинскій, В. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Ч. IV. „Братья Карамазовы". М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Вильде (Брестскій пер., 2). 8⁰ (16×24). VIII+536 стр. Адр. склада (Спиридоновка, д. Бойцова). Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 1.200 экз.

Ильменскій, А. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. 1904—1914 г. Спб.

1914. Тип. Аргусъ. 8° (17 × 24). 72 стр. съ рис. Адр. склада Гороховая, 18. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Исторія западной литературы (1800—1910) подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Книга 7. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ (Знаменская, 9). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. с. д.). 8° (19 × 28). 377—490 стр. Съ рис. + 14 л. рис. табл. Вѣсъ 1 ф. 5100 экз.

Каталогъ общества изящныхъ искусствъ имени В. В. Верещагина. Николаевъ. 1914. Тип. бр. Бѣлолипскихъ. 16° (15 × 19). 51 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Каталогъ русскаго отдѣла. Международная выставка печатнаго дѣла и графики въ Лейпцигѣ 1914 г. Спб. Изд. Коммиссаріата русскаго отдѣла. Тип. Сиріусъ. 8° (18 × 24). 269 стр. 1 портр. и 1 рис. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 3.000 экз.

Ключевскій, В. проф. Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1914. Изд. 5-е. Тип. П. П. Рябушинскаго. 8° (15 × 23). 464 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ ф. 11 л. 10.000 экз.

Колосовъ, Н. Конспектъ по исторіи русской педагогики. Пермь. 1914. Тип. Н-ковъ Каменскаго. 8° (14 × 21). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Конспектъ лекціи графа Ильи Львовича Толстого о своемъ отцѣ Л. Н. Толстомъ. Харьковъ. 1914. Тип. Дрейшпуль. 4° (25 × 28). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Кузнецовъ, Л. А. Краткій историческій очеркъ г. Петропавловска Акмолинской области. Петропавловскъ. 1914. Тип. Т-ва Печатнаго дѣла „Прогрессъ". 8° (16 × 24). 24 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Новгородская Церковная Старина. Труды Новгородскаго Церковно-археологическаго общества. Томъ I. Новгородъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (18 × 27). III + 198 + LII стр. Съ 11 рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 1.300 экз.

Обозрѣніе преподаванія на 1914—1915 учебн. годъ на Историко-Филологическомъ факультетѣ Университета Св. Владиміра. Съ приложеніемъ росписанія лекцій. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговъ., 6). 8° (18 × 25). 25 стр. Съ 1 табл. Вѣсъ 5 л. 1.500 экз.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Подъ ред. В. Н. Бенешевича. 1912 г. Выпускъ II (до 1 января 1913 года). 1. Языкознаніе. 2. Русская литература, исторія и древности. Спб. 1914. Тип. Имп. Академ. Наукъ (Вас. Остр., 9 линія, 12). 8° (16 × 24). 146—472 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 930 экз.

Олюнина, Е. А. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Московской и Рязанской губ. Матеріалы къ исторіи домашней промышленности въ Россіи. Семинарій по политической экономіи подъ руководствомъ I. М. Гольдштейна при Московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Вып. X. М. 1914. Тип. т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 8° (14 × 21). XI + 368 + 1 нен. стр. и 1 листъ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 1.000 экз.

Орѣшниковъ, А. Дополненія къ нумизматикѣ Ольвіи, Херсонеса и Покта. (От. изъ 3 тома „Нумизматическаго Сборника"). М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 10 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Памятная книжка Полтавской губерніи на 1914 г. Полтава. 1914

Тип. Губ. Правленія. 8° (17 × 25). XXXII + 509 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 725 экз.

Петровскій, А. Ф. Берегите могилы (къ 100-лѣтнему юбилею со дня рожденія Т. Г. Шевченко). Одесса 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (14 × 21). 13 -2 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

Попруженко, М. Г. Указатель статей помѣщенныхъ въ I—XXX томахъ записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1914. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (21 × 29). 63 стр. Вѣсъ 10 л. 180 экз.

Рибасъ, Л. М. де. Библіографическіе матеріалы по исторіи Новороссіи. Указатель статей, замѣтокъ и разныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Календаряхъ" „Новороссійскомъ календарѣ", „Памятной книжкѣ" и „Адресъ календаря Одесскаго градоначальства", а также въ „Трудахъ Одесскаго статистическаго комитета" съ 1832—1914 годъ Одесса. 1914. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (21 × 29). 25 стр. Вѣсъ 8 л. 50 экз.

Россія въ ея прошломъ и настоящемъ (1613—1913). Подъ ред. В. П. Федорова. Въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. М. 1914. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 4° (27 × 35). 128 + 6 + 26 + 14 + 4 + 12 + 8 + 16 + 8 + 76 + 15 + 8 + 40 + 6 + 36 + 10 + 34 + 16 + 40 + 32 + 48 + 16 + 8 + 15 + 16 + 10 + 18 + 14 + 26 + 14 + 14 + 10 + 46 + 2 + 28 + 14 + 17 + 8 + 24 + 24 + 16 + 20 + 14 + 6 + 12 + 4 + 12 + 12 + 4 + 8 + 14 + 10 + 12 + 4 + 4 + 6 + 2 + 6 + 2 + 8 + 2 + 2 + 42 + 6 стр. съ портр. Вѣсъ 18 ф. 8 л. 5.000 экз.

Сборникъ Археологическаго Музея Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ. Подъ ред. В. Е. Данилевича. Вып. I. Кіевъ. 1914. Тип. А. И. Гросмана (Владимірская, 48). 8° (15 × 22). 48 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Серафимъ, игуменъ. Георгіевскій женскій монастырь, именуемый „Св. Кустики" въ Уфимской епархіи, Бирскомъ уѣздѣ. Кунгуръ. 1914. Тип. М. Ѳ. Летунова. 8° (17 × 26). 54 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, выпускъ 1-й: Русская литература XVIII—XIX в.в. Сентиментальное и народническое направленія въ XVIII—XIX в.в. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К°, 5-е. Тип. М. Волковича (Садовая. 60 уголъ Б. Подъяческ.). 8° (16 × 22). 192 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 20 л. 3.000 экз.

Скворцовъ, Г. А. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертаціи „Патріархъ Адріанъ. Его жизнь и труды въ связи съ состояніемъ Русской Церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка". Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 12 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Соболевъ, П. Г. Странникъ по Новгороду и Старой Руссѣ съ рисунками и планами. Спб. 1914. Изд. Б. А. Суворина. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (12 × 18). 127 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз.

Труды Бессарабскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. IX-й выпускъ. Въ память столѣтія Кишиневской епархіи. 1813—VII 21 1913 г.г. Подъ ред. Василія Курдиновскаго. Кишиневъ. 1914. Тип. Епархіальная. 8° (16 × 24). VIII + 366 + 48 + 33 + 35 + VIII стр Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 350 экз.

Ухачъ-Огоровичъ, Н. А. Куропаткинъ и его помощники. Отвѣтъ барону Фонъ-Теттау. Умань. 1914. Тип. А. Галкина (Садовая,

д. Фрейденберга). 8° (14 × 22). 111 стр. Складъ: В. А. Березовскаго (Спб. Колокольная, 14). Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 1.000 экз.

Шляпкинъ, И. А., проф. Программа по исторіи русской литературы, въ объемѣ университетскихъ полукурсовыхъ и коммиссіонныхъ испытаній. Спб. 1914. Тип. Г. Шумахера и В. Брукера (Екатерининск. кан., 94). 8° (14 × 22). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 150 экз.

Агренева-Славянская, Ольга. Южно-славянская легенда о Дунаѣ. Спб. 1914. Тип. К. С. Антокольскаго (Разъѣзжая, 20). 8° (14 × 23). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Андріяшевъ, А. М. Матеріалы по исторической географіи Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовымъ книгамъ 1498—1576 г.г. I. Списки селеній. М. 1914. Изд. Имп. Об-ва Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвижен. пер., с. д.). 8° (18 × 27). LXXVI + 552 стр. Вѣсъ 2 ф. 30 л. 300 экз.

Арсеньевъ, Ю. В. и Трутовскій, В. К. Путеводитель по Оружейной Палатѣ. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (14 × 20). 303 стр. съ рис. Вѣсъ 29 л. 51.000 экз.

Барщевскій, И. Иконопись. Ростовъ-Ярославскій. 1914. Тип. А Барщевскаго. 16° (12 × 17). 15 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Барщевскій, И. Какіе предметы разумѣлись подъ названіемъ „цениниыхъ". Ростовъ-Ярославскій. 1914. Тип. А. Барщевскаго. 16° (12 × 18). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Барщевскій, И. Нѣсколько словъ изъ исторіи искусства скомороховъ. Ростовъ-Ярославскій. 1914. Тип. А. Барщевскаго. 16° (12 × 18). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Библіографическій указатель литературы по народной словесности на русскомъ языкѣ. Вып. II. 1912 годъ. М. 1914. Изд. Коммиссіи по народной словесности при этнограф. отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8° (16 × 24). 46 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 600 экз.

Бицилли, П. М. Западное вліяніе на Руси и начальная лѣтопись. Одесса. 1914. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (18 × 26). 27 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Вилинскій, С. Г., проф. Домъ Романовыхъ и триста лѣтъ русскаго общественнаго самосознанія. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ публичномъ засѣданіи совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета въ день празднованія 300 лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, 21-го февраля 1913 года. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8) 8° (17 × 26). 16 стр. Вѣсъ 3 л.

Виноградовъ, В. П. Уставныя чтенія, какъ предметъ изученія съ историко-гомилетической и историко-литературной точки зрѣнія. Рѣчь Сергіевъ-Посадъ. 1914. Тип. Св. Троицк.-Серг. Лавры. 8° (16 × 24). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Гёрнесъ, Морицъ, д-ръ. Первобытная культура. Часть I. Каменный вѣкъ (Дометаллическія времена. Древній и новый каменный вѣкъ въ Европѣ. Сходныя культуры на другихъ материкахъ). Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи Θ. К. Волкова. Авторизованный пер. съ посл. нѣм. изд. Н. Н. Лебедева (Русское изданіе „Sammlung Göschen"). Рига. 1914. Изд. Наука и жизнь. Тип. П. Керковіусъ (Домская пл., 5). 16° (11 × 16). 183 стр. Съ рис. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз

Горскій, прот. Древне-христіанская практика причащенія Св.

Таинъ, по памятникамъ письменности и искусства. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троице-Серг. Лавры. 8⁰ (15 × 22). 60 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Дворжицкій, К. А. Императоръ Александръ II въ Эмсѣ. 1874 г. Спб. 1914. Тип. „Т-ва Худож. Печати (Ивановская, 14). 16⁰ (12 × 18). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 2.500 экз.

Дурново Николай. Хрестоматія по исторіи русскаго языка. Пособіе при преподаваніи рус. яз. въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Памятники XI—XV в. М. 1914. Изд. В. С. Спиридонова (Моховая, д. Варвар. Акц. Общ.). Тип. Синодальная. 8⁰ (18 × 27). 47 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 2.100 экз.

Завѣтъ Мих. Дм. Скобелева. Спб. 1914. Тип. С. Е. Булыгина (Фонтанка, 151). 8⁰ (15 × 33). 1 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Замотинъ, И. И. М. Ю Лермонтовъ. Мотивы идеальнаго строительства жизни. Варшава. 1914. Тип. Учебнаго округа (Краков. Предм., 3). 8⁰ (15 × 23) 154 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1315 экз.

Извѣстія Одесскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Томъ III. Выпускъ 2. Мартъ—Апрѣль 1914 г. Одесса. 1914. Тип. Центральная (Херсонская, 21). 8⁰ (18 × 27). 65—126 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Ильменскій, А. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ 1904—1914. Къ десятилѣтію со дня Его рожденія. Спб. 1914. Тип. Имп. училища глухонѣмыхъ (Мойка, 54). 8⁰ (17 × 24). 56 стр. съ 19 рис. и 4 портр. Вѣсъ 11 л. 10.000 экз.

Исторія еврейскаго народа. Т. XI. Исторія евреевъ въ Россіи. При ближайшемъ участіи А. И. Браудо, М. Л. Вишницера, Ю. Гессена. С. М. Гинзбурга, П. С. Марека и С. Л. Цинберга. Т. I. М. 1914. Изд. Т-во Міръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (18 × 26). III + 526 стр. + 30 рис. + 3 геогр. карты. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 5.800 экз.

Исторія постановки памятника Императору Александру I Благословенному въ Кишиневѣ. Кишиневъ. 1914. Изд. Книгоизд. Д. И. Платонова. Тип. Гузика. 8⁰ (16 × 24). 16 стр. съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья поэты. А. С. Хомяковъ. Біографія и характеристика. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., 11). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 16⁰ (14 × 21). 51 стр. Съ портр. Вѣсъ 4 л. 7.000 экз.

Кубаловъ, Б. Послѣдніе годы самостоятельнаго существованія Галицко-Волынскаго княжества. Иркутскъ. 1914. Тип. Макушина и Посохина. 8⁰ (16 × 24). 55 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Курбскій, князь. Сочиненія. Томъ первый. Сочиненія оригинальныя. Русская историческая библіотека, издаваемая Императорскою Археологическою Коммиссіею. Томъ тридцать первый. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4⁰ (20 × 29). XXV + 622 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 500 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Иллюстрированное полное собраніе сочиненій. Редакція В. В. Каллаша. Томъ III. М. 1914. Изд. Печатникъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (19 × 27). XLVIII + 340 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 4.950 экз.

Муратовъ, П. Древнерусская иконопись въ собраніи И. С. Остроухова. М. 1914. Изд. к-ва К. Ф. Некрасова. Тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославлѣ). 4⁰ (29 × 37). 40 стр. + 43 листа рис. Ц. 16 р. Вѣсъ 3 ф. 500 экз.

Некрасовъ, Н. А. Полное собраніе стихотвореній въ двухъ то-

махъ. Томъ 1—1842—1872; Томъ II—1873—1877. Спб. 1914. Изд. 12-е. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8⁰ (16×23). XXIX+608+566 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 4 ф. 10 л. По 12.000 экз.

Нивинскій, Д. І. Народная словесность. Пособіе для учащихся при изученіи русской литературы. Спб. 1914. Изд. и тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8⁰ (15×22). 222 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія предметовъ и распредѣленіи лекцій и практическихъ занятій по Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Харьков. Универ. 1914—1915 г. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Клещевскій пер., 8). 8⁰ (14×22). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Образцовъ, В. Н., проф. Празднованіе трехстолѣтія Дома Романовыхъ Императорскимъ Новороссійскимъ университетомъ 21 февраля 1913 года. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (17×26). 30 стр. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Объ украинской вышивкѣ XVIII вѣка и современномъ ея возрожденіи (Отд. оттиски изъ №№ 24 и 25 „Черниг. Земской Недѣли" за 1914 г.). Черниговъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8⁰ (14×23). 21 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Памятная книжка для слушателей Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Александра II. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 16⁰ (13×17). 32 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

По путямъ великой арміи. Юбилейный сборникъ развѣдокъ офицеровъ Виленскаго военнаго округа въ память столѣтія Отечественной войны 1812 года. Ред. Томилинъ. Ч. І. Вып. І. Вильна. 1912 Изд. и тип. Штаба Виленскаго военнаго округа. 8⁰ (18×22). 132+X стр. Вѣсъ 27 л. 1.000 экз.

По путямъ великой арміи. Юбилейный сборникъ развѣдокъ офицеровъ Виленскаго военнаго округа въ память столѣтія Отечественной войны 1812 года. Ред. Томилинъ. Ч. І. Вып. II. Вильна. 1912. Изд. и тип. Штаба Виленскаго военнаго округа. 8⁰ (17×22). 61+XI—XII стр. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз.

Ремезовъ, А. Нѣсколько словъ о новой книгѣ по сектовѣдѣнію. Рецензія на книгу В. В. Розанова: „Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы)". Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троице-Сергіевой Лавры. 8⁰ (16×24). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Часть II. М. 1914. Изд. 9-е. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8⁰ (16×23). 352 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 10.000 экз.

Спаоарисъ, И. О двухъ намогильныхъ памятникахъ съ турецкими надписями, хранящихся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. (По поводу статьи о нихъ Н. Ѳ. Катанова). Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (19×29). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Спаоарисъ, И. Сообщеніе о металлической чашѣ съ арабской надписью. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (19×29). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Титовъ, Ѳ. Прот. Отзывъ о печатномъ сочиненіи настоятеля церкви при Имп. Россійскомъ генеральномъ консульствѣ въ г. Ургѣ, въ Монголіи прот. Милія Чефранова подъ заглавіемъ: „Блаженный Софро-

нiй, 3-й Епископъ Иркутскiй (Москва, 1907 г.). Кiевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. „Петръ Барскiй" (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 24). 10 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Труды 1-го съѣзда представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссiй и соотвѣтствующихъ имъ установленiй. 6-го—8-го мая 1914 г. Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19 × 27). VII+107 стр. Вѣсъ 20 л. 1.200 экз.

Уставъ историко-археологическаго комитета С.-Петербургской епархiи. Спб. 1914. Тип. Александро-Невскаго О-ва Трезвости (Обводный, 116). 16° (12 × 16). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Францевъ, В. А. Изъ переписки Гр. Н. П. Румянцова, Гр. Н. П. Румянцовъ и П. И. Кеппенъ. Варшава. 1914. Тип. Учебнаго Округа (Краков.-Предм., 3). 8° (14 × 24). 114 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Штернъ, Э. Р. фонъ Отчетъ о раскопкахъ на островѣ Березани лѣтомъ 1913 года. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (Ул. Кондратенко, 8). 4° (20 × 28). 33 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 50 экз.

Ѳедотовъ, П. М. Пятидесятилѣтiе Керченской Александровской гимназiи (1863—1913). Историческая записка. Керчь. 1914. Тип. Х. Н. Лаго. 8° (18 × 25). 117 + 44 стр. Съ рис. Вѣсъ 27 л 100 экз.

Алфавитный указатель библiотеки И. С. Остроухова. М. 1914. Тип. Городская. 8° (15 × 22). 265 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 120 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 559. Спб. 1914. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (16 × 24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Антикварный каталогъ русск. рѣдкихъ и др. книгъ № 45. Кн. Маг. Н. М. Фадѣева въ Москвѣ (Моховая, д. Бенкендорфа). М. 1914. Тип. „Крестнаго Календаря". 8° (17 × 26). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Аѳанасьевъ, А. Н. Народныя русскiя легенды. Томъ I. Подъ ред. П. П. Кочергина. Казань. 1914. Изд. Издат. Молодыя силы. Тип. Я. Н. Подземскаго. 8° (17 × 25). CXXVIII + 228 стр., съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 2.050 экз.

Богдановъ, А. Роль коллектива въ Исторiи. Библiотека „Впередъ" № 2. Тифлисъ. 1914. Тип. Гермесъ (Графская, 6). 8° (15 × 21). 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Бразуль-Брушковскiй, Д. Лермонтовъ и Кавказъ. Юбилейная памятка 1841 г.—15 iюля—1914 г. Пятигорскъ. 1914. Изд. I. Шнипа Тип. Сукiасянца. 8° (17 × 20). 32 стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 4.000 экз.

Грековъ, Б. Д. Новгородскiй домъ Святой Софiи. (Опытъ изученiя организацiи и внутреннихъ отношенiй крупной церковной вотчины. Часть I. Записки Историко-филологическаго факультета Имп. Спб. университета. Часть CXX. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17 × 24). XII + 544 + 129 стр. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 400 экз.

Десятилѣтiе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича 30-го iюля 1904—30-го iюля 1914 г. Спб. 1914. Тип. Викторiя (Знаменская, 17). 4° (29 × 45). 2 стр. съ рис. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Дмитрiевскiй, А. А., проф. Въ Бозѣ почившiй Митрополитъ Петербургскiй Антонiй и его сношенiя по дѣламъ церковнымъ съ православнымъ востокомъ. Казань. 1914. Изд. Духовной Академiи. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 22 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Захватъ дворянскими учрежденіями управленія земскими дѣлами Прибалтійскаго края. Краткій очеркъ столѣтней попытки русскаго правительства упорядочить земское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ. Ревель. 1914. Тип. I. Фельсберга и А. Тетермана. 8⁰ (16×23). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Извѣстія Кавказскаго музея. Томъ VII. Вып. 3—4. Тифлисъ. 1914. Изд. Кавказскаго музея. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на Кав-зѣ. 8⁰ (16×24). 205—453 стр. + 10 табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 500 экз.

Иловайскій, Д. И. Вѣроятное происхожденіе св. княгини Ольги и новый источникъ о князѣ Олегѣ. М. 1914. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8⁰ (18×26). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 350 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. XXX. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ 8⁰ (19×26). 17—144 стр. съ 4 рис. Вѣсъ 30 л. 6.100 экз.

Каталогъ музея Псковскаго археологическаго общества. Псковъ. 1914. Тип. Губ. земства. 8⁰ (15×22). 89 стр. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Кондаковъ, С. Н. Юбилейный справочникъ Императорской Академіи Художествъ. Спб. 1914. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (22×30). 351 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 4 ф. 4 л. 1.200 экз.

Литовская метрика, отдѣлы первый — второй. Часть третья: Книги Публичныхъ Дѣлъ. Томъ первый. Русская историческая библіотека, издаваемая Императорскою Археографическою коммиссіею. Томъ XXX. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисенъ. 8⁰ (19×27). IV + 895 + 44 + 2 неп. стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 2 л. 500 экз.

Новый Энциклопедическій Словарь. Двадцатый Томъ. Итамарака-Каринскій. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (Спб.). Спб. 1914. Изд. и тип. Акц. Общ. Брокгаузъ и Ефронъ (Прачешный пер., 6). 8° (19×28). 960 стр. Съ рис. и карт. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 16.000 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.